

А. А. Прохоров

Князь Түр: история легенды

Сакрализация
княжеской
власти
у славян

А. А. Прохоров

Князь Түр: история легенды

**Сакрализация
княжеской
власти
у славян**

МИНСК
БГУ
2005

УДК 94(476)„10/11”
ББК 63.3(4Бел)4
П78

Р е ц е н з е н т ы:

д-р ист. наук, проф. *Федосик В. А.*;
д-р ист. наук, проф. *Беспалая М. А.*

Прохоров, А. А.

П78 Князь Тур : история легенды. Сакрализация княжеской власти у славян / А. А. Прохоров. – Мн. : БГУ, 2005. – 252 с.
ISBN 985-485-437-X.

В монографии исследуется образ легендарного князя Тура. Проводится сопоставление данных археологических раскопок с материалами мифов, легенд и историческими описаниями греческих и римских авторов. Анализируются лингвистический, археологический и нарративный аспекты древней истории в контексте становления белорусской государственности.

Предназначено для студентов, научных сотрудников и всех, кто интересуется древнейшей историей Беларуси.

УДК 94(476)„10/11”
ББК 63.3(4Бел)4

ISBN 985-485-437-X

© Прохоров А. А., 2005
© БГУ, 2005

И так как ничего более достоверного
я не знаю, пусть это останется
нерешенным и мною.

Тацит

В в е д е н и е

ДРЕВНИЙ СЛАВЯНСКИЙ ГОРОД

Под 980 годом в «Повести временных лет» мы читаем: «Бе бо Рогъволодъ пришедь и-заморья, имяше власть свою в Полотьске, а Туры Турове, от него же и туровци прозвашася» [ПВЛ, с. 36]*. С этой крайне лаконичной фразы в летописи начинается письменная, насыщенная фактами и событиями история белорусских земель. Нельзя переоценить значение этого замечания летописца для нашей страны. Здесь и первая дата, дающая отсчет летам нашей истории¹. Здесь и указание на существование первых белорусских городов, и рассказ о наших первых князьях, о становлении государственной власти, и название народа. С этой фразы белорусские земли уверенно заявили о начале своего цивилизованного развития.

О начальной истории города Турова мы почти ничего не знаем. Он впервые упоминается в летописном сообщении 980 г. без каких-либо деталей. Впечатление как у путешественника, который долго шел в тумане, фактически ничего не видя вокруг, и вдруг в лучах мгновенно пробившегося солнца практически прямо перед ним возникает укрепленный город, а громкий перезвон церковных колоколов уже рассказывает о славе этого поселения.

Это не удивительно. Историки редко имеют полные и достоверные сведения о временах становления цивилизаций, будь то история

* В квадратных скобках указаны библиографические ссылки на источники (прямим шрифтом) и исследования (курсивом).

¹ Предшествующие все-таки остаются спорными.

древнего Египта, древнего Китая, древних германцев или ранняя история земель современной Беларуси. Связано это с тем, что родовое общество того времени еще не знало письменности, именно поэтому столь важными для нас являются археологические материалы. Кроме того, реальную помощь могут оказать лингвистика, фольклористика, топонимические исследования и т. д.

Именно момент становления цивилизации – определяющее время в истории народов на многие столетия, а то и тысячелетия, формирующее пути их развития. Поэтому, каким бы ни было отношение к первым шагам цивилизованного человечества, исследователи всегда уделяют этому периоду самое пристальное внимание.

Должно быть наиболее визуально ощущаемым символом становления цивилизации являлось возникновение городов. Опоясанные укреплениями, города даже внешне резко отличались от прежних немногочисленных и разреженных поселений, став символами экономических достижений и уже пройденного пути культурного развития. Это был показатель перехода к стабильной хозяйственной системе, основанной, как правило, на высокопродуктивном земледелии. Именно в это время население получило возможность заниматься не только добыванием пищи, но и осваивать новые социальные и хозяйственные занятия. Города зримо представляли собой идею установления нового стабильного общества и были средоточием усложнившейся социальной жизни. В городах обосновываются новые социальные силы – правители, воины, жрецы, чиновники, купцы, ремесленники – все те, кто должен был способствовать дальнейшему развитию человеческого общества. Вместо племен город формировал новые сообщества – народности и народы, связанные осознанием не только близкого родства, но и единства собственных традиций и общей судьбы. Такие народности и народы рождались из множества говоривших на разных языках, отличных по внешнему виду и материальной культуре, исповедовавших различные религиозные традиции племен.

Судьбы ранних городов были теснейшим образом переплетены с судьбами их правителей. Мудрые правители, дальновидные политики, талантливые военачальники, рачительные хозяева предопределяли славное и могущественное будущее своих городов. Такие центры, возвышаясь над соседями, становились столицами растущих государственных образований.

В восточнославянском регионе города повсеместно возникали на речных торговых путях, контролируя их и за счет этого богатея. Наличие плодородных земель в окрестностях давало возможность вести развитое сельское хозяйство, повышая таким образом количество проживающего населения. А это способствовало в свою очередь увеличению вооруженных сил, задействованных в многочисленных столкновениях.

Первые упоминания о Турове связаны со становлением нового усиливавшегося государства – Киевской Руси. Ее первые князья, выходцы из варяжских дружинных предводителей, стремились к контролю за торговым путем «из варяг в греки». Этот путь шел из далекой Скандинавии, откуда в это время отряды викингов (на Руси их называли варягами, а в Западной Европе – норманнами) совершали яростные грабительские набеги и рискованные торговые путешествия в далекие страны. В том числе их манил самый богатый и знаменитый город того времени – византийская столица Константинополь. Поэтому с конца VIII до IX в. н. э. варяжские дружины все активнее двигаются в Византию через земли Восточной Европы, где еще не сформировались стабильные государственные образования. Небольшие славянские племенные княжения пока не могли оказать им должного отпора, как это делали западноевропейские государства.

В результате возник путь «из варяг в греки», соединивший Византию и Скандинавию по основным рекам Восточной Европы. Именно на этих торговых путях появлялись первые городские поселения. Это непосредственно затронуло и будущие белорусские земли. Одним из первых крупных политических и культурных центров, возникших в начальный период истории Киевской Руси, стал Туров.

Такое положение Турова определялось несколькими главными причинами. Город занимал крайне выгодное географическое положение. Он располагался в самом сердце Припятского Полесья. Фактически все стратегические выгоды определялись самой полноводной речкой Припятью и ее притоками. По Припяти издавна проходил торговый путь, который связывал Приднепровье с Центральной Европой [Довнар-Запольский, 1891, с. 23]. Путь этот шел из Киева до Кракова и дальше в Прагу. Арабский путешественник Ибрахим ибн Якуб в середине X в. пишет, что в Прагу приезжали русы и славяне с товарами [Rospond, 1984, с. 166]. На тот момент в центральноевропейском регионе практически одновременно с киевской державой формиро-

валось сильное польское государство, отношения с которым время от времени приобретали жизненно важный характер для Киева.

Немаловажную роль играли и притоки Припяти, которые давали возможность далекого проникновения и равномерного политического контроля за огромной территорией. Левые притоки – Птичь, Ясельда, Случь, Лань, Цна – ведут напрямик к Среднебелорусской возвышенности и к Балтийско-Днепровскому водоразделу. Истоки правых притоков – Горыни, Стыри, Уборти, Ствиги, Стохода, Славечны – располагаются на географической границе лесостепи и степи.

Туров находится около места впадения реки Струмень в Припять, что связывает этот район с югом. С севера в Припять впадает река Случь, которая открывает путь к верховьям Немана. «Этим, кажется, определяется раннее возвышение Турова среди древнерусских городов» [Тихомиров, 1946, с. 109]. Торговое значение города было очень велико [Толочко, 1975, с. 56]. Например, по Припяти шла в Киев соль из Галиции, являвшаяся дефицитным и дорогим товаром [Очерк истории, 1880, с. VII].

Кроме того, нельзя забывать, что именно в районе Турова карбонатные почвы (самые плодородные почвы современной Беларуси) делали местное земледелие более продуктивным по сравнению с соседними районами и давали возможность кормить быстро растущее население.

Туров был хорошо защищен от врага природно-географическими условиями. Болотные территории были первой защитной линией города, делая его доступным только в определенное время года. Весной и осенью попасть сюда можно было только по рекам из-за разливов и наступления болот. Летом при налаженной системе наблюдения и оповещения можно было практически не опасаться неожиданного наступления врага в болотном крае. А при очевидном превосходстве нападавших у населения всегда была возможность вовремя затеряться в труднодоступных болотах. Может быть, только зимой, когда болота и реки сковывал лед, у нападающих была возможность стратегического выбора для атаки. Зато само зимнее время не способствовало длительным военным кампаниям.

Однако, городские укрепления были всегда в боевой готовности. Яркой страницей военной славы Турова стали две безуспешные его осады киевским князем Изяславом Даниловичем, одна из которых в 1158 г. длилась 10 недель. Мощные замковые укрепления опоясывали Туров вплоть до первой половины XVIII в. [Ткачоў, 1991, с. 123].

Город в период Киевской Руси некоторое время передавался близким наследникам киевских князей. Часто это были третьи сыновья киевских князей, что, видимо, показывает место Турова в «лествичном восхождении»¹ в роду Рюриковичей.

Известно, что на княжение в Туров киевские князья ставят сыновей, чтобы контролировать свои связи с центральноевропейским западом и одновременно прикрывать северный фланг собственно киевской территории [Толочко, 1975, с. 25]. Первым из исторически засвидетельствованных туровских князей был сын князя Владимира, крестителя Руси, – Святополк Владимирович, который получил Туров в 988 г. Уже при нем Туров производит впечатление устоявшегося политического и экономического центра. Правление Святополка наилучшим образом иллюстрирует стратегическое значение Турова на тот момент как города, который призван был удерживать весь западный фланг Руси. Недаром за Святополка была просватана дочь польского короля Болеслава Храброго [Довнар-Запольский, 1891, с. 74; Назаренко, 2000, с. 322–323]. В 1015 г., когда умер князь Владимир, Святополк активно включился в борьбу за великокняжеский престол. Ему ненадолго удалось овладеть им, убив на пути к трону трех младших братьев² – Святослава, Бориса и Глеба³. За этот поступок Святополк получил в народе прозвище «Окаянный»⁴.

Что использовал другой сын Владимира – Ярослав, посаженный отцом княжить в Новгороде, и уже через год ему удалось захватить Киев. Вот тут и сыграл свою роль союз, над которым трудился Святополк, сидя в Турове. Он бежал к тестю в Польшу и в 1018 г. вернулся

¹ Лествичное восхождение – занятие потомками киевского великого князя городов Руси в соответствии с первенством в роду. После смерти кого-либо в роду нижестоящие переезжали в город выше рангом. Подробнее см. [Соловьев, 1991, с. 314–321].

² Двое последних стали первыми русскими христианскими святыми.

³ Правда, существует и версия, что на Святополка лишь свалили вину, что было связано с откровенными политическими целями [Назаренко, 2000, с. 271; Чибиско, 2001, с. 248–249].

⁴ Напомним, что кладбище в Турове рядом с замчищем носит название Борисоглебского. С XII в. поблизости от города был основан Борисоглебский монастырь [Довнар-Запольский, 1891, с. 60, 59; Шахматов, 2001, с. 50]. Надо думать, что перед нами вполне осмысленное стремление замолить грехи «Окаянного князя».

на Русь с армией Болеслава, которая после успешного сражения под Берестьем [Назаренко, 2000, с. 325] не встретила сопротивления в бывшем полесском «уделе» Святополка, и тот вновь утвердился на великокняжеском столе. Но, проиграв на следующий год решающее сражение все тому же Ярославу Мудрому, Святополк погиб по пути в Европу. Ожесточенной междоусобице за верховное княжение между братьями Ярославом и Святополком посвящена и варяжская сага «Прядь об Эймунде».

Начиная с Ярослава Мудрого, все последующие князья передавали Туров своим сыновьям, обеспечивая себе важный стратегический регион связей с западом. Только при полном ослаблении власти киевских князей одному из Рюриковичей удалось самовольно захватить и удержать за собой город. Но в преддверии феодальной раздробленности ничто не могло спасти от нее и Туровское княжество, также распавшееся на уделы.

Туров играл роль важнейшего культурного центра Киевской Руси, а также стал одним из центров христианизации. Уже в конце X – начале XI в. (вероятнее всего в 1005 г.) здесь была создана одна из первых епархий как часть Киевской митрополии. К XI в. относится и старейшая на белорусских землях рукописная книга, дошедшая до нашего времени. Это Туровское Евангелие¹, сохранившаяся часть которого была обнаружена в Турове в Спасо-Преображенской церкви в 1865 г. и которое хранится в настоящее время в Вильнюсе. В нем две собственноручные записи князя Константина Острожского, который долгое время был владельцем Турова и много сделал для процветания города.

В Турове родился и творил один из величайших христианских просветителей и писателей Киевской Руси Кирилл Туровский (около 1113 – после 1190). Его произведения, носящие характер яркой проповеди, были очень популярны на Руси еще долго после его смерти. Кирилл Туровский был одним из первых церковных деятелей восточнославянского происхождения, который принял активное участие в жизни православной церкви. Будучи избран епископом Турова, Кирилл много сделал для распространения христианства в Полесье.

¹ Его древность была засвидетельствована среди прочих и великим русским историком И. И. Срезневским. Одновременно это одна из старейших сохранившихся книг периода Киевской Руси.

Летописи не слишком многословны в отношении Турова. Собственные летописные своды из этого города до нас не дошли, и мы не знаем, существовали ли они. Зато несколько поколений археологов много сделали, чтобы буквально по крупицам восстановить его историю. В 1889 г. В. З. Завитневич провел ознакомительные работы на городище и описал его. После этого здесь работали А. Д. Каваленя, С. С. Шутов, А. Н. Лявданский, М. Д. Полубояринова, П. А. Раппопорт, В. В. Седов, М. К. Каргер, П. Ф. Лысенко. Итоги археологического изучения Турова подведены в книге известного белорусского археолога П. Ф. Лысенко [Лысенко, 2001].

Раскопано туровское городище. В городе были обнаружены стены церкви XII в. из плинфы. Это одна из самых древних, если не древнейшая каменная церковь на Беларуси. В какой-то момент по неизвестным для нас причинам стены церкви рухнули. По предположению П. Ф. Лысенко, произошло это в 1230 г. в результате землетрясения в Карпатах, которое тяжелым эхом донеслось до нас [Лысенко, 2003, с. 15]. На долгое время город лишился каменной церкви.

В Турове найдены шесть уникальных каменных саркофагов. Первый из них был найден случайно в 1908 г. на Борисоглебском кладбище. Все саркофаги сделаны из светло-красных цельных плит, вытесанных из мягкого камня и скрепленных внутри железными скобами. Верхняя плита первого была разбита. Внутри были найдены человеческие останки и даже золотые нити, как считают, от дорогой одежды [Дневник раскопки, 1911, с. 263–268].

Интереснейшими памятниками истории являются знаменитые туровские каменные кресты из серого гранита. Они располагались как в самом Турове, так и в окрестных деревнях [Крукоўскі, 1928, с. 55; Дучыц, 1994, с. 89–90]. В практически лишенной камня Туровщине эти кресты пользовались и пользуются огромной любовью и почитанием у населения. С ними связаны многочисленные предания.

В современном Турове приезжему не бросаются в глаза очевидные материальные свидетельства его древней славы. Как и ранее, Припять несет свои воды размеренно и величаво мимо пологих берегов. Движение воды почти не ощущается. И это неспешное движение реки, вскормившей город, свидетельствует о вечности и незыблемости неспешного течения времени. Однако это впечатление обманчиво – русло реки изобилует стремнинами, она полна водоворотов.

Туров сохранил бесценную сокровищницу нашего творческого наследия. Город Туров знаменит своими преданиями и легендами, которые нигде так не богаты в Беларуси, как на этом небольшом островке полесской земли. До сих пор творчество не умерло, записываются варианты легенд об основании города, о его непростой истории и культурной миссии на наших землях. Более того, предания продолжают возникать еще и сейчас, подпитываясь древними примерами.

Туровские предания составляют совершенно особый пласт духовной культуры не только этого города, но и всей Беларуси. Они донесли и связывают нас с древнейшей историей нашей родины.

Именно предания не менее содержательно, чем материальные свидетельства нашей далекой истории, могут иногда поведать нам о прошлом. Может быть, мы даже до конца и не осознаем, насколько сильна такая «изустная» связь со многими поколениями наших предков...

Глава 1

КНЯЗЬ ТУР. ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ

К сожалению для нас, сообщение «Повести временных лет» о князе Туре (*Туры* по летописным спискам) является единственным упоминанием о нем в источниках, да еще в таком относительно неясном контексте. Само сообщение слишком краткое, чтобы делать далеко идущие выводы. Уже сами эти обстоятельства объективно ограничивают наши знания и возможности дискуссии. Поэтому о князе Туре историки всегда рассуждали относительно немного и очень осторожно.

В начале XIX в. перед исторической наукой в целом еще стоял вопрос, какой город идентифицировать с летописным Туровом. Например, тогда его задавал немецкий ученый А. Шлёцер. Выверенный и обоснованный ответ он получил от русского историка К. Калайдовича в 1821 г. [*Калайдович*, 1821, с. X–XIII]. Тот, в свою очередь, опирался на данные русского чиновника, минского гражданского губернатора Г. Гчевича, по поручению которого было сделано очень грамотное описание Турова, только вошедшего тогда в состав Российской империи.

Почти на протяжении всего XIX в. в российской и мировой науке практически безраздельно господствовало доверительное отношение и прямолинейное понимание сообщения летописи – Тура считали историческим варяжским князем [см. сводку: *Грушевский*, 1901, с. 22]. Заложил эту традицию еще один из основателей российской исторической науки В. Н. Татищев. Он перечислял Тура в ряду пришедших из Скандинавии варяжских князей и считал, что «Тур был князь в Турове, от которого и град Туров имянован» [*Татищев*, 1994, с. 309; *Татищев*, 1995, с. 54].

Подобную позицию полностью разделяло и большинство российских и славянских историков того времени. К. Калайдович и В. О. Ключевский не сомневались в варяжском происхождении и историчности Тура [Калайдович, 1821, с. XIII; Ключевский, 2002, с. 130]. Солидаризировался с этим мнением российский историк М. Погодин, который относил Рогволода и Тура к варягам, однако все-таки несколько сомневался в историчности последнего. Во многом это было его концептуальное убеждение, так как он считал, что только варяги составляли в начальный период становления Киевского государства военное сословие, а местное население к службе не допускалось [Погодин, 1846, с. 125]. П. Н. Батюшков, попытавшийся одним из первых в русской исторической науке дать целостное описание белорусской и литовской истории, также убежденно разделял сообщение летописи [Батюшков, 1890, с. 12]. К мнению историков о реальном существовании князя-варяга присоединялся Н. Шпилевский [Шпилевский, 1859, с. 39].

Известный чешский славист Л. Нидерле полностью доверялся летописному сообщению и относил Тура к группе варяжских князей, основавших древнерусские города. Их этническая близость дала впоследствии, по его мнению, возможность создать единое государство [Нидерле, 2000, с. 163].

Немецкие и скандинавские ученые активно и безоговорочно поддерживали мнение о варяжском происхождении и историчности князя Тура [Шлецер, 1819, с. 654–655; Томсен, 1890, с. 67, 129]. На основе сравнительного лингвистического анализа они уверенно говорили о скандинавской форме имени, зафиксированной в летописи, – *Туры*. По мнению ученых, подобная форма полностью отвечает правилам адаптации скандинавских имен в разговорном языке Киевской Руси [Томсен, 1890, с. 67, 129; Фасмер, 1986, т. 4, с. 124].

Долгое время этот взгляд был господствующим и большинство историков попросту следовали за летописью, не пытаясь критиковать ее сообщение. Однако уже тогда были высказаны и первые возражения.

Первым поставил под сомнение фактическую ценность сообщения о полесском князе один из основателей исторической науки в славянских странах XIX в. З. Доленга-Ходаковский: «ибо я не могу верить в мнимаго Князя Тура...» [Доленга-Ходаковский, 1844, с. 346]. Он же первым привел и список схожих топонимов по всей территории Российской империи того времени [Доленга-Ходаковский, 1844,

с. 342–345], что, по его мнению, ставило под сомнение выведение названия города из имени конкретного человека.¹

Аналогичное мнение высказал А. К. Киркор, относясь как к предмету фольклорной выдумки к «баснословному», т. е. выдуманному князю Туру [Киркор, 1993, с. 379].

М. Довнар-Запольский расценивал «это упоминание летописи не более как предание» [Довнар-Запольский, 1891, с. 70]. Более того, он одновременно отказывал в историчности и упомянутому тут же варягу Рогволоду, которого он отделял от славянского Рогволода, князя полоцкого [Довнар-Запольский, 1891, с. 70].

Вскоре сформировалась и еще одна концепция, которая выводила имя Тура из имени древнего языческого божества. Правда, и тут сразу разгорелись споры – принадлежало ли это имя скандинавскому или славянскому божеству.

Многие немецкие и российские историки давно сопоставляли имя князя Тура напрямую с именем скандинавского божества Тора [Грушевский, 1901, с. 23]. С. Рожнецкий собрал и подытожил большой и разнообразный материал, при помощи которого он аргументировал идентичность Перуна и Тора для скандинавов на Руси. По его мнению, они приспособили к местным условиям культ собственного бога воинов, найдя на Руси его соответствие. Поэтому Перун и Тур были для него синонимичными понятиями [Rožniecky, 1901].

Эти аргументы во многом убедили выдающегося лингвиста М. Фасмера. Выводя имя князя из древнескандинавского имени *Pórir*, вин. пад. *Póri*, шведс. *Tore*, он одновременно указывал, что в основе могло лежать и имя скандинавского бога *Pórr* 'Thor' [Фасмер, 1986, т. 4, с. 124].

Возможно, признание Тура скандинавским божеством в чем-то подтолкнуло к попыткам возведения имени уже к славянскому, по всей видимости, легендарному божеству Туру. Российский историк С. М. Соловьев перечислял среди славянских языческих богов «Сура

¹ З. Доленга-Ходаковский (настоящее имя Адам Чарноцкий, 1784–1825) родился в Гайне (совр. Логойский р-н). Выдающийся историк, который от сугубо теоретического изучения письменных источников перешел к полевым исследованиям всего комплекса народной культуры, а также исторических памятников. И тем он явился основателем нового направления в изучении славянской истории, на которое равнялись многие ученые славянских стран. Предварительное изучение З. Доленга-Ходаковский провел и в Турове.

или Тура», не уточняя при этом более ничего – ни его функции, ни его возможного отношения к полесскому князю [Соловьев, 1993, с. 70]. А. Афанасьев полагал, что Тур было прозвищем Перуна, что шло от почитания славянами силы могучего тура и было связано с обычаем посвящения быков в жертву Перуну [Афанасьев, 2002, с. 634–635].

Правда, к идее о Туре как о божестве подавляющее большинство историков изначально отнеслось холодно [Грушевский, 1901, с. 23]. Наиболее аргументированную и обстоятельную критику попыткам увидеть в некоем Туре божество, безотносительно скандинавское или славянское, дал Н. Ф. Сумцов [Сумцов, 1887, с. 87–90].

К концу XIX в. был накоплен определенный материал и были высказаны основные мнения. Возникло стремление к обобщению и к поиску более глубоких аргументов для обоснования историчности или легендарности летописного князя Тура.

Одним из первых, кто попытался взглянуть на проблему относительно всесторонне и критически был епископ Минский и Туровский Евгений (Шарашилов) в своем очерке туровской истории. Прежде чем сделать окончательные выводы, он достаточно подробно показал возможные варианты этимологии имени Тура. Так, он вполне допускал возможность происхождения имени от славянского названия животного, а потом создание легенды о князе уже для объяснения названия города. Также он видел возможность славянского происхождения имени Тур, которое могло быть славянским прозвищем варяжского князя [Очерк истории, 1880, с. II–III]. Однако в итоге и он примкнул к устоявшемуся на тот момент мнению, признавая историчность варяжского Тура [Очерк истории, 1880, с. I]. Аналогичное мнение высказывал Н. Ф. Сумцов [Сумцов, 1887, с. 73].

В. Завитневич, отстаивая варяжское происхождение Тура, привел аргументы, не потерявшие актуальность до сих пор. Он критиковал несколько возникших к тому времени мнений. Так, он был не согласен с историками, которые «...совершенно игнорируют Тура, признавая, вероятно, его лицом, вымышленным летописцем для объяснения названия города Турова. Но такой скептицизм ничем не может быть оправдан. Известие о Туре мы встречаем в том же месте древней летописи, в котором говорится и о Рогволоде. Историческое существование Рогволода оправдано позднейшими событиями, поэтому, оставаясь последовательными, мы должны признать и Тура действительным историческим лицом. Что же касается предположения, что имя Тур придумано летописцем для объяснения про-

исхождения названия города Турова, то оно едва ли заслуживает серьезного внимания. Несомненно то, что корень “тур” послужил основой для образования названия многих древних урочищ и даже рек; но несомненно также и то, что имя Тур было одним из самых распространенных собственных имен в рассматриваемое время» [Завитневич, 1886, с. 587].

Несколько двойственную позицию занимал А. Грушевский. С одной стороны, он практически полностью доверял упоминанию летописи о князе Туре – его историчности и варяжскому происхождению: летопись «подала повод считать Туров оплотом варяжских князей, долго сохранявшим свое значение как центр варяжской колонизации» [Грушевский, 1901, с. 17, 23–24]. Несмотря на это, в другом месте он колеблется, не был ли «создан в народной фантазии несуществовавший герой-основатель по имеющемуся имени города» [Грушевский, 1901, с. 24] и дает вполне логичную схему возможного развития эпонимической легенды.

Таким образом, конец XIX в. выявил сомнения в необходимости дословного понимания летописного сообщения. Тем не менее в целом пока торжествовала идея варяжского происхождения князя. Однако уже тогда были поставлены кардинальные вопросы: видеть ли за сообщением летописи исторический факт или считать его легендой, признавать ли Тура варягом или славянином по происхождению или видеть в его имени упоминание о языческом божестве. Собственно, все эти мнения в основном продолжали и продолжают существовать.

Историки XX в. мало продвинулись в изучении вопроса о князе Туре, занимая ту или иную позицию скорее в зависимости от своих убеждений, чем от наличия новых исторических документов или доказательств. Большое влияние на славянских историков оказала популярная борьба с норманнской теорией, что очень напоминало ситуацию, когда ранее на решение вопроса влиял сам норманизм.

Причем это выразилось одновременно в разных формах. Все громче звучали голоса тех, кто считал Тура легендарной личностью, созданной народной фантазией. А с другой стороны, все смелее указывали на возможность славянского происхождения его имени. Этому немало способствовал текст «Слова о полку Игореве», где несколько раз упоминается прозвище князя Всеволода Святославича «Буй-Тур», а воины в сражении сравниваются с турами. Это сразу поддержало богатые славянские фольклорные параллели. Факти-

чески, подавляющее большинство славянских историков практически до конца XX в. предполагали славянское происхождение имени туровского князя. Правда, надо признать, что они по-разному аргументировали свое мнение.

Е. А. Рыдзевская, проработав большой материал по скандинавским лингвистическим свидетельствам на восточнославянской территории, и прежде всего в летописях, в вопросе о летописном имени Тура показала, что, исходя из лингвистической фиксации имени в летописи, оно действительно вполне может быть варяжским. Однако она уже не исключала и его славянского происхождения [Рыдзевская, 1934, с. 527].

Академик М. Н. Тихомиров полагал: «Предание о Туре, пришедшем из Заморья, как строителе города Турова, по-видимому является позднейшим домыслом, так как имя «Тур» могло быть славянского происхождения» [Тихомиров, 1946, с. 11, 109]. Ученый предложил два постулата: об истинно славянском происхождении имени Тура и о скандинавской выдумке причисления его к варягам. Но в целом он не отрицал историчность летописного свидетельства.

Не до конца ясна позиция Р. С. Липец, которая, с одной стороны, ссылаясь на мнение М. Н. Тихомирова, а с другой, без критики привела и аргументы о возможности существования божества с именем Тур [Липец, 1972, с. 97–98].

Топонимист В. А. Никонов считал соотнесение названия города Турова с названием животного «обычной наивной этимологией». «Формант *-ов* указывает на личное имя, т. е. «город Тура», летопись прямо сообщает об этом» [Никонов, 1966, с. 430]. Таким образом, он отнес Тура к историческим персонажам и, видимо, также видел в нем славянина.

Диаметрально противоположное мнение высказала фольклорист В. К. Соколова: «Название города Туров, происшедшее, по-видимому, от водившихся в этих местах туров, летописное предание производит от имени некоего Тура, варяга» [Соколова, 1972, с. 216].

Однако и в это время среди славянских ученых находились отдельные сторонники варяжского происхождения Тура. Так, академик В. В. Мавродин ставил Тура в один ряд с варяжскими князьями, но не брался решать вопрос его исторической реальности [Мавродин, 1945, с. 209].

Фактически не брал на себя решение вопроса и академик Д. С. Лихачев. Он считал, что «за кратким замечанием летописца, очевидно,

скрывается какая-то этимологическая легенда, объяснявшая происхождение названия Турова и княжеской династии, в ней сидевшей» [Лихачев, 1999, с. 449, 392–393, 404]. Это сообщение он относил к безусловным легендам, хотя, как мы видим, не отрицал исторической основы содержащихся в ней сведений, одновременно отстраненно глядя на этническую проблему.

Активную позицию в дискуссии заняла польская историография. Крупнейший польский историк Х. Ловмянский в своей ожесточенной борьбе с идеями норманизма считал, что летописное «сообщение скорее домысел летописца, выведенный из сопоставления нордического имени со славянским названием города» [Lowmianski, 1957, с. 74; Lowmianski, 1961, с. 417]. При этом он не отрицал варяжское происхождение имени, которое могло дать пищу к «домыслам».

Польский лингвист С. Роспонд однозначно высказался за славянское происхождение имени князя Тура, хотя и считал его легендарной личностью, созданной «народной этимологией» от названия города. При этом он указывал, что именная форма на *-ы* была характерна в древнеславянской письменности для скандинавских имен, что и зафиксировала «Повесть временных лет» – Кары, Бруны, Моны – в именах скандинавских дружинников. Критикуя М. Фасмера за выведение имени из древнескандинавского, он считал, что «это лишь нордизация летописного славянского Туръ на Туры» [Роспонд, 1979, с. 40]. «Славянская антропонимия может быть только в форме *Туръ*, а не *Туры*. Поэтому такую этимологизацию летописца с опорой на эпоним Туры, якобы лежащий в основе топонима Туров, следует считать фикцией» [Роспонд, 1979, с. 40]. Но итогом его доказательств является стойкое впечатление, что если дословно следовать летописному сообщению и написанию имени, то мы безусловно имеем дело со скандинавским влиянием¹.

Еще один польский лингвист Т. Скулина в своем обобщающем исследовании по именослову у восточных славян древнего периода,

¹ Интересно, что в другом месте, не затрагивая пример с названием Турова, С. Роспонд утверждал, что в древности формы на *-овъ* не были типичны для названий, происходящих от имени человека. На этом основании он отрицал происхождение названия Кракова от имени легендарного Крака [Rospond, 1984, с. 167]. Однако в случае с полесским городом он считает вполне возможным вести речь о патронимической форме названия.

вслед за Х. Ловмянским, считал князя Тура выдумкой летописцев [Skulina, cz. 1, 1973, с. 107]. Он полагал, что если даже имя действительно принадлежало историческому лицу, то запись летописцем имени в форме *Tury* (*Turyj*) было ошибкой и искажением славянского *turь*, *Turь* [Skulina, cz. 1, 1973, с. 107; cz. 2, с. 49].

Один из редких ученых, поддержавших в середине XX в. идею о почитании божества Тура, был Г. В. Вернадский. Ни словом не упоминая сообщение летописи о князе Туре, он уверенно заявляет о скандинавском божестве: «Тор был также известен на Руси под своим собственным именем Тур в русской транслитерации» [Вернадский, 2000, с. 63].

Признавал Тура божеством, но уже божеством исконно славянским, также при постоянном умолчании о полесском князе, Б. А. Рыбаков. Он полагал, что «...тур почитался священным животным. Тур был божеством близким к Яриле. Сохранилось множество урочищ по всей России, связанных с эротическим культом тура» [Рыбаков, 1949, с. 45]. Однако вынос этого утверждения ученым в примечания говорит о том, что он вполне отдавал себе отчет в его гипотетичности.

Удивительно, но факт, что белорусские историки начала XX в. практически не затрагивали вопрос о князе Туре, что, видимо, как раз и служит отражением неуверенности в аргументах и, в конечном счете, нерешенности вопроса. Обошли молчанием этот вопрос О. Турчинович, давший в середине XIX в. одно из первых описаний белорусской истории, В. М. Игнатовский и др. Даже академик В. И. Пичета, представив достаточно подробный обзор ранней белорусской истории, обошел красноречивым молчанием упоминание летописи о Туре [Пічэта, 1924, с. 26–27].

Практически впервые в белорусской историографии к вопросу об историчности князя Тура обратился крупный белорусский археолог и исследователь Турова П. Ф. Лысенко. Он всегда однозначно высказывался за славянское происхождение имени или скорее прозвища князя [Лысенко, 1974, с. 33–34]. Постепенно он все более определенно склонялся к признанию его историчности: «Хутчэй за ўсё, гэта быў князь мясцовай дынастыі дрыгавіцкага племяннога княжаньня, які княжыў у Тураве і выконваў абавязкі племяннога князя, але знаходзіўся ў залежнасці ад вялікага князя кіеўскага і выплочваў яму даніну. Як відаць, гэта быў адзін з апошніх племянных князёў у дрыгавічоў» [Лысенка, 1994, с. 44]. Фактически как историческое

лицо Лысенко рассматривает Тура в недавнем издании «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі»: «Тураўскае княства стала спадкаемцам племяннога княжання дрыгавічоў, што мела свайго племяннога князя (апошні – напайлегендарны князь Тур)» [Лысенка, 2001а, с. 541].

М. И. Ермолович присоединялся к мнению В. З. Завитневича, что научный мир должен проявить последовательность и признать историчность Тура вслед за неизбежным признанием историчности Рогволода. Он также отстаивал славянское происхождение Тура. М. И. Ермолович первым обратил внимание на туровское устное предание о князе Туре, видя в нем аргумент исторической памяти народа, который может служить доказательством реальности князя [Ермолович, 1990, с. 74–75].

Известный белорусский археолог Э. М. Загорульский считает, что летописное сообщение слишком малоинформативно, чтобы мы имели возможность делать на его основании уверенные выводы, тем более, что легенда тут может теснейшим образом переплетаться с историей [Загорульскі, 1998, с. 97]. Однако он полагает, что Тур мог быть историческим лицом и уже в тот период являться наместником киевских князей [Загорульскі, 1998, с. 47–48, 97].

В целом в последнее десятилетие белорусские ученые значительно меньше ставят под сомнение историчность князя Тура. Мнение С. В. Тарасова: «Сталіца княства – горад Тураў – прыгадваецца пад 980 г., калі на Беларусі з’яўляюцца князі, магчыма, браты – Рагвалод і Тур». Хотя практически вслед за этим утверждением идет, на мой взгляд, противоречащее утверждение: «...да канца X ст. у Тураве кіравала ўласная дынастыя князёў, чый радавод быў спынены падчас утварэння «імперыі Уладзіміра Святаслававіча»» [Тарасаў, 1996, с. 40].

Г. Саганович также разделяет мнение о Туре как об историческом лице: «...летапіс паведамляе... ў Тураве сядзеў Тур» [Сагановіч, 2001, с. 25, 32]. Он же видит дреговичское княжество, как и Полоцкое, еще самостоятельным на тот момент [Сагановіч, 2001, с. 32].

Своеобразную, но скорее курьезную концепцию предложил белорусский топонимист А. Ф. Рогалев. Отталкиваясь от формы написания имени князя *Туры*, он видит здесь множественное число и на этом основании считает возможным говорить о наличии «правлячай княжацкай дынастыі Тураў» [Рогалеў, 1992, с. 40–42]. Но ни контекст летописного сообщения, ни какие-либо другие аргументы не подтверждают это предположение.

С именем князя Тура в исторической науке давно соотносят и название Туровой божницы в Киеве, упоминаемой под 1146 г. Как и в случае с названием города, мы имеем дело с отыменной формой названия, что никем не оспаривается. Вопрос в том, кто или что дало имя божнице. Тут вновь возникают различные мнения.

Епископ Минский и Туровский Евгений выдвигал версию, что сам полесский князь Тур, перешедший на службу к Владимиру и принявший христианство, мог быть строителем этой церкви, и от него она получила свое название [*Очерк истории*, 1880, с. XLIV].

А. Шахматов считал, что имя старшего из двух первых христианских мучеников-варягов, принесенных при князе Владимире в Киеве в жертву славянским богам [ПВЛ, с. 38], было Туры. Гипотетически он связывал постройку и название Туровой божницы в Киеве с памятью о тех событиях [*Шахматов*, 2001, с. 110, 337].

М. Фасмер и тут шел вслед за немецкой традицией, выводя название божницы в Киеве от имени скандинавского бога Тора [*Фасмер*, 1986, т. 4, с. 124].

М. Н. Тихомиров видел несколько возможных вариантов происхождения ее названия: от имени основателя, от имени владельца, от названия урочища [*Тихомиров*, 1946, с. 11], хотя он так и не сделал конкретного вывода, понимая всю его гипотетичность.

Приходится констатировать, что до настоящего времени выбор аргументации в рассматриваемом вопросе скорее зависит от позиций самих авторов, которые видят в летописном князе Туре то скандинава, то славянина, а то и скандинавское или славянское божество; относятся к летописному сообщению то как к типичной топонимической легенде, то ищут рациональную историческую информацию, но облеченную в мифологическую форму народного предания.

В целом можно утверждать одно – несмотря на все споры в силе остается положение А. Л. Шлещера, которое он высказал еще в начале XIX в.: «Никто не отважился объяснить этого места...» [*Шлещер*, 1819, с. 654–655]. Остается другой вопрос: прав ли А. Шлещер во второй части своего замечания «...да оно и не объяснимо, если не найдутся лучшие списки» [*Шлещер*, 1819, с. 654–655]. Как мы теперь знаем, лучших списков не нашлось, да, видимо, их не существовало. Это краткое замечание 980 г. – вся информация, которую пожелал предоставить летописец потомкам. Другое дело, достигла ли историческая наука за два последние столетия в своем развитии той стадии, чтобы еще раз попытаться подойти к решению этого вопроса...

Глава 2

ЖИВОТНОЕ: СИМВОЛ МОЩИ И ВОИНСТВЕННОСТИ

Несомненно, первое, что бросается в глаза при обращении к летописному имени основателя города Турова, это то, что оно соответствует славянскому названию дикого быка – тура. Это и дает основание для столкновения двух точек зрения – пошло ли название города от имени князя или от названия животного. Собственно это две самые популярные в научном мире версии.

Правда, ясно и другое, что так или иначе эти два понятия могли перекликаться, что подкрепляется фольклорными параллелями киевской эпохи. В «Слове о полку Игореве» брата князя Игоря – Всеволода Святославича (ум. 1196 г.) называют Буй-Тур и Яр-Тур. Многие ученые фактически выдвигали это соответствие как основной аргумент славянского происхождения имени. Да и позже имена от основы *tur-* нередко встречаются в регионах расселения славян. Так или иначе, это заставляет пристальнее взглянуть на животное – дикого обитателя славянских лесов – тура, качества которого могли послужить отправной точкой для имени или прозвища князя.

Научное название тура – *Bos primigenius*. Так как в 1827 г. это животное по его костным останкам было описано зоологом Л. Х. Боянусом, часто его знают как *Bos primigenius Bojanus*. В зависимости от региона расселения, а иногда и от времени проживания существовали заметные различия в облике этого животного. Поэтому в XIX и в первой половине XX в. зоологи пытались описывать его местные расовидности как отдельные виды быка. В результате скрупулезных исследований в конце 40-х годов прошлого века возобладало мнение, что это только подвиды [Паавер, 1965, с. 325], и единство данного вида сейчас уже никто не оспаривает.

Тур заселял огромные пространства еще до наступления ледника. Ледниковый, плейстоценовый период также не стал для него губительным, и ареал обитания отступающих животных просто сместился к югу. В ледниковый период туры водились на близких к нам землях современной Польши, территория которой не была повсеместно покрыта оледенением [Паавер, 1965, с. 308–309].

Когда около 13 тыс. лет назад ледник начал отступать, туры двинулись вслед за ним на север и стали одними из первых пришельцев в освободившиеся из-под льда районы [Паавер, 1965, с. 314]. Осваивая новую территорию, тур продвинулся на север вплоть до Ладожского озера и распространился в Южной Швеции [Паавер, 1965, с. 308, 314, 319]. Считается, что именно в то время численность туров была велика и достигла своего пика [Паавер, 1965, с. 318].

Животные ледникового периода были значительно крупнее современных. Тур того времени также был крупнее, чем известный в историческое время. С началом потепления природные условия северного полушария стали стремительно меняться. Большие и массивные животные ледникового периода, вымирая, уступили место менее крупным видам. Вымерли мамонты, гигантские олени, крупный осел [Паавер, 1965, с. 9], пещерный медведь, пещерный лев, пещерная гиена, волосатый носорог, первобытный бизон и овцебык [Верецагин, Барышников, 1985]. А представители сумевших адаптироваться видов постепенно мельчали. Это произошло и с туром. В некоторых районах размеры туров стали соответствовать размерам самых больших особей одомашненного крупного рогатого скота [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 377]. Но в конце концов и этот вид животного мира также вымер, правда, такая участь постигла его в значительной мере под влиянием деятельности человека уже в историческое время.

Туры водились почти повсеместно в Европе от Атлантики до Восточно-Европейских равнин и Кавказа (за исключением севера Скандинавии и, возможно, Ирландии [Паавер, 1965, с. 308]), на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В послеледниковое время туры заселяли Сахару, которая еще не стала пустыней и где тогда было много влаги. Здесь находят много их останков [Боголюбский, 1959, с. 327], а на горных плато и наскальные рисунки с их изображением. Возможно, в историческое время тур заселял и степные районы Западной Сибири и Средней Азии [Громова, 1931, с. 356; Верецагин, 1956, с. 1545; Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 379]. Туры приспособо-

бились к жизни практически во всех местных географических ареалах проживания – в степях и полупустынях, в высоких горах, в густых лесах, в низинных болотистых местностях [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 380; Паавер, 1965, с. 322]. Например, в некоторых местах Пиренейских гор, возможно уже теснимый человеком, тур проживал вплоть до альпийских высокогорных лугов [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 380]. Но больше всего эти животные любили леса или скорее лесные опушки, где лес переходил в открытое пространство.

Туры не были стадными животными как большинство других представителей семейства быков. Летом они жили в одиночку или маленькими семьями, а вот зимой иногда собирались небольшими группами, что, видимо, облегчало существование в непростое снежное время.

Тур был самым крупным животным, населявшим Европу в историческое время. Высота самца в холке достигала 180–190 см, а иногда даже 2 и более метров. Вес составлял 600–800 кг. Голова тура переходила в совсем небольшой горб у шеи. Его шерсть была яркого черного цвета и длиннее, чем у домашнего скота. По хребту шла полоса более светлой шерсти – «белый ремень», а белые обводы окружали уши. Отличительным индивидуальным признаком тура в наших районах был косматый чуб между рогами. Самки, видимо, значительно отличались от самцов: они были немного ниже и, если не везде, то в некоторых районах, у них был другой окрас шерсти – коричневый¹.

Тяжелую голову тура украшали очень острые, мощные, полые внутри рога. Эти длинные рога у основания расходились в стороны, а потом с середины пластично выворачивались внутрь и вперед, образуя красивый изгиб. При малейшем наклоне головы рога своим острием сразу смотрели вперед, и тогда вместе с тяжелым и неподвижным взглядом исподлобья они придавали туру устрашающий вид². Агрессивный характер, проявлявшийся при встрече с опас-

¹ Русские былины часто применяют в описании тура эпитет «гнедой», что свидетельствует о наличии гнедой масти хотя бы у части приднепровских туров [Литец, 1972, с. 86], скорее всего для самок и телят. Самцы через полгода после рождения быстро темнели.

² Правда, строение рогов могло варьироваться в некоторых районах, сохраняя при этом свою длину [Боголюбский, 1959, с. 329].

ностью, вполне соответствовал этому впечатлению. Также его усиливал резкий и зычный рев тура, который сам по себе приводил врага в испуг.

Как таковых врагов среди хищников у тура фактически не было. Никто не отваживался встать на его дороге, рискуя вызвать нападение тура, который готов был идти напролом, стремясь растоптать противника¹. Мышечная масса этого животного давала ему возможность нападать без страха на любого врага. Тур совершенно не боялся человека. Рога тура были значительно длиннее, чем у домашних быков и представляли собой страшное оружие, которым тур мог не только бодать и колоть, но любил поддевать противника и подбрасывать его с последующим намерением растоптать. А его силы хватало на то, чтобы проделать такую операцию со всадником на коне.

Относительно длинные для породы быков ноги делали тура проворным и быстрым, а его атаку – молниеносной. Хотя тур предпочитал встречать опасность лицом к лицу, его легкий бег делал сложным и часто безуспешным предприятием погоню за ним.

Тур отличался исключительной храбростью, силой и сообразительностью. Поэтому эти животные всегда привлекали к себе внимание и почитались людьми. Схватка с туром считалась особенно почетной. Можно сказать, что отношение человека к древнемутуру очень напоминало современное отношение белорусов к зубру, близкому родичу тура – уважение, замешанное на мистической боязни и преклонении перед мощью и бесстрашием этого красивого и гордого животного.

Туры издавна, со времен палеолита, когда мясо составляло основу пищевого рациона человека, были одним из самых излюбленных, но и самых опасных объектов охоты. Как и на других животных, первобытные охотники на туров использовали коллективную охоту. С возникновением скотоводства, которое предоставило людям другой источник получения мяса, значение охотничьего промысла упало. Тем не менее и позднее, несмотря на большую опасность этого предприятия, неолитические охотники в некоторых районах продолжали достаточно активно охотиться на тура [Паавер, 1965, с. 318].

¹ Возможно, отсюда значение восточнославянского *протурить* «пробить себе дорогу».

Туры были почитаемы со времен палеолита. Уже тогда они стали излюбленным объектом вдохновения древних художников. При всей своей массивности это животное было в движении очень легким и изящным, что древним художникам хорошо удавалось передать на своих рисунках. Такие изображения украшают стены пещер Евразии от Испании до Каповой пещеры на Урале. Уже замечено, что изображения именно туров и лошадей в палеолитическом искусстве одни из самых часто встречаемых, и располагались они в отдаленных и закрытых, а значит и наиболее почитаемых местах. Изображения быков в 90 % случаев занимают место в центре палеолитических композиций [Фролов, 1993, с. 27]. Это несомненно свидетельствует о том, что уже тогда с ними связывались какие-то религиозные представления.

Позже образ тура был популярным в искусстве древних цивилизаций Египта, Ближнего Востока, «цивилизованной» и «варварской» Европы. Вавилонской литературе мы обязаны возвышенным поэтическим описанием дикого быка: «...ему выпала хорошая доля, от начала года до конца его помышляет о себе, уничтожает большое количество корма, иссушает ручьи, валяется в цветах, делает из них ковер; для своего местопребывания выбирает долины и ключи; высот избегает он, неистовствует в волнах вод; вид его рогов наводит ужас на строптивого» [цитата по: Боголюбский, 1959, с. 339].

Может быть самыми поразительными являются критские изображения «гимнастических упражнений» с быками, которые по внешнему виду еще очень близки турам. Древние критские «гимнасты» во время каких-то обрядовых действий перепрыгивали через брошенное на них животное. До сих пор ученые ломают голову над сущью этих опаснейших ритуалов.

Однако ко II тыс. до н. э., несмотря на по-прежнему широкий ареал распространения тура, его общая численность стала резко сокращаться и была уже относительно невелика [Паавер, 1965, с. 318; Гимченко, 1972, с. 23], а в некоторых районах отмечалось его полное исчезновение. Этот процесс растянулся на долгие тысячелетия в разных регионах, но оказался неотвратимым.

Именно в зонах древнейших цивилизаций туры стали исчезать прежде всего. В Египте туров уже нельзя было встретить к концу Древнего царства (около 2400 г. до н. э.) [Геттнер, Насимович, Банников, 1961, с. 380]. Деятельность человека и наступление пустыни сделали свое дело.

В Месопотамии туры водились еще в древневавилонский период, но уже к середине I тыс. до н. э. они повсеместно исчезли из Передней Азии [Верецагин, 1956, с. 1544]. Туры сохранились по другую, северную сторону Кавказского хребта – в степях современной Украины и Северного Кавказа. Хотя археологических находок костных останков скифского периода в лесостепной полосе практически нет [Цалкин, 1966, с. 58], но изображение тура украшает, например, перстень-печатку из знаменитой скифской Чертомлыцкой могилы [Верецагин, 1956, с. 1544].

Трудно сомневаться в их существовании здесь. В степях Скифии туров описали античные авторы. Еще начиная с Геродота (около 484–425 гг. до н. э.) античные писатели хвалят земли около реки Борисфен (совр. Днепр): «по берегам ее простираются прекрасные тучные пастбища для скота» [Геродот IV, 53]. Недаром здесь существовало такое развитое скотоводство, которое способствовало процветанию этого региона в скифское время.

Плиний (23 или 24–79 гг. н. э.) в своей «Естественной истории» подробнее описывает здешний животный мир: «В Скифии водятся чрезвычайно мало животных вследствие недостатка растительности; мало их и в пограничной с ней Германии, но в числе их есть замечательные виды диких быков – гривистые зубры и отличные силой и быстротой туры...» [Плиний VIII, 38]. Другое античное свидетельство: «В этой местности (Скифии. – А. П.) и во всей северной стране в изобилии водятся визонты [зубры]; они похожи на дикого быка, со щетинистой шеей, с торчащей гривой, проворством движений превосходят быков, пойманные не могут быть приручены. Есть и уры [туры]... У этих животных, которых мы называем урами, бычьи рога вырастают до такой длины, что будучи сняты, из-за своей значительной емкости употребляются в качестве сосудов для питья за царскими столами» [Гай Юлий Солин. Сборник достоприм. XX, 5, с. 247].

Тур не был редкостью и в лесной зоне *Barbaricum'a*. Римляне называли тура *urus*, и это название, наряду с *bubalus*, закрепилось и стало потом обычным обозначением для тура в средневековой Европе.

Впервые подробно об охоте в лесах Европы на диких быков – туров – рассказал в своих «Записках о Галльской войне» Гай Юлий Цезарь (100–44 гг. до н. э.). Это и не удивительно. Именно этот римский полководец стал первооткрывателем земель за Альпами для широкой публики средиземноморской античной цивилизации. Тут

его можно сравнить с Геродотом, который впервые дал подробное описание степной Скифии для греков. В обоих случаях произведения этих авторов стали особенно популярными у читателей, а потом и «каноническими» для последующих писателей, которые подражали им, цитировали и апеллировали к их авторитету.

Выдающийся римский полководец описал диких животных для римлян в земле германцев: «Третья порода – это так называемые туры. Они несколько меньше слонов, а по внешнему виду, цвету и строению тела похожи на быков. Они очень сильны и быстры и не щадят ни людей, ни животных, которых завидят. Германцы стараются заманивать их в ямы и там убивают. В этой трудной и своеобразной охоте упражняется и закаляется молодежь, и кто убьет наибольшее число туров и публично представит в доказательство их рога, то получает большие похвалы. Туры, даже пойманные совсем маленькими, не привыкают к людям и не делаются совсем ручными. По своему размеру, строению и внешнему виду их рога очень отличаются от рогов наших быков. Их всячески стараются добыть, оправляют по краям серебром и употребляют вместо кубков на торжественных пирах» [Цезарь. О галл. войне VI, 28]¹. Надо отметить, что описание Юлия Цезаря вполне применимо ко всей лесной полосе варварской Европы.

Со временем несколько менялись методы охоты, но неизменным оставалось отношение к ней, как к опасному, но и исключительно почетному предприятию. Охота на туров служила символом доблести воина, а нанести завершающий смертельный удар считалось особой привилегией.

Соглашаясь в принципе, что охота на тура представлялась очень почетной, ученые спорят, насколько все-таки она была широко распространена к этому времени. Ведь развитие скотоводства представило значительно более безопасные источники получения мяса. А охота на тура оставалась очень опасным предприятием, исход которого далеко не всегда был ясен заранее. Она была слишком непредсказуема, чтобы быть необходимой в новых хозяйственных условиях. Кроме того, такая загонная по сути охота была связана со сложной ее организацией. Собственно это подтверждает архео-

¹ В переводе М. М. Покровского мы заменили только само название животного, которое Цезарь именует *urus*, т. е. тур, а не зубр, как в переводе. Собственно в этом убеждает и описание рогов.

логия – кости тура достаточно редко встречаются в Европе уже в слоях I тыс. до н. э.

Однако совершенно ясно другое – охота на тура стала почетной привилегией правителей и знати. Только они имели право на убийство этого животного. Особенно четко это становится заметно в средневековый период. Прибывшее к Карлу Великому (768–814 гг.), императору огромного раннесредневекового франкского государства, арабское посольство было им приглашено на охоту на тура. Не видевшие ранее такого животного послы разбежались при его приближении. Карл же сумел нанести животному смертельную рану, сам при этом получив внушительный удар турьих рогов [Боголюбский, 1959, с. 340]. Такая охота правителей издавна имела важный ритуальный аспект, о чем уже неоднократно писалось [Кобищанов, 1995, с. 254–264; Топоров, 1980, с. 44–46].

Огромное символическое значение окружало не только само животное. С глубокой древности в Европе был распространен обычай использовать полые и потому идеально удобные рога тура – ритоны – как сосуды для питья. Еще древние палеолитические «Венеры» из пещеры Лоссель во Франции изображены с рогом в руках [Елинек, 1983, с. 374, 471, 473]. Здесь с очевидностью представлена символика плодородия.

Скоро у них появилась и другая семантика: турьи рога стали отличительной чертой погребений правителей, предводителей и отдельных знатных воинов. Сложность и опасность добычи сделали их почетным трофеем и олицетворяли силу и доблесть обладателя, а впоследствии и его социальное положение. Плиний писал, что варвары пьют из рогов, достигающих до 12 литров вместимости [Боголюбский, 1959, с. 340]. Как в изобразительном искусстве, так и в сохранившихся литературных произведениях из рогов обязательно пьют вожди на пирах или на религиозных церемониях. На многих скифских изображениях мы видим людей, пьющих из рога во время ритуальных церемоний в честь богов. При раскопках древнегреческого города Ольвии в Северном Причерноморье турий рог был найден лежащим прямо на алтаре [Липец, 1972, с. 104].

Ритон – одна из самых почитаемых вещей во всем европейском лесном мире. Провинциальные римские ремесленники, работавшие на удовлетворение заказов варваров, даже освоили производство стеклянных подражаний рогам. Позднее, на некоторых варварских территориях появились рога, выполненные из глины с нанесенным узором.

Не менее популярным было использование турьих рогов в виде музыкального или сигнального инструмента. Еще в римской армии рога туров использовались как средство сигнализации. С того времени это стало излюбленной традицией средневековья, практически сделавшись олицетворением пышной феодальной охоты знати.

В Восточной Европе археологические данные также свидетельствуют о давней традиции охоты на тура, которая, правда, не оставила массовых археологических свидетельств.

В Приднепровье охота на тура была известна очень давно. Череп тура найден еще на поселениях трипольской культуры (IV – конец III тыс. до н. э.) [Громова, 1931, с. 354].

Впоследствии охота на это животное существовала, но, опять же, мы не находим достаточного количества ее материальных свидетельств. На стоянках большинства археологических культур Восточной Европы бронзового и раннего железного века кости тура не обнаружены. Только у милоградцев (IX–III вв. до н. э.) и у зарубинцев (последняя четверть III в. до н. э. – конец II или начало III в. н. э.), территория расселения которых охватывала и земли современного Припятского Полесья, сделаны находки костей единичных особей тура [Цалкин, 1962, с. 77]. Интересно, что такие редкие останки тура для этого времени обнаружены как раз на белорусских землях [Цалкин, 1962, с. 77]. Хотя и для этих культур сохраняется много спорных вопросов. Ученые не могут прийти пока к единому мнению о пропорциях потребления мяса домашних и диких животных в ареале зарубинецкой культуры. В. И. Цалкин, крупнейший специалист по остеологическим останкам животных в восточноевропейской зоне, придерживался мнения, что именно у зарубинцев, в отличие от большинства соседних культур, основу потребления мяса составляли как раз дикие животные [Цалкин, 1956, с. 129]. Л. Д. Поболь полагал, что у зарубинцев преобладало скотоводство, а кости диких животных составляли только от 3 до 20 % от количества всех костей [Поболь, 1971, с. 150].

Материалы всего I тыс. н. э. из Правобережной Украины показывают, что находки здесь костей тура или зубра являются большой редкостью. В славянских поселениях степной полосы около Киева находки турьих костей есть, однако опять же буквально единичные [Цалкин, 1956, с. 133; Белан, 1977, с. 30–31, 35–36]. Предположительно из останков сорока четырех туров в Северной Украине, что само по себе немного, только 4 особи соотносятся со славянским периодом этого региона [Тимченко, 1972, с. 22].

Для территории Беларуси славянского периода находки костей тура не менее редки [Громова, 1931, с. 360–361], хотя их единичные экземпляры периода Киевской Руси, как, например, из витебского посада, все-таки обнаружены [Щеглова, 1993, с. 75].

С другой стороны, высказывается мнение, что коэффициент количества костей именно тура может быть занижен, так как некоторые мелкие кости, обычно относимые к останкам быков, также могут принадлежать ему. Возможно, что некоторое мельчание породы в Среднем Приднепровье привело к положению, когда большой домашний бык мог равняться маленькой самке тура [Тимченко, 1972, с. 27].

Несмотря на такую редкость материальных находок, свидетельств почитания тура в славянской традиции не меньше, чем для территории остальной Европы. Восхищение этим животным было столь велико, что составители восточнославянских эпических песен и русских былин создали такое яркое его описание, которое дошло до нас через тысячелетия, и он стал одним из удивительных персонажей восточнославянских былин, доживших до XX в. «Сохранение... обстановки приднепровской природы в былинах Заонежья есть такое же чудо народной памяти, как, например, сохранение образа «гнедого тура», давно исчезнувшего, как облика богатыря с шоломом на голове, с колчаном за спиной, в кольчуге и с палицей боевой» [Гильфердинг, 1950, с. 54]. Множество топонимических названий, так или иначе образованных от названия этого животного, до сих пор сохранилось на картах славянского расселения [Доленга-Ходаковский, 1844, с. 342–345; Сумцов, 1887, с. 75–76; *Słownik geograficzny*, 1892, с. 627–635, 646–654].

Ритуальная роль княжеской охоты на тура, как и охоты вообще, ярко видна в период Киевской Руси. Княгиня Ольга, создавая новую систему сбора дани у древлян и в Новгородской земле, кроме знаменитых погостов, где она должна была собираться, устанавливает и княжеские ловища: «...и ловища ея суть по всей земли» [ПВЛ, с. 29].

Владимир Мономах в «Поучении» своим сыновьям пишет, что он «пути дея и ловы с 13 лет» [ПВЛ, с. 102], т. е. начал участвовать в охоте с 13-летнего возраста. В дальнейшем он перечисляет свои охотничьи успехи наравне с военными подвигами. Среди деяний своей жизни он не без затаенной гордости пишет, что дважды туры метали его на рогах с конем вместе: «Тура мя два метала на розех и с конемъ» [ПВЛ, с. 104].

В 1154 г. галицкий князь Ярослав Осмомысл принимал у себя наследника византийского престола Андроника Комнина, племянника византийского императора, и многих князей Руси. Была устроена пышная охота на туров в Карпатах, описание которой попало как в русские летописи, так и в византийские хроники [*Шарлемань*, 1948, с. 117].

Столкновения охотничьих интересов приводили к серьезным конфликтам. Русские былины рассказывают о военных столкновениях за турьи пастбища [*Лунец*, 1972, с. 91]. Вторят этому и летописцы, что не дает возможности считать былинные рассказы простой выдумкой. В 975 г. Олег Древлянский, сын недавно погибшего знаменитого киевского князя Святослава, приказал убить Люта, сына воеводы Свенельда, только за то, что тот охотился в его лесах. «И захав, уби и, бе бо ловы дея Олег» [ПВЛ, с. 35]. Лют был убит только за то, что охотился по соседству. Свенельд, служивший нескольким киевским князьям подряд и тогда приближенный к правившему в Киеве Ярополку, брату Олега, распалил ненависть между братьями, которая вылилась в междоусобицу. Олег в ней погиб.

Обильные зверем охотничьи уголья тщательно выбирались и учитывались. Из более позднего периода (XIII в.) нам даже известны специальные соглашения между Новгородом и князем, которые разграничивали права на время и место княжеской охоты [*Цалкин*, 1956, с. 139].

Турьи рога и у славян стали атрибутом княжеской и военной верушки общества и предметом языческого культа. Языческое княжеское погребение под Черниговом – Черная могила содержала два красивых, искусно окованных серебром турьих рога [*Рыбаков*, 1949, с. 43–51]. Схожие находки богато украшенных турьих рогов сделаны и в других дружинных курганах IX–X вв.: под Черниговом, в Гнёздово и в Приладожье [*Рыбаков*, 1949, с. 45].

Турьи рога играли некую, пока еще не до конца нам ясную, религиозную роль. Практически всегда мы встречаем ритон в руках у славянских идолов, что безусловно свидетельствует о его важной ритуально-религиозной роли. Рога были принадлежностью культа. В знаменитом славянском храме в Арконе в определенные праздники жрец торжественно брал рог от статуи божества и пил из него, при этом стремились показать, что напиток не убывает. В Щецине на религиозных праздниках также пили из рогов [*Рыбаков*, 1949, с. 43].

Немецкий хронист Титмар Мерзебургский писал, что храм Сварожича в Радогоще в XI в. был построен на рогах животных. Есть и другие находки, которые говорят о том, что черепа туров использовали как строительную жертву в основании построек. В Накле над Нотецей раскопан череп тура, положенный под угол дома в XI в. [Głosik, 1979, с. 50].

В былинах князь и богатыри на пирах всегда пьют из рога. Это не было поэтической метафорой. На миниатюрах из Жития Бориса и Глеба туры рога изображены на подставках на столах [Рыбаков, 1949, с. 43]. Также и польский хронист Галл Аноним описывает питье из рога при дворе польского короля Болеслава Храброго [Рыбаков, 1949, с. 43]. «Русская правда» знает удары рогом на пиру [Рыбаков, 1949, с. 43]. Московский царь Иван III послал в виде подарка псковичам окованный золотом турий рог [Рыбаков, 1949, с. 43]. А устойчивое выражение «поднять рог» означало в русском языке 'прославить, возвеличить'.

В какой-то момент в земле племени радимичей на среднем Днепре и на Соже были популярны шейные амулеты – «турицы» с изображением головы тура [Рыбаков, 1988, с. 537, рис. 118 с. 668; Зайкоўскі, 1998, с. 127; Шинаков, Гурьянов, Миненко, 1998, с. 149]. Видимо, их главной задачей было отпугивание опасности от своего владельца. В XII–XIV вв. на польских монетах изображали головы туров [Dzięczkowski, 1977, с. 204].

Тур был излюбленным образом фольклора. Он неоднократно выступает в нескольких былинных сюжетах [Сумцов, 1887, с. 83–85; Липец, 1972, с. 82–91, 95–96, 98–103]. Даже в относительно поздних украинских колядках достаточно реалистично описана охота на тура [Сумцов, 1887, с. 81–82].

С какого-то момента тур начинает повсеместно пропадать из письменных свидетельств европейцев. Исчезновение этого красивого, гордого и храброго животного, которое всегда привлекало человека многими своими качествами, не осталось незамеченным современниками.

До сих пор идет спор, что повлияло решающим образом на резкое сокращение популяции этого зверя, а потом и на его вымирание. Безусловно, на этот процесс активно воздействовало изменение ландшафтного окружения. Например, дававшие туру основную пищу лиственные леса во многих районах Центральной Европы стали заменяться на еловые и сосновые. Сыграла свою роль и смена климата –

зимы в какой-то момент стали более суровыми и снежными [Паавер, 1965, с. 323–324].

Однако деятельность человека теснила тура не менее активно. Прежде всего это была охота, хотя и утратившая значение жизненной необходимости, но приобретающая окраску привилегированности и престижности. Загонные охоты знати становились все более массовыми и организованными. Человек совершенно целенаправленно и последовательно преследовал тура. В позднее средневековье к этому прибавилось и наступление крестьян на леса, бывшие главным прибежищем тура в Европе. Именно время вырубок, внутренней колонизации и распашки европейских земель в условиях демографического взрыва с X–XI вв. стало переломным в судьбе европейского тура. Скорее совмещение этих двух факторов – изменения природного окружения и деятельность человека – активно дополняли друг друга и не давали шансовтуру адаптироваться к новым условиям [Паавер, 1965, с. 324].

В Испании туры исчезли в VI в. У нас нет данных о существовании в эпоху средневековья тура и в Прибалтике к северу от Литвы [Паавер, 1965, с. 319]. На Балканах туры пропали в IX в., на севере Германии – в IX–XI вв., в Чехии – в XI–XII вв., в Швеции туры не известны после 1000 года, в Венгрии о них уже не слышно в XI–XIII вв. Еще в XII в. туры водились в районах вдоль Рейна и особенно в невысоких, идеальных для их обитания Вогезских горах [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 380], но уже в XIII в. о них нет известий из Франции [Паавер, 1965, с. 321]. Таким образом, эти животные окончательно исчезли в Западной Европе в XIII в.

Схожие процессы проходили в Восточной Европе, хотя здесь туры продержались немного дольше. В Среднем Приднепровье на них охотились еще в XI–XIII вв. Находки турьих рогов несколько раз встречались при раскопках в пластах XI в. в Киеве [Верецагин, 1956, с. 1544]. Единичные находки известны в Новгороде в XIII–XV вв., в Литве в XIV–XV вв. [Тимченко, 1972, с. 23]. Роговой стержень тура найден при раскопках Вильнюса в пластах XIV в. [Паавер, 1965, с. 320]. На территории современной Калининградской области они отмечены даже в XV в. [Паавер, 1965, с. 321]. Правда, у нас нет точных данных о количестве тура в лесной полосе Восточной Европы и сведений о том, оставалась ли охота на него достаточно массовой. Многие ведущие палеозоологи, как В. И. Громова и В. И. Цалкин, отрицают его широкое распространение на территории русских княжеств

с XIII в., а находка двух поздних роговых стержней в Новгороде остается единичной [Громова, 1931, с. 360–361; Цалкин, 1956, с. 134; Паавер, 1965, с. 320].

Дольше всего тур сохранился в Польше, Литве и на Беларуси, так как здесь какое-то время сохранялось и достаточное количество лесов. Когда туры и зубры исчезли в Западной и Центральной Европе, эти животные стали символами Польши и Беларуси.

В начале XVI в. польский историк М. Меховский (около 1457–1523) в описании земель Великого княжества Литовского заметил: «Скот у них самый разнообразный, а диких зверей больше, чем во всем христианском мире. Рощи, пустыни и леса в этой стране огромны... Так как леса там большие, то во множестве попадают и ловятся крупные звери: буйволы и лесные быки, которых они на своем языке зовут турами или зубрами» [Меховский, 1936, с. 111].

К этому времени охота на тура в Великом княжестве Литовском также приобрела привилегированный характер. К началу XV в. право охоты на крупную дичь окончательно закрепилось за великими князьями. В период правления Ягайлы (1377–1434 гг.), а затем Витовта (1392–1430 гг.) они практически монополизировали это право. Например, в 1409 г., перед решающим столкновением с Тевтонским орденом Ягайла организовал крупномасштабную охоту в Беловежской пуще с целью заготовить как можно больше мяса для армии [Серджанин, 1961, с. 270].

Живых туров или их рога преподносили в подарок на самом высоком уровне. В 1409 г. великий литовский князь Витовт подарил гроссмейстеру Тевтонского ордена четырех молодых туров [Паавер, 1965, с. 320]. Потом он же преподнес императору Сигизмунду турий рог, добытый его предками.

«Привилей Витовта» от 1453 г. закрепил охоту на крупную дичь как одну из важных магнатских привилегий [Цалкин, 1956, с. 139]. «Устава на волоки» 1557 г. разрешала владельцу земли убивать на своей земле любую птицу и мелкого зверя, включая волка, «але серны и инышого большого зверу не бити и на своих волоках, а особливо в пущах и под пущами нашими ручниц¹ ховати и жадного зверу ловити не мают под горлом» [Устава на волоки. Арт. 39]. Указы короля польского и великого князя литовского Жигимонта I Старого

¹ Ружья.

(1506–1548 гг.) за охоту на крупную дичь вплоть до косули предусматривали смертную казнь [Цалкин, 1956, с. 139].

Роковым для туров стал XV в. Последним местом обитания туров в XIV–XV вв. стали леса Мазовии на территории Короны Польской. В 1476 г. староста сохачевский создал в Якторовско-Вискицкой пуще резерват для туров в 300 км². Здесь действовала специальная группа егерей, охранявших территорию, им помогали местные жители. В 1507 г. Жигимонт Старый практически сразу после своей коронации издал указ об охране последнего стада туров. Смертная казнь ожидала нарушителей. Но и это уже не помогло. В 1627 г. в парковом хозяйстве поблизости от Варшавы пала последняя дикая самка тура [Dzięczkowski, 1977, с. 204; Тимченко, 1972, с. 23]. В неволе в Кенигсбергском зоологическом саду тура еще описывали в 1669 г. [Тимченко, 1972, с. 23]¹.

Наиболее подробные описания тура были сделаны именно в этот поздний период практически перед его полным исчезновением на польских, белорусских и литовских землях. Во многом это обобщение наших знаний о животном.

Может быть, одно из самых лучших описаний тура принадлежит Антону Шнеебергеру: «Люди, занимавшиеся охотой, при нескрываемом страхе называют туров бизонами или буйволами; другие же называют их проще и лучше – лесными быками. Они весьма похожи на домашних быков, но только гораздо больше их, покрыты более длинной шерстью и имеют по 2 загнутых вперед стройных рога.

Благодаря кудрявым и закрученным волосам, лоб придает им страшный вид.

Копыто раздвоенное, более вздутое, нежели у домашних быков. Самки меньше самцов, не так длинны. При рождении самец бывает каштанового цвета (черно-бурый, темно-бурый или черно-пепель-

¹ После исчезновения тура титул самого крупного животного Европы перехватил зубр. Хотя и зубр в историческое время постепенно мельчал [Щеглова, 1993, с. 77]. И так же как некогда Цезарь описывал диковинную охоту на тура для своих современников – жителей Средиземноморья, так через полторы тысячи лет Микола Гусовский в своей «Песне о зубре» с восхищением описал опасности охоты на зубра на белорусских землях для папского двора и для всей средневековой Европы. Судьбы тура и зубра оказались удивительно схожи, если не учитывать, что зубру повезло больше и благодаря усилиям человека он сохранился до нашего времени, до сих пор являясь символом Беларуси.

ный, поляки называют «plowy»), но в течение шести месяцев совсем чернеет, причем слегка темноватой остается полоса вдоль хребта шириною в 2 пальца.

Самки очень редко встречаются черными, устойчиво сохраняя навсегда вышеназванный цвет. Живут в части Герцинского леса вблизи деревень Сахачево и Качка, в пяти милях от Варшавы, столицы Мазовии. В большинстве случаев они встречаются в самых густых местах леса... В весеннее время туры питаются дубовыми желудями (в этом лесу огромные дубы). В это время они дороднее и тучнее, чем в другое время. Зимой питаются листьями кустарников и деревьев, а также и сеном, которое заготавливается для туров в летнее время крестьянами вышеупомянутых деревень. Летом же животные, оставив леса, выходят в поля, пожирают сжатые хлеба; если же их не прогонят собаки, они, насытившись, оставшееся разбрасывают рогами.

Говорят, что в 57 году много их погибло от сильного холода, по теперешним же сведениям их более 50, но действительное число их неизвестно, по каким-то побуждениям скрывается. Зимой они бродят стадами и отдыхают на одном месте, наподобие войска; летом же бродят на пустоши повсюду поодиночке, но каждый раз, когда кто-нибудь из них уйдет подальше и не показывается в продолжении нескольких дней, отыскивается с большим старанием и при помощи собак принуждается вернуться.

Это животное очень проворно, но недолговечно; говорят, что только немногие пережили 15 лет; волки им не вредят, разве только тогда, когда бродит отдельно молодняк, его тогда волки пожирают. Человека тур не боится и от встреченного не убегает, а напротив, нападающему на него лишь немного уступает с дороги. Всякий же раз, когда кто-нибудь пытается испугать его или криком, или киданием чего-нибудь, он нисколько не раздражается, но, упорно стоя на своем месте, не раскрывает даже пасти, раскрытую же тотчас закрывает и как будто издевается над человеком, произведшим такую попытку. Когда он жрет на дороге или стоит в другом месте, его нужно оставить в стороне даже при проезде в телеге, так как сам он не сойдет с дороги.

Будучи рассержен, он сильно свирепеет, при вызове на борьбу он спокойно потягивается на земле, и с ним ничего нельзя поделаться, потому что, когда они растянутся на земле, на них не нападают даже львы; если же его не перестают дразнить, он хватает рогами и бросает

ими кверху. Сходятся они в сентябре, сильно возбужденные; они часто вступают в ожесточенный бой и иногда обе стороны падают мертвыми. Охотники намечают одного, наиболее сильного, постоянно вызывающего других на борьбу, и по разрешению короля охотятся на него. Охотятся также и на тех, которых заметили, что они скрещивались с домашними коровами; домашние коровы хотя и зачинают от них, но рожают недоносков или выкидышей. Телятся турицы в мае, некоторые же, подобно домашним коровам, в сентябре, но последнее случается реже; осенние роды бывают также слабыми и, вследствие сильных морозов, телята выживают тогда меньше всего. Когда приходит время родов, турицы удаляются в густые чащи леса и остаются там с новорожденными около 20 дней; наконец, когда она увидит теленка окрепшим и бегающим, то ведет его на пастбище, старательно оберегая, чтобы его не схватили охотники и не растерзали волки. Чаше телят тура отдают для вскармливания домашним коровам, но напрасно, так как все они гибнут. Никогда не охотятся на туров без особого разрешения короля; на охоту выходит много конных и пеших со стрелами, бомбардами и большим числом собак. Вскоре того тура, на которого они порешили охотиться, криками и собачьим лаем заставляют отделиться от остальных, в то время как всадники, бомбардиры и другие прячутся частью во рвах, частью за большие деревья, дабы при виде большой толпы бой не сделался бы слишком ожесточенным.

По изолировании тур преследуется бомбардирами; сам он, несмотря на все это, нападает даже и на большую толпу и бежит иногда в продолжение целого дня и больше, пока его не поразят в грудь, после чего он, наконец, сваливается. Крестьяне тотчас рубят бревна и валят на него и с боков, чем и хотят удержать его, чтобы он не мог снова подняться для сопротивления и настойчивого продолжения борьбы. Удерживая его таким образом, они еще при жизни сдирают кожу с того места, где на лбу между рогами находится закрученная кудрявая шерсть, придающая животным страшный вид, и, удалив ее, они, наконец, убивают его. Лишь только они убьют его, как вынимают сердце и, разрезав его пополам, вынимают маленькую косточку формы креста; такую косточку вместе с кожей, содранной со лба, они посылают королю: то и другое ценится очень высоко. Некоторые говорят, что этот хрящик полезен беременным и сильно страдающим при родах. Мясо в коже посылается королю то в свежем виде, то соленое. Я слышал, что блаженной памяти король Сигиз-

мунд посылал несколько раз соленое мясо тура в виде ценного подарка императору Карлу Пятому»¹ [цитата по: Боголюбский, 1959, с. 343–345].

Схожее описание дает и посол императора Священной Римской империи Сигизмунд Герберштейн (1486–1566): «Буйволы водятся только в Мазовии, которая граничит с Литвой, на тамошнем языке называют их турами (*Thur*), а у нас, немцев, настоящее имя для них *urox*. Это настоящие лесные быки, ничем не отличающиеся от домашних быков, за исключением того, что они совершенно черные и имеют вдоль спины беловатую полосу. Численность их невелика, и есть определенные деревни, на которые возложен уход за ними и охрана их, и за ними смотрят почти как в зверинцах. Они случаются с домашними коровами, но с позором для себя. Ибо после этого прочие буйволы не допускают их в стадо, как обесчестивших себя, и родившиеся от такой случки телята не живучи. Когда я был послом при дворе Сигизмунда Августа², то он подарил мне одного зверя, уже выпотрошенного, которого охотники добились, (найдя) его полуживым, выгнанного из стада. Однако кожа на лбу у него была срезана. Я подумал, что это сделано неспроста, хотя по рассеянности не расспросил, зачем это делается. Но известно, что пояса, сделанные из буйволового кожи, ценятся, и общераспространено убеждение, будто опоясывание ими ускоряет роды. В этих видах королева Бона³, мать Сигизмунда Августа подарила мне два таких пояса, один из которых милостиво приняла от меня в дар пресветлейшая госпожа моя, королева римская» [Герберштейн, с. 193–194]⁴.

Как видим, собственностью королей вплоть до времени исчезновения тура рассматривались многие части убитой особи. В Польше

¹ Карл V, король Испании (1516–1555 гг.) и император Священной Римской империи (1519–1556 гг.). Владея огромными землями в Европе, начал борьбу за общеевропейское господство.

² Жигимонт (Сигизмунд) Август (1548–1572 гг.) – король польский и великий князь литовский, сын Жигимонта (Сигизмунда) Старого и Боны Сфорца.

³ Бона Сфорца (1496–1557) жена Жигимонта (Сигизмунда) Старого и мать Жигимонта (Сигизмунда) Августа. Происходила из знаменитого североитальянского рода Сфорца.

⁴ По просьбе С. Герберштейна изготовили изображения тура и зубра. Великолепная гравюра зубра была размещена в его книге и стала широко тиражируемым образом этого животного.

турий рог, кем-то добытый, посвящался королю, что закрепилось и в геральдике [Cetwiński, Derwich, 1987, с. 187]. Позже король польский и великий князь литовский Станислав Лещинский (1704–1709, 1733 гг.) использовал в виде элемента государственной символики Речи Посполитой герб «Венява» с изображением черной головы зубра на желтом поле.

В завершение надо сказать, что туры были предками домашнего крупного рогатого скота [Лаавер, 1965, с. 307, 325; Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 380]. Очагом одомашнивания в начале II тыс. до н. э. считают регион древнегреческой цивилизации [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 381]. Но в ходе долгой эволюции современный крупный рогатый скот редко где сохранил внешний вид, напоминающий древнего тура. Ближе всего по своему внешнему виду к дикомутуру современные боевые быки Пиренейского полуострова и Южной Франции [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 381]. В устье Роны во Франции в современной области Камарг сохранилась часть степного пейзажа, где некоторые виды животных, в том числе и выращиваемые для корриды быки, живут в полудиком состоянии. Их пиренейскую близкую родню выпускают на знаменитом празднике быков в баскской Памплоне для пробежки по средневековым тесным улочкам города. Неудивительно, что именно эти боевые быки сохранили наибольшее внешнее сходство со своими дальними предками. Владельцы специально поддерживали и культивировали отдельные черты тура, в том числе воинственный нрав и устрашающую внешность, необходимые для корриды.

Близки по внешнему виду к древнемутуру венгерские степные быки [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 381] области Пуста, где они проживают до сих пор на широких степных просторах. В нескольких английских парках также живут потомки туров XII–XIII вв. В 1260 г. в парке Чартли в Стаффордшире большую территорию болотного района окружили оградой, чтобы уберечь этих диких животных. До сих пор эти, казалось бы, уже одомашненные, но относительно вольно пасущиеся быки сохраняют агрессивный нрав [Боголюбский, 1959, с. 346].

Даже такой краткий рассказ о туре дает нам возможность осознать, что обозначало сравнение с туром в древности и средневековье, понять тот почет и уважение, которое должно было вкладываться при наделении человека, прежде всего военного предводителя, подобным именем или прозвищем, в том числе и у славян.

Глава 3

ИМЯ КНЯЗЯ – ТУР

Когда мы читаем рассказ славянского летописца о князе Туре, то сразу возникает первая проблема. В соответствии с летописной версией оказывается, что туровцы названы по имени князя, а не по названию города, что соответствовало бы лингвистическим представлениям о форме этого слова [Хабургаев, 1979, с. 161]¹. Сразу скажем, что такая уверенность летописца и может указывать на существование мифологической ситуации в его рассказе, когда он получил эти сведения из источника, которому доверял.

Отнесение появления названия племени или рода к имени пер-вопредка было распространенной «народной этимологией» уже в период Нестора, что отразила и летопись. «Летописец нередко “антропонимизировал” географические и особенно – “племенные” названия, стремясь к “отражению” генеалогии, имевшей большую ценность и интерес для народной мифологии и тенденциозно настроенного летописца, чем связь этих названий с местностью или иными признаками». Подобные «этимологии» дают важный материал для характеристики мировоззрения средневековых книжников, но, разумеется, не имеют никакой ценности для решения проблем, связанных с происхождением и языковой принадлежностью соответствующих этнических коллективов» [Лихачев, 1999, с. 393, 403–404; Хабургаев, 1979, с. 161; Роспонд, 1963, с. 110].

Не менее важно и другое. «В лингвистической традиции принято искать ответ на вопрос о происхождении летописных этнонимов в этимологическом анализе, хотя давно стало очевидным, что «внут-

¹ Сравнить: Новгород – новгородцы, Муром – муромцы и т. д. При этом, правда, сложно сказать, какая форма может быть производной от имени Тур.

ренная форма» многих из них не поддается реконструкции, а в остальных случаях ничего не дает для решения проблем этногенеза» [Хабургаев, 1979, с. 161]. Таким образом, необходимо попытаться найти внелингвистическую семантику, которая может стать в такой «темной» ситуации определяющим фактором.

Это мнение лингвистов. Рассуждения историков, как мы видели, исходили в основном из попытки решить проблему исторической достоверности или этнического происхождения летописного образа князя Тура.

Но все эти рассуждения, их внутренняя логика вполне могут оказаться напрасными, если мы посмотрим на проблему имени князя, исходя из широкого индоевропейского контекста. Перед нами возникает совсем иная картина. Оказывается, что имя родоначальника – Тур – отнюдь не единично в индоевропейском мире. В этом контексте оказывается, что само имя служит источником для исследования, которое может указать направление дальнейшего поиска. Прежде всего обратимся к наиболее древней зафиксированной индоевропейской традиции, которая знает мифологического «тезку» полеского князя Тура.

Имя Тур носит один из героев древнейшей поры в мифологической истории иранских племен по религиозному документу зороастрийцев «Авесте», а потом изложенной Фирдоуси в «Шахнамэ». Чтобы читателю было легче ориентироваться в иранской эпической традиции, необходимо дать небольшую историческую справку.

Развитие иранской мифологии прошло длинный путь развития. Первоначально среди иранских племен господствовали первобытные культы почитания многих богов, родственников их «собратьям» в других индоевропейских мифологиях. Где-то в конце II – начале I тыс. до н. э. началась проповедь Заратуштры¹, призывавшего к почитанию единого бога света и добра Ахура-Мазды. Именно Заратуштра, по мнению его последователей – зороастрийцев, сочинил и первые гимны «Авесты». Они действительно написаны на очень архаическом иранском языке бесписьменного периода, который больше не зафиксирован ни в одном письменном памятнике. Как многие священные тексты, «Авесту» долгое время передавали из уст в уста в жреческой среде. В результате этот язык был уже мертвым,

¹ Авест. *Заратуштра*, ср.-перс. *Зардушт*, греч. передача *Зороастр*.

когда «Авесту» записали. Этот древнейший известный нам диалект иранского языка получил название авестийского. Письменно засвидетельствован с VI в. до н. э. древнеиранский язык на памятниках ахеменидского времени.

Религиозная реформа Заратуштры полностью так никогда и не победила. Идея единобожия на тот момент была столь смелой, что после смерти Заратуштры его последователи в тех или иных формах продолжали почитать некоторых привычных старых богов. Поэтому даже в классическом зороастризме возникло сложное переплетение старых и новых религиозных и мифологических идей. В «Авесте» так или иначе нашли отражение многие древние иранские мифы. Другое дело, что здесь не дано связного, конечно, по современным меркам, описания мифов. Ведь в основном дошедшие до нас части «Авесты» представляют собой гимны в честь божеств. Это препятствует связному и последовательному изложению. Осколки различных мифов упоминаются в ней только как примеры могущества и мудрости богов. Поэтому сейчас приходится часто гадать о том, что было понятно древнему слушателю и поэтому упомянуто вскользь.

Зороастризм полностью победил в Иране при Сасанидах (начало III в. н. э. – 652 г.) и стал в это время официальной государственной религией. В VI в. н. э. была записана «Авеста», передававшаяся до этого в устной форме [Бойс, 1987, с. 163–164]. Возникло и много новых религиозных произведений, которые донесли до нас меняющуюся мифологию этого времени. Заметно, что иранская мифология продолжала активно развиваться, древние мифы дополнялись новыми, сохраняя свою основу. Иранский язык этого времени получил название пехлевийского или среднеперсидского (со II в. н. э.).

Арабское завоевание Ирана в середине VII в. н. э. привело к кардинальным изменениям в религиозной жизни страны. В Иране утвердился ислам. Зороастризм скоро был практически уничтожен или вытеснен из страны. Правда перед этим зороастрийское жречество записало многие религиозные тексты перед угрозой их полной утраты. Но древняя мифология иранского народа выжила, правда уже в форме устного десакрализованного эпоса, передававшегося народными сказителями. Как это ни странно, вскоре этот эпос понадобился иранским правителям, которые уже были мусульманами. Дело в том, что Иран стремился к свержению власти арабов, и они нуждались в подтверждении древности местной цивилизации, всячески подчеркивая эту славную древность в сравнении с историей многих соседних

«молодых» народов, в том числе и арабов. Именно эпические сказания седой старины и были крайне полезны в этом деле. Появилась целая плеяда иранских авторов, которые описывали историю страны с древнейших времен и, как всегда в таких случаях, обращались к сохранившимся в народе мифам. Так возник целый ряд произведений, многие из которых носили название «Шахнамэ» – «Книги царей». Подобные произведения возносили хвалу царским династиям. Эти произведения написаны на фарси или новоиранском (с IX в. н. э.).

Самое известное и полностью дошедшее до нас принадлежит перу выдающегося поэта из города Тус – Фирдоуси (около 935 – около 1020). При этом Фирдоуси упоминает бродячих сказителей, которые передавали подобные повествования в устной форме. Ранее религиозные идеи и образы уже окончательно приняли здесь форму занимательных эпических повествований. «Шахнамэ» имеет исключительную важность для исследователей, потому что, несмотря на позднюю фиксацию (написана книга как раз на рубеже IX–X вв. н. э.), она донесла до нас древнейшие иранские мифы, многие из которых уже упомянуты в «Авесте». Надо учитывать, что, судя по всему, при его написании использовались и старые исторические сочинения сасанидской эпохи, которые до нас не дошли.

В «Шахнамэ» Фирдоуси многие мифы почти за два тысячелетия сохранили свою структуру и форму, хотя в деталях произошли многочисленные изменения. Тем не менее эту уже достаточно позднюю эпическую традицию активно используют для реконструкции отдельных частей древней иранской мифологии.

В этой тысячелетней иранской мифологии мы встречаем имя Тур. Если в «Авесте» просто упоминается Тур, как хорошо известный иранцам персонаж, то именно «Шахнамэ» Фирдоуси дает нам наиболее полное описание самого мифа, в котором действует иранский Тур. Фактически это пласты ранней мифологии. В рассказах о Туре речь идет о первых мифических временах творения и становления Иранского государства, возникновении соседних стран и народов.

В «Шахнамэ» имя Тур носит средний сын царя Феридуна¹. Образ Траэаоны (Феридуна) имеет хорошо знакомые всем индоевропейским мифологиям черты змееборца. Ему приходится сражаться за

¹ Авест. *Траэаона*, ср.-перс. *Фретон*, фарси *Феридун*.

престол Ирана, который захвачен злобным магом Зохаком, из плечей которого растут змеи, ежедневно пожирающие людей. В образе Зохака легко угадывается древний образ вселенского змея иранской мифологии Ажи-Дахаки¹. В условиях победившего ислама он преобразовался в антропоморфный образ чудовищного колдуна, но одновременно, отражая патриотические настроения персов, – именно арабского колдуна.

В «Шахнамэ» рассказывается как Феридуна удалось победить Зохака, и в Иране установился «золотой век» благоденствия и процветания.

У Феридуна было три сына: Сельм², Тур³ и Иредж⁴. Этот авестийский миф связывают с мифологическими представлениями иранских племен об общем происхождении от единого предка. В сыновьях Тразтаоны (Феридуна) угадываются родоначальники племен: Арья – ариев, Тур – туранцев и Сайрима – сарматов [Кузьмина, 1977, с. 18; Грантовский, Раевский, 1984, с. 59]. Такие мифы были достаточно распространены у иранцев. Да и античные писатели неоднократно утверждают, что иранцы часто называют свои племена и роды по имени основателя [Кузьмина, 1977, с. 85; Бессонова, 1983, с. 15–20].

Центральное место, как это часто бывает в индоевропейских мифологиях, занимает младший сын – Арья. В нем легко узнать эпонимического предка всех иранских племен, самоназванием которых и было – *арья* ‘высший, благородный, верный правильным обетам’. Многие индоевропейские народы, и особенно индоиранцы, называли себя этим именем⁵. От этого самоназвания выводились и названия некоторых стран, часть которых, как, например, Иран сохранились до настоящего времени⁶.

¹ Авест. *Ажи-Дахака* ‘Змей Дахака’, ср.-перс. *Дахак*, фарси *Зохак* (*Зоххак*). В «Авесте» он предстает трехглавым и шестиглазым. В позднейшей зороастрийской мифологии Дахак будет участником последней битвы сторонников Света и Тьмы. Можно сравнить тут и изображение Ангро-Майнью в Накш-и-Рустаме в антропоморфном виде, но со змеями вместо волос.

² Авест. *Сайрима*, ср.-перс. *Салм*, фарси *Сельм*.

³ Авест. *Тура* (*Thurá*), ср.-перс. *Тур*, фарси *Тур*.

⁴ Авест. *Арья*, ср.-перс. *Аирик*, фарси *Иредж*.

⁵ Отсюда и современное понятие *арийцы*, которое в науке используется для обозначения индоиранских народов.

⁶ Сравните название мифологической родины всех ариев-индоиранцев – авест. *Аирийава-Аирийу* – и потом целый ряд других названий стран.

Повествование о Туре является составной частью этого мифологического сюжета о родоначальниках, достаточно подробно воспроизведенного в «Шахнамэ». Иранский эпос важен для нашего исследования тем, что в «Шахнамэ» мы находим объяснение или, по крайней мере, намек, почему Феридун дает сыну такое имя.

Перед этим отец испытывает своих сыновей, представ перед ними в образе ужасающего дракона, изрыгающего огонь. Именно Тур первым готов сразиться с чудовищем [Фирдоуси, т. 1, 2790–2826]. Только после этого испытания отец готов дать имена своим сыновьям. Тут перед нами древний общеиндоевропейский обычай – имя должно было отражать принадлежность человека к варне¹. Для воинов это было всегда выражение воинственности и силы, для жрецов подчеркивалась связь с богами и божественными силами, у земледельцев, скотоводов или ремесленников закладывалась идея плодovitости, умножения богатства, трудолюбия. Наречение именем после обязательного испытания являлось распространенным иранским обычаем [Бессонова, 1983, с. 22–23], поэтому вполне обоснованна и смысловая нагрузка имени.

Вот что Феридун говорит о среднем сыне после столкновения того с драконом²:

Ты, средний, безмерную удаль явил,
Гнев пламенный в битве придал тебе сил.
Зовись же ты именем Тура, о лев!
Свирепых слонов сокрушил бы твой гнев.
Отвага уместная красит бойца;
Кто сердцем пуглив, не достоин венца.

[Фирдоуси, т. 1, 2857–2862].

Таким образом, ясно, что получение имени этим эпическим персонажем связано с его качествами силы, отваги, удали, воинственности. Иранские диалекты и другие индоиранские языки не донесли до нас слова *tur* в значении «бык, дикий бык». Мы видим, что смысл

¹ В древнеиндийском обществе варны представляли собой четко отделенные социальные группы, у каждой из которых был круг предписанных обязанностей. Существовали варны брахманов (жрецов), кшатриев (воинов) и вайшьев (скотоводов и земледельцев).

² Перевод «Шахнамэ» в данном случае поэтический и не следует в точности тексту на фарси.

получения имени *Тур* у иранцев во времена Фирдоуси был еще повсеместно понятен. Фирдоуси еще раз подчеркивает это, указывая на гороскоп Тура, когда созвездие Льва располагается над Солнцем, предвещающая среднему сыну судьбу воинственного и сильного человека [Фирдоуси, т. 1, 2885–2886].

Подобное имя в контексте иранской культуры не может выглядеть случайностью и с лингвистической точки зрения. В иранской и шире в индоиранской традициях хорошо заметно богатое семантическое поле с основой *tur-*, *taur-*, которое презентует несколько крайне показательных понятий.

К индоиранской эпохе восходит **tura-* ‘быстрый’, скр. *turá-*, ж. р. *turí-* ‘быстрый, стремительный’, *tur-* ‘спешить, быстро двигаться’ (все связано с *tuar-* ‘спешить’) [Macdonell, 1893, с. 110; Абаев, 1979, с. 319; Трубачев, 1999, с. 35–36, 284–285]. В санскрите эта основа в разных огласовках дала обильное семантическое поле со значением «преодолевать, перебираться, быстро и стремительно двигаться». Связь усматривают в осет. *tur* и *turæj turmæ* «напролом» [Абаев, 1979, с. 319]. Судя по всему, с понятием быстроты связывалось и ср.-перс. название планеты Меркурий – *Тир* «Быстрый» [Ван-дер-Варден, 1991, с. 196, 206; Рак, 1998, с. 92]. Уже классическим выведением стало название реки в Скифии, записанное греками как Тирас (*Τύρας*, ион. *Τύρης*, *Tyras*), и, по всей видимости, передающее скифское название Днестра ‘Быстрая, Быстрица’ [Абаев, 1979, с. 319; Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 278]. О. Н. Трубачев стремился вывести еще целую серию топонимов Северного Причерноморья из этой основы, например, *Τυρίτάκη*, *Τυρίστάκη*, из **turi(s)-taka* о быстрой воде [Трубачев, 1999, с. 163, 284, 285].

Правда, когда исследователи столь единодушно характеризуют семантику быстроты, забывают о других значениях слова *turá* ‘быстрый; готовый, охотный’, но и *turá* ‘сильный, мощный, превосходящий; богатый, изобильный’ [Macdonell, 1893, с. 110; Кочергина, 1996, с. 244]. Сюда же перс. и курд. *tūr* ‘ярый’ [Абаев, 1949, с. 185]. Семантика силы вполне присуща этому понятию, как в скр. *turyā* ‘сила, мощь, победа’ [Кочергина, 1996, с. 245]. Просматривается тесное переплетение данной основы с идеей победоносности, силового преодоления сопротивления врага. Это видно в эпитете Индры *turā-shāh* ‘быстро покоряющий’ [Macdonell, 1893, с. 110]. В санскрите основа *tūr-* связана также с понятием воина и всепобеждающего воина *viśvatūr-*

[Sihler, 1977, с. 235], ср.-перс. имена Виспатарва и Виспатаурвари 'всепобедительница'.

Однако имеются веские аргументы, чтобы предполагать корреляцию основы *tur-* с названием крупного рогатого скота или быка в иранских языках.

Фирдоуси называет отцом Феридуна Атбина [Фирдоуси, т. 1, 1492]. Но пехлевийские источники, более ранние в сравнении с «Шах-намэ», указывают отцом Тразтаоны (Феридуна) *Пуртура* или *Пургава*. Так отца называет «Бундахишн» 31, 7 [Рак, 1998, с. 187]. Причем этимология второго имени практически не вызывает сомнений у лингвистов: *pur-* 'сын', *gau-* 'бык, корова'¹, то есть в переводе «сын быка или коровы». Тогда можно говорить о полной синонимичности двусоставных имен одного персонажа, одно из которых Пуртур. Это четко показывает, что в составе этих двусоставных имен под названием *tur-* скрывается не только понятие «сила», но и понятие «бык»². Наблюдается полное тождество со славянским материалом.

Укрепляет это соотнесение осетинский пример, который также может указывать на существование в индоиранских языках основы *tur-* с связи с крупным рогатым скотом: В. И. Абаев сравнил осет. *turæ / tujra* 'жирный суп из кусков говядины' с авест. *tūiri-* 'створоженное молоко', греч. *týrós* 'творог, сыр', *βού-τυρον* 'коровье масло' [Абаев, 1979, с. 319]³. Название сыра *tūro* употреблялось уже в крито-микенских текстах [Казанскене, Казанский, 1986, с. 80].

Отца Феридуна и сына Феридуна – Тура плотно окружает семантика «бычьей» мифологии. Это не удивительно, учитывая то огромное внимание в целом в иранской и индоиранской мифологиях к крупному рогатому скоту, составлявшему основу стада этих кочевых на тот момент племен. Крупный рогатый скот считался главным богатством народа. Главная просьба ария в «Авесте» это ниспослание ему скота [Кузьмина, 1977, с. 27; Кузьмина, 1994, с. 214].

¹ Кстати, эту основу сохранили и славянские языки, как например, *говяда* – 'стада', *говядина* – 'мясо крупного рогатого скота' и т. д.

² При этом удивительно, что многие исследователи выводят основу *tur-* из арабского при наличии столь мощного пласта с этим корнем в индоевропейских языках.

³ С этим корнем исследователь соотносит и название сарматского племени у Клавдия Птолемея *Тореккда* от **turaka-adā* 'поедающие (*adā*) творог (жирный суп) (*turaka*)' [Абаев, 1979, с. 319].

При рождении Феридуна боги дают необычный знак – рождается корова Бермае, у которой нет ни одной одинаковой шерстинки¹. Ее также преследует Зохах, как и всю семью Феридуна [Фирдоуси, т. 1, 1479–1490]. Возможно, здесь реминисцентно сохранился мифологический мотив, когда животное, корова в данном случае, выкармливает вынужденного скрываться героя, а может и на то, что она была его матерью². Причем один из братьев Феридуна носит родственное корове имя – Бармайун.

Возмужав, Феридун приказывает сковать для себя палицу с коровьей головой, и поэтому потом ее все время называют рогатой.

Взял циркуль в могучие руки боец
И палицы той начертил образец;
Возникла на глади песка булава,
Коровья венчает ее голова.

[Фирдоуси, т. 1, 1809–1818].

Палица с головой быка была и у других эпических героев, как, например, у Сама, деда великого богатыря иранского эпоса Ростема [Фирдоуси, т. 1, 602–603, 10874]. До сих пор булава с головой быка является принадлежностью зороастрийского священника и дается ему во время вступления в сан, как знак его борьбы с силами зла.

Интересен и образ жены Тура – Азаде, имя которой напрямую связывает с луной. Ее имя в полном варианте звучит как *Мах-е азадеху* «Луна с благородным нравом» [Фирдоуси, т. 1, 617, прим. к 2876]. Пара Тура и Азаде на уровне изобразительного символизма в Иране отображает часто встречаемый здесь образ: морда быка, рога которого представляются месяцем.

Окончательно сближает мифологические образы двух Туров-правителей – иранского и полесского – причисление их к эпонимам. Как в белорусском варианте легенда связывает происхождение названия населения города с именем князя, так иранский эпос напрямую связывает с именем Тура происхождение названия страны Туран. От отца в удел Тур получил Туран и Чин (Китай), т. е. земли

¹ Сравните тут пример сакральной разноцветности в восточнославянском фольклоре – Сивка-Бурка Вещая Каурка.

² Подобная идея также характерна для многих индоевропейских мифологий, сравните известный сюжет об основании Рима или выкармливание Зевса козой.

на восток от Ирана. Его стали звать Тураншахом. По имени Тура страна получила название Туран [Фирдоуси, т. 1, 2907–2914], а населявший страну народ – туры (авест. *tūra-*), что в русских переводах передается как туранцы¹.

Определить границы Турана и расселения племени туров соответственно в иранской мифологии достаточно легко, так как они неоднократно описаны в самой «Шахнамэ» – это земли на восток от реки Джейхун (Амударья). Поэтому его локализация вполне общепризнана в пределах современной Средней Азии в бассейнах рек Амударьи и Сырдарьи.

Основные владения отца, центр мира в понимании иранцев – Иран – получил младший сын Феридуна Иредж. И эта страна получила свое название по имени властелина. Конечно же, старшие братья недовольны тем, что главный удел отец приберег для младшего. Тогда, заманив Иреджа на переговоры, они убили его. Сделал это Тур [Фирдоуси, т. 1. 3351–3380], что и предопределило кровавую месть между потомками двух братьев и между их странами. Впоследствии Тур погиб от руки сына Иреджа – Менучехра (авест. *Мануш-Читра*, ср.-перс. *Манушчихр*, фарси *Менучехр*) [Фирдоуси, т. 1, 4119–4130].

Тур является одной из центральных, хотя и отрицательных, фигур «Шахнамэ». Именно с его зависти к младшему брату и начинается историческая для иранских племен вражда двух родственных стран – Ирана и Турана, потомков Арья и Тура. «Шахнамэ» именно Тура считает главным виновником вражды: «Заволновался мир от отважного Тура» [Фирдоуси, т. 2, 586, прим. к 5665–5666]. Эта вражда стала основной композиционной линией иранского эпоса.

Вражда иранцев и туров в мифологическом плане носит вселенский характер: от этого столкновения зависят основы мироустрой-

¹ Истоки названия народа турами пока не ясны. Делаются разные предположения, которые на самом деле гипотетичны и не слишком надежны. Некоторые полагают, что такое название носило небольшое племя или род, проживавший на границе расселения иранцев, название которого стало обобщающим для целого ряда племен за местом его расселения дальше на восток. По одной из гипотез по имени рода или племени была названа река поблизости от мест его проживания [Логашова, 1978]. Указывают и на небольшую область в Хорезме сасанидского времени Тур и на некоторые другие топонимы [Фрай, 2002, с. 67].)

ства, господство справедливости или несправедливости в мире, процветание или упадок Ирана. Борьба описана как схватка антиподов:

С Ираном Туран, словно пламя с водой

[Фирдоуси, т. 2, 7254]¹.

Именно борьбе иранцев с турами посвящена уже значительная часть «Авесты», а потом «Шахнамэ». «Авеста» утверждает, что даже собаку Ахура-Мазда сотворил для защиты от племени туров [Видевдат XIII, 39]. Предводителем туранцев в этой борьбе выступает еще один Тур – Франхрасьян². Но здесь имя Тур скорее родовое имя, знак принадлежности к царскому роду Турана. Франхрасьян являлся прямым потомком Тура.

Образ Тура Франхрасьяна (Афрасиаба) в «Шахнамэ» принимает поистине эпический размах – это без преувеличения бессмертный предводитель туранцев в их борьбе с Ираном. В Иране сменился не один правитель, правит уже другая династия, а Афрасиаб все еще во главе Турана. Он – олицетворение главного врага Ирана.

Прагматическая на первый взгляд борьба Ирана и Турана и наследников братьев-эпонимов, на самом деле отражает глубоко религиозную философскую идею. Мифология «Авесты» дает нам возможность хорошо понять эту идею. В судьбе Ирана как страны и сообщества людей особую роль играла идея божественности царской власти. Причем для древних иранцев это не отвлеченное понятие. Царская власть имеет и свое материальное выражение в мире – Хварно³ [Литвинский, 1968]. Хварно как божественная сущность была получена первыми иранскими царями от богов. Хварно достаточно самостоятельно и для овладения им одной наследственности мало, необходимо быть истинным царем по сути, только тогда Хварно достается человеку. В ином случае оно покидает недостойного, нанося нового претендента.

В чьих руках в конечном итоге окажется Хварно – в религиозном смысле этот вопрос для иранцев был далеко не праздным. Для древ-

¹ В оригинале: «В одном месте они никогда не смешаются» [Фирдоуси, т. 2, 591, прим. к 7254–7256].

² Авест. *Франхрасьян*, ср.-перс. *Фрасийак Тур*, фарси *Афрасиаб*.

³ Авест. *хварно*, ср.-перс. *фарн*. Первоначально царское Хварно представлялось в виде абстрактной сущности, связанной с божественными субстанциями, такими как свет и огонь. Постепенно появились и визуальные его образы в виде своеобразного нимба над головой царя, барана, других символов солнца.

них коллективов идея божественного покровительства людям очень важна. В древности божественное покровительство считали залогом жизни и процветания коллектива. Поэтому такую важную роль в жизни древнего человека играло жречество, устанавливавшее и поддерживавшее связь с богами. Различные катаклизмы в жизни людей рассматривались как потеря божественного покровительства и усиливали ощущение возможной вселенской гибели.

Так и в данном случае, борьба Ирана и Турана за царскую власть отражает и вселенскую битву, которая должна привести к процветанию какой-то из этих стран. На некоторое время Франхрасьян Тур (Афрасиаб) даже захватил престол Ирана, считая его своим наследственным владением. Но теперь, чтобы доказать свою царскую состоятельность, ему надо было овладеть Хварно. Ведь исключительно это могло сделать его законным царем и быть символом признания богами.

И «Авеста», и «Шахнамэ» знают сюжет о попытке Тура Франхрасьяна овладеть Хварно. Этот рассказ – один из самых напряженных в «Авесте». Но тройная попытка не увенчалась успехом. Постоянные неудачи свидетельствуют о том, что боги отворачиваются от него. Недаром впоследствии в мифах зороастрийцев он представляется тесно связанным с силами Ангро-Майнью, со вселенским злом. В «Авесте» этот момент подчеркнут особо. Тур Франхрасьян молит богиню Ардвисуру Анахиту о поддержке в получении Хварно:

И приносил ей в жертву
Тур негодяй Франхрасьян
В убежище подземном
Сто жеребцов, и тысячу
Коров, и мириад овец.
Вот так просил он Ардви:
«Такую дай удачу,
Благая Ардви-Сура,
В середине Ворукаша

Чтобы обрел я Хварно,
Которым завладели
Грядущие и бывшие
Цари арийских стран,
Обрел то, чем владеет
Спитама-Заратуштра»¹.
Но не дала такую
Удачу Ардви-Сура...

[«Авеста». Яшт V, 41. Пер. И. М. Стеблин-Каменского].

Эта благодетельная богиня действительно по «Авесте» помогает практически всем героям, даже туранцам. Но в случае с Туром Франхрасьяном она не оказала ему поддержки и Хварно окончательно

¹ В данном случае имеется в виду еще не родившийся Заратуштра, но которого ожидает Ахура-Мазда.

прячется от того в глубинах великого мифического мирового моря индоиранцев Ворукаша.

Достать пытался Хварно
Тур, негодяй Франхрасьян,
Из моря Ворукаша.
Нагой, одежды сбросив,
Достать пытался Хварно,
Которым завладели
Грядущие и бывшие
Цари арийских стран,
Достать то, чем владеет
Спитама-Заратуштра.
Поплыл Франхрасьян к Хварно,
Но Хварно отступило,

Но Хварно отошло...
И выскочил Франхрасьян,
Из туров самый бойкий,
Из моря Ворукаша,
Ругательство крича:
«...Нельзя достать мне Хварно...
А то смешал бы вместе
Все твердое и жидкое,
Великое и доброе,
Чтоб огорчился порче
Творец Ахура-Мазда!»

[«Авеста». Яшт XIX, 56–58. Пер. И. М. Стеблин-Каменского].

В итоге Франхрасьян Тур (Афрасиаб) недолго владел иранским престолом и вскоре вынужден был вернуться в Туран, а в Иране вновь воцарился сын Иреджа – Менучехр.

Однако при всей негативной нагруженности образа Турана и туранцев в «Авесте» и в иранском эпосе мы одновременно можем увидеть у них много положительных черт, что уже неоднократно отмечалось. Это показывает, что при всем антагонизме туранцев рассматривали как соседей с родственным этническим происхождением. Материальная и духовная культура туранцев схожа с иранской, что хорошо видно и в «Шахнамэ». Да и религия первоначально до реформы Заратуштры была очень схожей. Туранским богатырям покровительствуют те же боги, что и иранским.

Это вполне справедливо и относительно образов предводителей Турана. «Шахнамэ» называет Тура «именитым стрелком» [Фирдоуси, т. 2, 8186], а такой эпитет применим только к истинному царю, если учитывать, что стрельба из лука являлась важнейшим отличием царей во всем иранском племенном мире [Кузьмина, 1977, с. 94]. Это, конечно, его царское признание¹.

¹ По зороастрийской традиции золотую стрелу от Ахура-Мазды получил первый царь Йима [Кузьмина, 1977, с. 62]. Состязания лучников устраивались во время перехода царской власти в Средней Азии [Кузьмина, 1977, с. 94]. У скифов, по пересказанной Геродотом легенде, переход лука от отца к сыну, сумевшему его натянуть, является символом передачи царской власти [Геродот IV, 9–10].

Не рисовался первоначально исключительно только мрачными красками и образ Франхрасьяна Тура [Рак, 1998, с. 205–206]. Он боролся с чудищами, которые угрожали людям, строил прекрасные города и т. д. Иногда даже «Шахнамэ» не может не отметить достаточную обоснованность претензий Афрасиаба на иранский престол, особенно когда пресеклась прямая линия от Феридуна и на престоле Ирана оказались Кейяниды, не являвшиеся прямыми потомками предшествующей династии. В этой ситуации Афрасиаб мог претендовать на законность наследования как ближайший родич династии. Эта идея хорошо выражена в ответе Афрасиаба на послание Кей-Кавуса:

«Подобные речи лишь низким под стать.

Когда ты своим называешь Иран...

...Слову правды внемли:

По праву Иран – родовой мой дворец;

Внук Тура я, чей Феридун был отец»

[Фирдоуси, т. 1, 13708–13709, 13714–13716].

Именно это для иранских создателей мифа делало необходимым показать и усилить момент религиозного поражения Франхрасьяна Тура (Афрасиаба) в сакральной борьбе за Хварно.

Косвенным подтверждением прав Франхрасьяна Тура (Афрасиаба) на престол является и то, что вскоре иранский престол достается Кей Хосрову – потомку от брака законного наследника иранской династии Сиявуша с дочерью Афрасиаба – Ференгис¹.

Этот приход был предсказан:

На землю великий владыка придет,

Что род от Кобада и Тура ведет².

Он будет народами всеми любим,

Иран и Туран преклонятся пред ним...

[Фирдоуси, т. 2, 8204–8406].

¹ Возможно это связано с тем, что Сиявуш считался родоначальником династии древнего Хорезма, который располагался на границе территории эпического Турана [Фирдоуси, т. 2, с. 574, прим. к 2963–8470]. В результате была необходимость мифологически возвести его образ к «узаконенным» династиям двух ближайших соседей.

² Авест. *Кави Кавата*, ср.-перс. *Кей Кавад*, фарси *Кей Кобад* – первый царь династии Кавиев (Кейянидов), которые воцарились в Иране после династии Парадата, к которой принадлежали Феридун, Арья и Тур.

Правда, вопреки предсказанию, рождение Кей Хосрова не оставило эпическую вражду стран. Впоследствии ее осознание приняло другие формы.

Примером отрицательного отношения к туранцам и подчеркиванием ненависти к персонажам с прозвищем Тур является религиозная традиция зороастрийцев, в которой туранцы выступают главными противниками новой религии. По преданиям зороастрийцев, убийца Заратуштры происходил из туров [Рак, 1998, с. 25]. С детства Брат-реш Тур¹ – послушное оружие в руках Ангро-Майнью и персонафикация зла в мире людей – стремится убить Заратуштру, став одним из главных противников при жизни основателя зороастризма [Рак, 1998, с. 257, 260–262, 302]. Его сравнивали с волком. В результате позднее зороастрийское сочинение «Датистан-и-Диник» именно ему приписывает убийство пророка Заратуштры.

Уже позднее в классической и новой персидской литературе Афрасиаб часто назван просто «торк», т. е. «туранец, тюрк». Этим прокладывали себе дорогу новые исторические реалии – с конца V до VI в. с востока в зону древних среднеазиатских цивилизаций надвигались новые племена – тюрки. Поэтому древний этноним иранской традиции для называния племен родственного происхождения за рекой Джейхун налагается и на новых пришельцев.

Проблема происхождения этнонима тюрки до сих пор не получила удовлетворительного решения. Одна из гипотез о происхождении этого этнонима как раз связывает его появление с названием страны Туран и племен туров. Давно предложена гипотеза, что с момента проникновения в Среднюю Азию тюркских племен иранцы постепенно начали переносить на них обозначение враждебных им туров [Фрай, 2002, с. 66; Кононов, 1949, с. 44; Логашова, 1978, с. 76–77]. Лингвистические позиции при этом обосновываются вполне основательно. В слове *türk* 'тюрк' видят форму множественного числа *tūr-k* от слова *tūr* 'тур', образованную через прибавление форманта множественного числа *-k*, что полностью соотносится с иранским словообразованием *Tur-ān* [Фрай, 2002, с. 66; Кононов, 1949, с. 42]. Эта лингвистическая аргументация подкрепляется и историческими наблюдениями над использованием этника 'тюрк', когда для ранней поры мы не можем найти ни одного тюркского племени с таким названием. Этот термин первоначально употреблялся скорее не как

¹ Ср. перс. *Брат-реш Тур, Братрок-реш Тур, Тур-и Братарвахш*.

да племен [Кононов, 1949, с. 40]. Такому переносу гипотетически могла способствовать популярность «Шахнамэ». Интересно, что византийцы впервые употребляют сам этноним 'тюрк' (*τοῦρκοι*), узнав его от согдийцев, которые приехали в 568 г. в Константинополь в составе посольства племен западных тюрков [Шушарин, 1991, с. 284].

Однако надо сказать, что далеко не все лингвисты согласились с выводением *türk* из *Turan*, поэтому предложены и другие этимологии [Кононов, 1949, с. 42, 45–47; Cherpillood, 1986, p. 471]. Действительно, вряд ли можно полностью принять гипотезу об иранском происхождении названия племен тюрков, однако безусловно и то, что для самих иранцев подобное семантическое соотнесение было естественным.

Итак, иранское эпическое предание о мифологическом правителе Турана – Туре было частью этногонических иранских мифов. Тур и его потомки – племя туров-туранцев – мыслилось ближайшей этнической родней иранцев, хотя и враждебной.

Некоторые мотивы иранского предания совпадают с легендами о полесском князе Туре. Обоих рассматривают как эпонимы: по имени полесского Тура назван город и его население, по имени иранского – страна и ее обитатели. И это, конечно, само соответствие имен, отражающих идею силы и могущества. У славян это результат метафорического приравнивания к могучему животному, у иранцев – обращение к семантическому полю с идеей быстроты и силы, возможно, некогда связанная также с образом быка.

Глава 4

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: СТЕПНОЙ ИРАНСКИЙ МИР И МИЛОГРАДЦЫ

Итак, мы несомненно видим схождения славянской и иранской мифологической и лингвистической традиций в отношении семантики основы *taur-, tur-*. Существует два подхода к попыткам интерпретации подобного лингвистического и религиозно-мифологического материала.

Первый связан с представлением о мощном индоевропейском наследии, которое потом способствовало параллельному и типологически схожему дальнейшему религиозно-мифологическому развитию, особенно в условиях генетического лингвистического родства и схожего исторического развития. Такой подход оказывается вполне продуктивным при исследовании далеко отстоящих традиций, когда мы не можем найти примеров видимых исторических взаимодействий.

Но только ли сила памяти смогла сохранить или воссоздать сходные мифологические представления?

Вторая возможность связана со стремлением обнаружить хотя бы отдельные культурные взаимовлияния в историческое время. Если мы видим периоды взаимодействий уже разделившихся индоевропейских народов, то можем указать на их прямые контакты в очерченных благодаря достижениям археологии контактных зонах. Мне представляется такой подход вполне обоснованным на данном этапе развития исторической науки, что дало бы возможность объяснить многие факты славянской традиции, в том числе и в религиозно-мифологической области, взаимодействием самих культур.

Поэтому обратимся к проблеме контактов южнобелорусского, полесского региона, где зафиксированы легенды о князе Туре, с со-

седними регионами в исторической перспективе. Прежде всего необходимо обратить внимание на его контакты с иранским миром ¹.

На данный момент распространено мнение, что степи современной Южной Украины и Южной России являлись прародиной индоиранских племен [Кузьмина, 1981]. Скорее всего, поблизости располагалась и прародина всех индоевропейских народов [Gimbutas, 1973; Mallory, 1973; Сафронов, 1983, с. 38–45]. Российский лингвист О. Н. Трубачев обосновывал проживание в Северном Причерноморье еще в историческое время реликтовых племен времени индоиранского единства [Трубачев, 1999г; Трубачев, 1999б; Трубачев, 1999д; Трубачев, 1999а], правда его гипотеза вызвала серьезные возражения [Грантовский, Раевский, 1984; Петрухин, Раевский, 1988, с. 73–74]. Лингвисты на основе данных гидронимии указывают, что на севере от этого степного региона расселялись предки славян, балтов и финно-угров [Топоров, Трубачев, 1962; Трубачев, 1968]. Таким образом, степи Северного Причерноморья издавна играли важную роль в этногенезе индоевропейских народов.

В историческое время, когда письменные источники впервые описывают эти территории, мы встречаем здесь многочисленные иранские племена кочевников. Потом здесь появляются первопроходцы из Малой Азии, привлеченные богатствами местных земель. А с VII в. до н. э. настало время Великой греческой колонизации прибрежной полосы. А в степном пространстве происходили постоянные миграции кочевых племен. В итоге Северное Причерноморье стало «плавающим котлом» для разных индоевропейских и иноэтнических традиций. Отсюда далеко расходились культурные импульсы от пло-

¹ Термин «иранский» употребляется в исторической и лингвистической науке в двух значениях. Первое значение связано с принадлежностью этого термина к стране Иран и ее народу, как он употреблялся в предыдущей главе. Но в лингвистическом плане его значение гораздо шире, так как связано с названием большой языковой группы – иранской семьи языков, образовавшейся в результате распада индоиранской семьи. К иранской языковой семье на данный момент принадлежит персидский, таджикский, многие афганские языки и диалекты (курдский, осетинский и т. д.). В историческое время их было еще больше. Среди мертвых языков укажем мидийский, парфянский, скифский, аланский, согдийский, бактрийский, хорезмийский и другие. В этой главе мы будем пользоваться термином «иранский» именно в смысле собирательного названия для всех иранских языков и народов.

дотворного взаимодействия античных и варварских народов. Эти импульсы достигали и северных, «безжизненных», по мнению греков, областей.

Где бы современные исследователи не размещали территорию прародин славян, так или иначе она располагается не так уж далеко от сферы влияния причерноморского региона. И действительно, влияние индоиранцев или скорее иранцев на славян фиксируется учеными разных специальностей: лингвистами, археологами, историками религии.

Наиболее яркий пример – это лингвистическое взаимодействие. Примеров ирано-славянских взаимодействий множество, и в основном они представляют собой заимствования из иранских в славянские языки. С этим согласно большинство исследователей [Зализняк, 1962; Абаев, 1965, с. 5–81; Мартынов, 1982, с. 31–37; Топоров, 1989, с. 23–60; Топоров, 1987, с. 100–111; Вернадский, 1996, с. 115–120, 128–132; Вернадский, 2000, с. 59–64;]. Правда существует и противоположное мнение – якобы представление о сильном влиянии индоиранцев на славян чрезмерно раздуто, на самом деле оно было фактически неощутимо, особенно на раннем этапе [Седов, 2002, с. 27]. Это удивительно, так как даже если подходить к вопросу очень критически, как это сделал, например, польский лингвист Ю. Речск, разобрав считающиеся заимствованиями примеры и отбросив многие из них, как недостоверные случаи или по лингвистическим, или по семантическим, или по хронологическим критериям [Reczek, 1991, с. 9–90]. Но и он сохранил достаточно внушительный список убедительных примеров, среди которых немало относящихся к религиозной терминологии. Обилие религиозных терминов, пришедших из иранского, особенно поражает.

Лингвистические заимствования безусловно отражают культурное влияние. Сейчас уже никто не сомневается, что одним из важнейших путей, по которому идут заимствования, является адаптация чужеродного названия для предмета или идеи, которых до этого момента не было в языке и культуре воспринимающего народа.

Приведем наиболее броские примеры, которые могут показать именно религиозное взаимодействие, хотя есть и масса других примеров практически из всех областей жизни. Сравнивают авест. *baga* ‘бог’ от и.-и. **bhag-* ‘подавать, наделять, дарить’ и праслав. *bogъ* ‘бог’; ср.-иран. **bagina* ‘святилище, алтарь’ и праслав. **božnica* ‘святилище, церковь’. При этом характерно, что другие индоевропейские языки,

и что важно, ближайшие в плане родства славянам балтские, не знают этой основы для обозначения божества и используют в основном древнюю и.-е. основу **deiws* ‘бог (света и дневного неба)’. Исторически такая ситуация стала возможна, когда древние иранские боги под влиянием зороастризма получили ярко отрицательную характеристику: в «Авесте» *daēva* ‘бог старой веры, злой дух’ (от и.-е. *deiws*). Причем в этом же значении слово появилось и в праслав. *divъ* ‘злой дух’. Хотя данный корень сохранил свою продуктивность и в положительной семантике – сравните ‘диво, удивлять’ и т. д. Другие термины с перенесенным или сформировавшимся у славян религиозным смыслом: авест. *spənta-* ‘сильный, мощный, святой’ и праслав. *světъ* ‘светлый, святой’; ср.-перс. **gospod / *guspad* из авест. *vis.pati-* ‘хозяин дома’ и праслав. *gospodъ*; ср.-иран. *mīhr, mīhir, mīr* ‘друг, союзник; договор, соглашение, дружба’, связанное с авест. *Mithra-* ‘имя божества’ и праслав. *mīrъ* ‘мир, община, свет’; др.-иран. *rāy* ‘богатство’, ср.-иран. *rāy* ‘богатство, счастье’ и праслав. *rajъ* ‘вечное счастье, рай’; др.-иран. *airyā-(dahyu)* ‘дахи (название народа)’ и вост.-слав. (с тяготением к южной зоне) *irij / vyraj* ‘счастливая страна мертвых’; авест. *aži* ‘дракон, змей’, перс. *aždar* ‘дракон, змей’ и праслав. *(j)aščerъ* ‘змей’. Многие слова связаны с религиозной обрядовой практикой: авест. *gar-*, *gərδn-*, *gairya-* ‘любить’ и праслав. *žrti* ‘служить богам’; авест. *sravah* ‘слово (торжественное)’ и праслав. *slovo* ‘слово’; авест. *gāθa* ‘религиозный гимн’ и *gaθrδm* ‘пение (сакральное)’ и праслав. *gatai* ‘неясно говорить, ворожить’; др.-иран. *hvarδnah* ‘слава’ и *hvarati* ‘славить, хвалить’ откуда скифс. **hvārā / *hvālā*, и праслав. *xvala* ‘выражать благодарность, прославлять’; авест. *haoma-* ‘священный хмельной напиток’, ср.-иран. *hauma-*, иран. **xuma-la-ka-* (осет. *xumaelaeg*) и праслав. *xmel* ‘хмель’. Также многие слова связаны с религиозно маркированными моральными установками в обществе: авест. *kāy-*, *kaya-* ‘награждать, отвечать за причиненный ущерб’ и праслав. *kajati se* ‘каяться (в грехах)’; др.-перс. *zūrah-* ‘зло, несправедливость’ и *zūra-kara-* ‘зло сотворяющий, преступник’ и праслав. *zъlъ* ‘зло, злой’; авест. *fšardma-* ‘стыд’, др.-иран. *fšarma-* и праслав. *sormъ* ‘стыд’.

Как видим, иранские заимствования включают в себя основополагающие, креативные для любой религии понятия, такие как ‘бог’, ‘господин’, ‘злой дух’, ‘прославлять божество’, ‘служить божеству’. Поэтому крайняя точка зрения даже отстаивает идею, что практически вся мало-мальски развитая религиозная доктрина была заим-

ствована славянами от индоиранцев. С этим, наверное, сложно согласиться, тем не менее, иранское влияние представляется очень значительным. Спор в этом отношении остается пока достаточно отвлеченным, так как пути этого влияния мы пока четко не видим¹.

Обосновывая иранское влияние, интереснейший аргумент выдвинул В. И. Абаев, который показал изменение произношения в славянских языках под влиянием иранского звука *g*, который из взрывного превратился в задненёбный фрикативный и даже в фарингальный. Произошло это в славянских языках и диалектах, соседствовавших некогда с иранским населением – в украинском, белорусском, южнорусских говорах, в словацком, чешском, верхнелужицком [Абаев, 1965, с. 41–52; Хабургаев, 1979, с. 106–108]. Этот ареал прежде всего совпадает с долинами трех великих рек, до сих пор сохранивших свои иранские названия – Дон, Днепр, Днестр – от скифского **danu-* ‘река’, авест. *dānu-* ‘река’, скр. *dānu-* ‘сочащиеся воды’, осет. *don* ‘река, вода’ [Фасмер, т. 1, 1986, с. 528; Абаев, 1965, с. 46–47; Moszyński, 1968, с. 877–878; Трубочев, 1999д].

Не отрицают лингвисты иранского влияния и на именослов славян. Например, в двусоставных именах с основой *bog-* и *mir-* [Reczek, 1991, с. 74]. Хотя тут можно предполагать и не прямое заимствование именослова, а использование переводной кальки для имени или просто лингвистического созвучия отдельных слов.

Интересно, что уже знакомая нам основа в индоиранских языках является заимствованием, причем очень раннего периода, в славянские: праслав. **trъvati* ‘существовать, выдерживать, преодолевать’ и др.-перс. *tarvaya-*, авест. *taurvaya* ‘превозмогать, побеждать’ [Reczek, 1991, с. 71], сюда же многочисленные санскритские примеры.

Современная гидронимия засвидетельствовала иранское влияние на будущих славянских территориях к северу от степей. Очень плотно

¹ Характерным примером для нас может быть и то, что когда киевский князь Владимир Красно Солнышко в 980 г. н. э. проводит свою религиозную реформу, часть его богов имеют иранские имена или прототипы. Это безусловно касается Хорса, Семаргла [Абаев, 1965, с. 115–117; Мавродин, 1945, с. 17] и с определенной долей вероятности Сварога и может быть даже Дажьбога [Мейе, 2000, с. 406; Мартынаў, 1993, с. 6–8; Трубочев, 1999, с. 280]. Кроме того, интересно и его решение создать пантеон именно из семи богов, что было давней иранской традицией. Например, пантеон из семи богов описывает Геродот у скифов [Абаев, 1962; Бессонова, 1983, с. 53–55].

иранские названия рек распространены в степной полосе Северного Причерноморья. На границе лесостепи они соседствуют со славянскими, балтскими и финно-угорскими. А вот далее на север в лесах количество иранизмов в названиях рек очень невелико, тем не менее, они есть [Топоров, Трубачев, 1962, с. 230]. Есть они на правом берегу Припяти, небольшие скопления встречены по Сожу и по Березине [Топоров, Трубачев, 1962, с. 233–235]. Зону балто-иранских спорадических контактов признают в бассейне реки Сейм [Топоров, Трубачев, 1962, с. 231].

С другой стороны, В. И. Абаев хорошо показал, что лингвистические данные осетино-германо-славяно-балтских контактов свидетельствуют о том, что для северных степных иранских племен навыки земледелия стали известны и перенимались из северной зоны [Абаев, 1965, с. 142–143].

Бросив взгляд на лингвистические свидетельства, важно обратиться к конкретно-исторической ситуации, т. е. попытаться ответить на последний, издавна волнующий историков вопрос – когда происходили процессы ирано-славянского взаимодействия. Тут уверенности меньше. По лингвистическим свидетельствам, контакты начались задолго до IV в. до н. э. [Reczek, 1991, с. 71]. Проблема в том, что славяне в тот момент исторически никак не проявляются даже по самым оптимистическим оценкам.

Из всех иранских народов наибольшие возможности для контактов с предками славян имели скифские племена. Их гегемония в степях Северного Причерноморья длилась достаточно долго. Политическое, экономическое и религиозное влияние на лесостепную зону от Днестра до Днепра и далее до Дона скифы оказывали с VIII до III в. до н. э., а это почти полтысячи лет. Они вступили в соприкосновение с населением лесостепной зоны на значительном отрезке. Поэтому столь популярны в последнее время были гипотезы о практически прямой преемственности культуры славян от скифов, в том числе и по археологическим свидетельствам. Может быть наиболее прямолинейно прочерчивал эту линию развития славян Б. А. Рыбаков [Рыбаков, 1981, с. 214–233; Рыбаков, 1988, с. 8–72].

Подобная прямая выводимость славян от скифов не имеет пока сколь-нибудь сильных аргументов. Можно скорее говорить о сохранении каких-то реликтов скифской духовной культуры и не более. Кроме того, исходя из описаний античных авторов, скифские культурные реалии во многом отличаются от того, что было заимство-

вано славянами по лингвистическим данным. Однако именно скифы остаются главными кандидатами на передачу культурного опыта из индоиранского в славянский мир. Хотя безусловно и другое – контакты иранцев с предками славян могли происходить как ранее, так и позднее.

Есть и еще один важный момент, который в связи с интересом к мифам о полесском князе Туре заставляет нас поближе присмотреться к скифским племенам. Дело в том, что некоторые ученые переносят в ряды прочих народов авестийское наименование *туры* в том числе и на скифов [Абаев, 1979, с. 319; Кузьмина, 1977, с. 77].

Аргументы этих исследователей достаточно обоснованны. Дело в том, что название *скифы* закрепилось в истории благодаря грекам: «Эллины же зовут их скифами» [Геродот IV, 6]. Этникон не имеет индоиранских соответствий и считается иноязычным [Абаев, 1965, с. 25]. Самоназвание этого народа остается загадкой. И сам Геродот и другие греческие авторы, говоря о скифах, имеют в виду разные понятия: то собственно господствующую кочевую орду, то этническое сообщество местных близких по языку и культуре иранских народов, то все, подчиненное скифам, население [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 271]. Геродот [Геродот VII, 64, 2] же пишет, что «персы ведь всех скифов зовут саками»¹. Потом такое сопоставление встречается и у других античных авторов². Термин *саки* в обобщающем контексте, включая и скифов, употребляют и многие современные ученые [Оранский, 1979, с. 13–16; Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 392–394, прим. 752].

По дошедшим до нас данным, персидской традиции было известно несколько племен, которые носили имя саков, и в основном они располагались на восток от Персии в Средней Азии, население которой в целом, собственно говоря, и причислялось к потомкам Тура, сына Тразтаоны (Феридуна). Но были и «саки за морем», которое отождествляют с Каспийским морем, а само племя большинство исследователей – со скифами [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 392–394, прим. 752; Оранский, 1979, с. 14]. В результате прослежи-

¹ Буквально перед этим он пишет [Геродот VII, 64, 2]: «Σάκαί δέ οἱ Σκύθαι...», что также указывает на полное отождествление двух племен.

² Страбон цитирует Херилу Самосского «Саки, пасущие агнцев, рождением – скифы» [Страбон VII, III, 9]; у Плиния [Плиний VI, 50]; у Гесихия [Гесихий Алекс. Лексикон, с. 270].

вается линия причисления скифов к потомкам Тура и соответственно к называнию их *турами*. «Авесте» знакомы так называемые туры-дану [«Авеста». Яшт V, 73, 81; XIII, 38]. Их название дословно – «речные» – давно сравнивают с густой сетью иранской гидронимии Северного Причерноморья. Тут, конечно, надо понимать, что сам этноним *туры* всегда относился скорее к мифологической, а не к конкретно-исторической лексике.

В результате В. И. Абаев считал историческую Скифию и Туран иранского эпоса полностью тождественными понятиями [Абаев, 1965, с. 85]. Он прямо утверждал: «...этноним авест. *tura-* ‘скиф’» и выводил название народа от иран. **tura-* ‘быстрый’. Он указывал на эпитет этого народа в «Авесте» *āsuaspa-* ‘быстроконный’ [Абаев, 1979, с. 319]¹. Вполне возможно, что степи Причерноморья действительно отождествлялись с частью Турана для персидской религиозной традиции. И все-таки, вопросов в этой проблеме остается больше, чем ответов на них.

В любом случае все это наряду с мощным иранским языковым и религиозно-мифологическим воздействием на славянский мир заставляет нас серьезно отнестись к рассмотрению возможного скифского влияния на формирование базовых мифологических представлений в сюжете о князе Туре.

Кочевой образ жизни сформировался в степных районах достаточно давно. Во многом этому способствовало приручение лошади и ее широкое использование в хозяйстве. Когда индоиранские племена пришли в движение, именно это помогло им освоить огромные территории Евразии: проникнуть в Среднюю Азию, Индию, Иран, Переднюю Азию и заселить степные пространства от Карпат до Алтая, достигнув территории Китая в долине Хуанхэ [Кузьмина, 1994, с. 241–242].

Этот сложившийся кочевой образ жизни резко отличался от образа жизни и хозяйства жителей лесной полосы к северу от степей Евразии. Ожесточенное противостояние и плодотворное сотрудничество кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев на долгое время предопределило пути развития цивилизации на берегах реки Днепр, связывавшей в Северном Причерноморье оба региона.

¹ Имя еще одного племени, упоминаемого античными авторами, – тисагетов (Θυσσαγῆται, *Thursagetae*) – он интерпретирует как *tura-saka-ia*, где первая основа обозначает ‘быстрые’ [Абаев, 1949, с. 185].

Впервые индоиранские племена в этом регионе выступают на историческую арену из мрака бесписьменной истории благодаря грекам только с V в. до н. э., когда греческие мореплаватели уже достаточно освоили берега Северного Причерноморья.

Именно греки впервые описали степных обитателей. Вначале здесь жили киммерийцы. Это первое название местного индоиранского племени, ставшее известным и нам. А сколько названий проживавших здесь племен мы так никогда и не узнаем. Потом прозвучало и имя нового грозного народа – скифов, которые вытеснили воинственных киммерийцев.

Правда грекам было известно, что это было не первое появление киммерийцев и скифов в поле зрения цивилизованных народов. Еще в VII в. до н. э. сначала киммерийцы, а за ними и скифы несколькими бурными волнами вторглись в богатые страны Передней Азии. Здесь их называли *ишкуза* (*аишкуза*) [Мелюкова, 1989, с. 33]. Северные кочевники принесли с собой навыки ведения войны верхом на коне. Они могли умело пользоваться луками в конной битве, причем их стрелы с усовершенствованными наконечниками, стабилизовавшими полет, отличались значительно большей меткостью. Топот копыт их коней, прозвучавший даже на границах Египта, приводил в трепет народы древних восточных цивилизаций. Кочевники, придя с семьями, даже закрепились в некоторых горных районах Закавказья, сделав их постоянной базой для грабительских набегов на юг. На Ближнем Востоке в то время господствовала могущественная Ассирия, обладавшая на тот момент самой высокоорганизованной и боеспособной армией. Ассирийские солдаты, известные своей жестокостью, наводили ужас на весь Ближний Восток, победоносно дойдя до столицы Египта Мемфиса, до Персидского залива и т. д. Но даже для этой могущественной страны появление северных кочевников стало тяжелым испытанием. Причем кочевники принимали любую сторону в междоусобицах, лишь бы им за это побольше заплатили. Сначала они были союзниками Ассирии, а впоследствии примкнули к антиассирийской коалиции и в 612 г. до н. э. были среди союзников-победителей, разгромивших, разграбивших и стерших с лица земли столицу Ассирии – Ниневию.

Для борьбы с подвижными иранскими всадниками конные армии появляются и в переднеазиатских государствах, причем они используют опыт тех же кочевников, уже освоивших коня под верховую

езду и активно применявших его в военном деле [Кузьмина, 1994, с. 192–193].

Однако в начале VI в. до н. э. дикие северные кочевники пропали так же неожиданно, как и появились. Их конные орды, так и не разгромленные, по тем же кавказским горным проходам вернулись в северопричерноморские степи. Здесь скифы установили собственную политическую гегемонию и подчинили достаточно разноэтничное население, которое им удалось консолидировать и которое вскоре и стало известно античному миру уже под собирательным именем скифов, разделенных на многие племена, сильно отличающиеся друг от друга по описаниям античных авторов. Скифам удалось надолго создать политически стабильную ситуацию в этом регионе. В бескрайних степях выросли насыпанные курганы-могилы могущественных скифских царей. Обнаруженные в XIX в., они потрясли «цивилизованный» мир своей «варварской» роскошью.

Скифы представлялись грекам «образцовыми» варварами. Они жили буквально на колесах, то есть в своих крытых кибитках, постоянно передвигаясь. Носили кожаную одежду и совсем непривычные грекам штаны. А вино пили, не разбавляя его водой, что уж совсем было недопустимо для «цивилизованного» грека¹.

Однако это мнение скоро изменилось. Внимание греков не мог не привлечь поход персидского царя Дария I в скифские степи в 512 или 514 г. до н. э. Поход был связан с попытками расширения политического влияния Персидской империи на Балканском полуострове. Имперские устремления непосредственно касались дальнейшего существования независимых греческих полисов. Последовавший полный разгром могущественной персидской армии привел к желанию узнать как можно больше о скифах. Грек Геродот, написавший «Историю» – повествование о борьбе свободолюбивых греков и могущественнейших на тот момент персов, апогеем которой стал поход персидского царя Ксеркса I в 480 г. до н. э. для покорения всей Эллады – предложил своим любознательным читателям и развернутый рассказ о Скифии. Греки увидели новый образ скифов – бесстрашных и непобедимых воинов. В чем-то этот образ был схож

¹ «...Ну друзья, не будем больше с таким шумом и криком подражать попойке скифской за вином, а будем тихо пить под звуки сладких гимнов» [Анакреонт, с. 298]. «Скиф, конское ржание поставивший выше музыки...» [Схолии к «Илиаде» Гомера, с. 284].

с самими греками – небогатые, но свободолюбивые и отважные скифы благодаря своему патриотизму и готовности к самопожертвованию для Родины разгромили лучшую армию цивилизованного мира, что делало их достойными всяческого уважения со стороны эллинов.

Расцвет скифского могущества относится к IV в. до н. э. В степях Северного Причерноморья произошел ощутимый демографический взрыв, который отмечают археологи по возросшему количеству погребений [Мелюкова, 1989а, с. 35, 51–53]. К этому времени относятся почти все широко известные своей роскошью скифские «царские курганы». Страбон же пишет, что в это время скифский царь Атей правил всеми варварами [Страбон VII, 3, 18]. Действительно, в середине IV в. до н. э. складывается могучее скифское царство Атея, охватившее земли всего Причерноморья. От него зависели или вынуждены были сотрудничать и греческие прибрежные полисы. Один из них даже печатал для царя его монеты [Виноградов, Марченко, Rogov, 1997, с. 97]. Атей проводил активную внешнюю политику, вступив в борьбу с Македонией за влияние на Балканах. Сложно сказать, насколько единым было это государственное образование. Судя по всему, после гибели Атея в его 90 лет во время сражения с македонцами на Балканах в 339 г. до н. э. ему на смену не пришел столь же энергичный предводитель, который бы пользовался таким же влиянием и властью.

Геродот не обошел своим вниманием и северных соседей скифов. Он описал могучий Борисфен (Днепр) и племена, жившие выше по его течению. Эти народы проживали в тесных контактах со скифами, вступая с ними, по рассказу Геродота [Геродот IV, 102, 119], в определенные политические контакты. Например, скифы призывали ряд племен на помощь против армии персидского царя Дария. При этом некоторые из них оказались достаточно независимы, чтобы отказать скифам в военной поддержке [Геродот IV, 119].

Одним из этих племен было племя невров (*Neuroi*), которые проживали в лесах на запад от Борисфена-Днепра¹. Племя описано Геродотом в загадочных красках: «У невров обычаи скифские. За одно поколение до похода Дария им пришлось покинуть свою страну из-за змей. Ибо не только их собственная земля произвела множество

¹ Об истории гипотез относительно предполагаемого расселения невров [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 231–232, 347–349]. Хотя само место расселения невров хорошо описано у самого Геродота.

змей, но еще больше напало их из пустыни внутри страны. Поэтому-то невры вынуждены были покинуть свою страну... Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины по крайней мере утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик. Меня эти рассказы, конечно, не могут убедить; тем не менее так говорят и даже клятвенно утверждают это» [Геродот IV, 105]. В описании больше мифов, чем реальной информации. Однако характерно, что Геродот пишет о скифских обычаях невра, но не приравнивает их к скифам. Это важное свидетельство активного влияния скифской культуры на невра.

Конечно же бросается в глаза оборотничество невра, о котором часто писали [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 349]. Схожие представления об оборотничестве существовали как в близлежащих районах у позднейших славян и балтов, так и в других европейских регионах, например, у германцев. Несмотря на частое цитирование, пока в этом вопросе очень мало конкретных попыток исследования, зато много априорных утверждений о возможной славянской или иной этнической связи атрибуции этого сообщения¹.

Само название племени невра также достаточно таинственно. Прежде всего, тайной окутана их этническая принадлежность. Большинство ученых-лингвистов были всегда готовы согласиться или соглашались с кельтским происхождением названия. Основа **ner-* со значением «сила» действительно очень продуктивна в кельтских регионах [Калыгин, Королев, 1989, с. 103]. Например, кимбрское *per*

¹ До нас дошло очень интересное упоминание о природе страны невра. Клавдий Элиан ссылался на сочинение Аристотеля о животных и дважды упоминал о чудесном животном. «Аристотель говорит, что в стране невра быки имеют рога на плечах» [Клавдий Элиан. О животных V, 27]. И вновь: «Аристотель говорит, что у быков в стране невра рога и уши вырастают из одного и того же места и связаны между собой» [Клавдий Элиан. О животных XVI, 33]. Это описание исследователи сопоставляют с зубром, у которого действительно специфическое положение головы, а мощная холка создает впечатление полного отсутствия шеи [Мельниковская, 1967, с. 173]. Сомневаться в дошедшем свидетельстве сложно, хотя иногда такие высказывания случаются, например, у самого В. В. Латышева. Элиан пишет и об экзотическом животном таранде, при этом точно цитируя Аристотеля [Аристотель. О чудесных слухах 30; Клавдий Элиан. О животных II, 16].

‘герой’, кимбрское и корнуэльское *nerth* ‘мужество, войско’, др.-ирл. *nert* ‘мужество, войско’, бретонское *nerz* ‘сила’, гэльское *Nertobriga*, *Esunertus* от общекельт. **ner-to-*. Причем это далеко не все примеры. Корень встречается и в балтских языках: лит. *nértėti* ‘гневить’, прус. *nertien* ‘гнев’ [Стрижак, 1988, с. 70]. При этом в кельтском мире есть практически полное соответствие названию этого племени – галльское племя невриев (*Nevrii*) проживало на севере современной Франции. Поэтому название племени невров может свидетельствовать о его принадлежности к древнеевропейской общности, где названия племен были достаточно традиционны и нередко «путешествовали» с одного рода или племени на другое.

В середине XX в. археологи исследовали и описали новооткрытую археологическую культуру – милоградскую, получившую свое название по названию городища Милоград (Речицкий р-н), расположенного на омываемом Днепром мысе правого берега. Эта культура охватывала территории белорусского Полесья и Поднепровья, север Украины до реки Рось (приток Днепра) и прилегающую к центральному Поднепровью современную территорию России.

Уже одна из первых исследовательниц милоградской культуры О. Н. Мельниковская сопоставила милоградцев с неврами, основываясь на широком комплексе данных [Мельниковская, 1967, с. 161–188]. Сейчас это мнение уже достаточно устоявшееся [Мелюкова, 1989б, с. 46–47]¹.

Если с этим согласиться, тогда можно считать, что проживавшие в Южной Беларуси племена впервые заняли свое место на страницах исторических сочинений, и нам известно их первое название. К сожалению, мы крайне мало знаем о неврах от Геродота и практически ничего от других античных авторов. Хотя впоследствии многие из них и вписывали название невров в списки племен, населявших Северное Причерноморье, мы не уверены, что это не происходило скорее традиционно. Мы знаем, что этническая ситуация в регионе в корне изменилась. Очевидно, что античные авторы не дают нам нужной информации для определения времени, когда негры исчезли с исторической арены. Поэтому так важны для нас археологические

¹ Правда, сохраняется и скептическое отношение к подобному отождествлению милоградцев и невров [Gardawski, Woźniak, 1979, с. 39]. По-прежнему милоградцев относят к балтам В. В. Седов [Седов, 2002, с. 126].

данные о милоградской культуре, что может восполнить этот пробел в наших знаниях.

Хронологические рамки ее существования определяют по-разному. Особенно колеблется дата ее возникновения. С. Е. Рассадин относит время ее возникновения к IX в. до н. э., Л. Д. Поболь – к VIII, а О. Н. Мельниковская – к VI [Рассадин, 1999, с. 70–73]. Разные мнения высказываются и относительно времени ее окончательного исчезновения. Наиболее часто называемой датой является на сегодняшний день III в. до н.э.

Милоградцы были земледельцами. Они приступили к строительству обширных городищ. Вначале их городища были неукрепленными, но вскоре укрепления стали обычным явлением. Милоградцы разработали основные приемы для создания системы обороны городищ в нашем регионе, которые потом были восприняты их преемниками [Егорейченко, 1996, с. 20]. Для городищ выбирали определенные удобные для обороны места. Укрепления милоградцы создавали на равнинном участке, зато выбирали местность с естественными препятствиями, что затрудняло доступ. При этом обязательным условием было наличие хорошего кругового обзора, дававшего возможность заранее обнаружить врага и подготовиться к отпору. Городища окружали валом или даже системой валов [Егорейченко, 1996, с. 65].

Милоградцы сделали большой шаг вперед в общественном развитии. Может быть впервые на наших землях можно говорить об осязаемом социальном расслоении. У милоградцев находят украшения уже не только из бронзы, меди или железа. У них впервые появляются серебряные и даже золотые украшения [Мельниковская, 1967, с. 75, 76].

Однако это социальное расслоение носило еще зачаточный характер и не проникло глубоко в духовную культуру общества. Например, погребения милоградцев не различаются по богатству инвентаря, отправленного с покойником в иной мир [Мельниковская, 1967, с. 147]. Это свидетельствует, что в религиозной сфере не сформировались идеи о различиях загробного существования в зависимости от прижизненного статуса покойного.

Натиск беспокойных степных соседей-кочевников стал ощущаться уже в VI в. до н. э., когда скифы, вскоре после своего возвращения из переднеазиатских походов, заинтересовались районами лесостепи, где проживали милоградцы [Мельниковская, 1967, с. 168].

Влияние скифов было явственно ощутимо на протяжении всего периода существования милоградской культуры. Располагаясь на границе с лесостепью в Восточной Европе, они оказались достаточно близкими соседями южнобелорусских земель. Мир индоиранских племен в IV в. до н. э. в момент своего наибольшего могущества стоял практически на южных границах Припятского Полесья. Достаточно сказать, что самое северное скифское поселение в этом районе около деревни Ладыжичи располагалось всего в нескольких километрах от южной границы современной Беларуси [Рассадзін, 1992, с. 66].

Пока наиболее надежным показателем культурных влияний являются, безусловно, материальные находки. На милоградских городищах найдено много наконечников стрел и железных серпов скифских типов. Найдки скифских стрел показывают, что их приток был особенно силен в два периода: вначале в VII–V вв. до н. э., потом в IV–III вв. до н. э. [Рассадзін, 1992, с. 69; Рассадин, 1991, с. 13]. Второй этап совпадает с новым взлетом могущества скифов в IV в. до н. э. в степях Северного Причерноморья.

Из Асаревичей происходит уникальная находка для Припятского Полесья – скифский меч-акинак [Мельниковская, 1967, с. 155]. Явное скифское влияние испытала милоградская одежда [Дучыц, 1997, с. 100].

Косвенно о связях со степью и о скифском воздействии может говорить то, что милоградцы разводили лошадей и активно использовали их. На тот момент именно в местах поселений милоградцев находят самый большой процент костей лошадей в сравнении со всем близлежащим лесным регионом. Конь играл и заметную роль в религиозной жизни – глиняные фигурки коней являются частой находкой у милоградцев [Мельниковская, 1967, с. 136, 137, 149].

По мнению некоторых ученых, в одном из милоградских погребений обнаружены остатки уздечной цепи [Мельниковская, 1967, с. 73], в данном случае это первый предмет конского снаряжения, найденный на Беларуси, хотя все-таки вопрос об использовании лошадей милоградцами – было ли это разведение для использования в пищу или же их разводили в хозяйственных нуждах – остается открытым [Лашанкоў, 1999, с. 56–57].

Вопросу о связях белорусских земель со степным миром и скифами посвящены две обобщающие статьи белорусского археолога С. Е. Рассадина [Рассадзін, 1992; Рассадин, 1991]. Он поставил задачу

выделить круг собственно скифских находок в милоградском регионе. К безусловно скифским по происхождению вещам в период с VIII по III вв. до н. э. он отнес наконечники скифских стрел из бронзы, железа или кости, которые сильно отличаются от подобных образцов местного производства; единственную находку искусства звериного стиля на территории Беларуси из-под деревни Юрковичи на р. Сож – колчанную застежку с крючком в виде головы кабана; несколько клиноподобных топоров; из украшений только гвоздеподобные булавки и, может быть, еще серьги [Рассадзин, 1992, с. 69–72; Рассадин, 1991, с. 13–15]. Совершенно особняком стоит находка под Речицей пары бронзовых зеркал, которые были произведены, судя по всему, мастерами тагарской археологической культуры в VII–VI вв. до н. э., распространенной в степях на юге Западной Сибири [Рассадзин, 1992, с. 73; Рассадин, 1991, с. 15]. Таким образом, оказывается, что собственно скифские находки совсем немногочисленны. И распространены они на современных белорусских землях только в Приднепровье до устья Березины и на Припяти от устья Стири до устья Ствиги [Рассадин, 1991, с. 15]. В основном же у милоградцев встречаются подражания скифским изделиям.

Однако не стоит представлять картину взаимоотношений милоградской и скифской культур как процесс односторонних заимствований. Отношения, судя по всему, были более сложными и можно предполагать некоторое обратное влияние.

Само скифское влияние в милоградском регионе представляется бесспорным, однако встает вопрос о форме взаимоотношений между ними. Стало уже достаточно привычным связывать его с расширением политического воздействия скифского племенного союза на северные территории. Тогда северные племена могли быть подчинены или выступать в роли союзников скифов. В этом случае понятно и активное перенимание культурных достижений от народа с более развитыми ее формами и социальными институтами.

Но есть и другое мнение. Далеко не все считают, что контакты племен Южной Беларуси со скифами были столь мирными и благотворными. Наконечники стрел, большинство из которых находят в культурном слое поселений, а не в погребениях, по их мнению, свидетельствуют скорее о скифских набегах на север и упорных стычках с ними местных жителей. Они полагают, что скифское культурное влияние распространялось скорее по рекам к востоку от земель современной Беларуси в обход, прежде всего по Десне на современ-

ную Смоленщину и уже оттуда скифский импорт иногда попадал в Припятское Полесье [Мядзведзеў, 1997, с. 22–23]. А. М. Медведев считает поспешными и утверждения о культурном влиянии скифов, например, даже находки булавок могут отражать лишь военные столкновения – такие вещи могли попадать как военная добыча. Важным аргументом служит отсутствие на землях милоградских племен скифского импорта в виде сырья цветных металлов [Мядзведзеў, 1997, с. 22]. Местное население так и не восприняло от скифов их навыки изготовления высококачественного железа для мечей [Егарэйчанка, 1999, с. 258–259]. Это может свидетельствовать, что отношения были очень натянутыми – скифы не делились «стратегическими» военными секретами, которые могли повысить военное могущество северных соседей.

Получается, что скифское культурное влияние распространялось на милоградцев отнюдь не благодаря теплым отношениям. Вряд ли можно тогда говорить и о твердой скифской власти у них. Собственно намеком на такие натянутые отношения является и указание Геродота, что невры и ряд других племен отказали скифам в военной помощи [Геродот IV, 119]. Правда, вступить в сражение со скифами, которые под напором персов появились в их земле, невры не решились и бежали в северные «пустыни» [Геродот IV, 125].

И все-таки милоградская археологическая культура принадлежит к кругу скифского влияния, даже если признать враждебность взаимоотношений самих этносов. Более того, скифское влияние для территории современной Беларуси, по крайней мере, по предметам материальной культуры прослеживается только у милоградских племен. Остальные культуры не имели никаких прямых контактов со скифами [Мядзведзеў, 1997, с. 22]. Да и связи милоградцев с севером и востоком тоже были очень слабые [Мельниковская, 1967, с. 157], присутствует явное различие в способах обработки металла на юге и севере Беларуси в милоградский период [Лошенков, Барцева, 1995, с. 100].

С середины IV в. до н. э. на востоке причерноморских степей наметились изменения, которые со временем привели к глобальной смене обстановки во всем регионе. Появился новый претендент на роль политического лидера – племена сарматов, проживавшие ранее к востоку от скифов в междуречье Дона и Волги.

Правда последовательно проследить процесс сарматского вторжения по археологическим данным достаточно сложно. Перед нами

вопрос проблематичности археологической фиксации движения кочевников, не имевших постоянных поселений. Причем в отношении сарматов сейчас можно точно сказать, что это не было одномоментное расселение. Вначале шли вторжения кочевых орд, которые уничтожали все на своем пути, но затем на время отступали в родные степи на перегруппировку. Но так как эффективное противодействие и оборона в эти периоды затишья по каким-то причинам не были налажены и сопротивления они уже не встречали, то прежнее население начинало покидать насиженные места, и в образовавшихся пограничных незаселенных полосах расселялись новые пришельцы. Поэтому процесс завоевания растянулся надолго, и, кроме того, повторимся, его трудно охватить археологически.

По последним археологическим данным скифские поселения около Дона на восточном конце их расселения были разгромлены еще во второй половине IV в. до н. э. [Виноградов, Марченко, Rogov, 1997, с. 96–97], и только во второй четверти II в. до н. э. здесь фиксируется сарматское расселение на запад от Дона. В политическом плане в III – начале II в. до н. э. сарматы безраздельно господствовали в степном Причерноморье [Мачинский, 1974, с. 122]. Контроль осуществлялся, вероятнее всего, набегами через пограничную полосу выжженной земли. Последние скифские поселения в лесостепи исчезли к концу III в. до н. э. [Каспарова, 1981, с. 63]. Важнейшим признаком поражения скифов стало мгновенное исчезновение у них пышных царских погребений. В конце II – начале I в. до н. э. политическое влияние сарматов распространялось в Нижнем Поднепровье вплоть до Ольвии [Симоненко, Лобай, 1991, с. 78–79; Виноградов, Марченко, Rogov, 1997, с. 94–95]. В самом начале I в. н. э. сарматы уже заселили степи днепровского правобережья, давно контролируемые своими набегами, дойдя вплоть до Дуная [Симоненко, Лобай, 1991, с. 81–83].

«Они же (сарматы. – А. П.) возвысившись... опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя покоренных во время войны, превратили большую часть страны в пустыню» [Диодор Сицил. II, 43, 7]. Сейчас большинство ученых считает, что заявление Диодора Сицилийского сильно преувеличено [Дашевская, 1989, с. 123; Симоненко, Лобай, 1991, с. 81]. Его не подтверждают археологические свидетельства. Но как бы ни развивались события, безусловно одно: скифы потеряли политическое лидерство в причерноморских степях.

Связи сарматов, которые стояли не на таком высоком уровне социального и экономического развития как скифы, с местными соседними племенами и эллинскими городами на побережье оказались гораздо слабее, чем у скифов. В целом это способствовало на некоторое время замиранию торговли и внешних контактов в регионе. Это одна из главных причин, по которой культурное влияние сарматов не стало определяющим. Сарматы были политическими гегемонами, но под вопрос ставится их культурное лидерство.

Однако давно налаженные и устоявшиеся торговые и культурные связи вновь возродились. Вновь греческие товары находят дорогу на Припять, хотя, видимо, с большим трудом. А через некоторое время, когда сарматы закрепились в регионе, настает новое оживление.

Глава 5

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ГРЕКИ И ТАВРЫ

Кроме тесных связей со скифской культурой земли белорусского Полесья в железном веке поддерживали торговые отношения с греческими городами-колониями на берегах Черного моря.

Греки не были коренным населением Северного Причерноморья, они населяли территорию Балканского полуострова и Малой Азии. Здесь их города-полисы, являвшиеся небольшими независимыми государствами, в VIII в. до н. э. начали бурно развиваться. В результате быстрого экономического подъема резко выросло население. Но в Греции количество плодородных земель ограничено, что вело к естественному ограничению населения. В результате началась Великая греческая колонизация (VIII–VI вв. до н. э.). Полисы выводили *апоикли* (греч. 'отселение'), для которых мы используем римское название – колонии. Излишки населения покидали родной город и отплывали в дальние плодородные земли: на юг Апеннинского полуострова, в Северную Африку, в Причерноморье.

Черное море греки начали осваивать в VII в. до н. э., и буквально за столетие его берега покрылись греческими поселениями: Византий на берегах соединяющего Средиземное и Черное моря пролива (впоследствии Константинополь, совр. Стамбул), Месемврия на острове у подножия Родопских гор (совр. Несебр), Одесс (совр. Варна)¹, Тира

¹ Не стоит удивляться схожести с названием на побережье современной Украины. Когда Северное Причерноморье вошло в состав Российской империи в XVIII в., новым возникающим городам решено было дать греческие названия. И тут произошла путаница, так как не всегда точно были известны местоположения городов. Сравните, например, греческий Одесс на территории современной Болгарии и украинский город Одессу, греческий Херсонес в Крыму и город Херсон в устье Днепра и т. д.

(совр. Белгород-Днестровский) в устье реки Тирас (совр. Днестр), Ольвия в устье реки Гипанис (совр. Южный Буг) и поблизости от устья Борисфена (совр. Днепр), Херсонес на юго-западной оконечности Крымского полуострова около современного Севастополя, Феодосия на южном побережье Крыма, Пантикапей на крайней восточной оконечности этого полуострова (совр. Керчь), Танаис в устье реки Танаис (совр. Дон), Питиунт на восточном берегу Черного моря (совр. Пицунда) и т. д. Даже из этого краткого описания заметно, что эти колонии заняли стратегические позиции, как с точки зрения военных потребностей, так и с точки зрения торговых возможностей.

Удаленным от родной страны на тысячи километров, греческим поселенцам приходилось вести очень осторожную политику в отношении многочисленных местных племен варваров, которые зачастую были сильны и воинственны. От их враждебности или расположения зависел и успех торговли. Греки прилагали много усилий, чтобы наладить мирные отношения с местным населением. Удавалось это не всегда. Периоды мира сменялись яростными стычками, особенно на первых порах. Постепенно варвары осознавали пользу сотрудничества, но все равно, греческая ойкумена Северного Причерноморья была очень хрупкой и над ней всегда висела угроза разгрома.

Мы уже упоминали о достаточно активной торговле, которую греки наладили в том числе и с землями современной Южной Беларуси. Эта торговля шла по реке Днепр, которая на долгое время стала связующей артерией двух столь непохожих миров – античного средиземноморского и лесного восточноевропейского.

Надо отдать должное предприимчивости греческих торговцев, так как подобная торговля была достаточно опасным предприятием. Около современного села Песчаное неподалеку от Киева в торфянике нашли остатки небольшой лодки, груженной бронзовой греческой посудой V в. до н. э. [Рассадзин, 1996, с. 51]. На таких небольших суденышках торговцы предпринимали далекие путешествия протяженностью около тысячи километров. В пути их ждало часто враждебное диковатое население и множество естественных препятствий. Но выгоды торговли были очень велики – греки привозили множество необходимых им товаров.

Почти исчерпывающе эту торговлю охарактеризовал греческий историк Полибий: «Так, прилегающие к Понту страны доставляют нам из предметов необходимости скот и огромное множество рабов, бесспорно превосходнейших; из предметов роскоши они же нам

доставляют в изобилии мед, воск и соленую рыбу. От избытка наших стран те народы получают оливковое масло и всякого рода вино; хлебом они обмениваются с нами, то доставляя его нам, когда нужно, то получая от нас» [Полибий IV, 38, 4–5].

Этой взаимовыгодной торговле не смогли помешать даже различные политические катаклизмы в степной части Северного Причерноморья. Обоюдный интерес вновь и вновь вел к установлению торговых связей через опасные степные пространства¹.

Установившиеся торговые связи способствовали распространению культурного влияния с юга на север. Причем это не было исключительно греческое влияние, скорее это был сплав культур многих народов. Ведь многие этнические культуры Балкан и Ближнего Востока так долго сосуществовали друг с другом, что сложно бывает отделить этническую принадлежность или выделить первый импульс того или иного культурного явления. Такие вопросы практически всегда вызывают бурные споры в научной среде.

Может быть одним из самых своеобразных племен, которое греки застали на берегах Черного моря, были тавры (греч. *ταυροι*, лат. *tauri*). Этимология названия этого племени совершенно прозрачна и связана с греч. *ταῦρος* 'бык'. Название заставляет нас внимательнее приглядеться к этому уникальному племени Северного Причерноморья.

Тавры были единственным племенем, которое обосновалось в необычной для этого практически полностью степного региона местности – их родиной были горы Крымского полуострова. Почти все поселения тавров располагались высоко в горах. Две крайние современные точки, ограничивающие район их прежнего расселения – Севастополь и Феодосия на морском побережье. По имени их племени весь Крымский полуостров получил название – Таврика (*Ταυρικὴ*), что потом преобразовалось в русское Таврида.

Насколько хватало знаний грекам, тавры проживали здесь испокон веков. Действительно, племя тавров было поистине долгожителем в горах Крымского полуострова – археологи фиксируют их проживание здесь с X–IX вв. до н. э. и до III в. н. э. [Щепинский, 1977, с. 30; Крис, 1989].

¹ Впоследствии в X в. н. э. торговлю по Днепру ярко и в подробностях описал византийский император Константин Багрянородный [Константин Багрянородный 9]. Вряд ли сама система и организация кардинально изменилась с древности.

Античные авторы не донесли до нас никаких свидетельств об их происхождении, ранней истории или переселениях. Живя в непосредственной близости от греческой колонии Херсонеса на протяжении нескольких столетий, тавры постепенно налаживали отношения с высадившимися в Крыму греками. Археологи почти не находят греческих вещей в таврских горах [Соломонік, 1976, с. 49]. Это объясняется несколькими факторами. Во-первых, труднодоступностью мест проживания тавров, отсутствием устойчивых путей сообщения с их страной. Во-вторых, горное племя стояло на достаточно низком уровне социального развития и заинтересованность в предметах роскоши была ограниченной. Наконец, бедный природными ресурсами регион не вызывал торгового интереса и у самих греков [Тюменев, 1949, с. 81]. Все эти факторы способствовали консервации таврского сообщества, когда они долгое время сохраняли собственную идентичность. Они же предопределили непростые отношения с Херсонесом. О более или менее стабильных взаимовыгодных отношениях и практическом союзе можно говорить только ближе к римскому времени [Тюменев, 1949, с. 84–85].

Тавры наблюдали приход и исчезновение в этих местах воинственных киммерийцев, скифов, сарматов и пережили их всех! Более того, терпя военные поражения, остатки этих народов находили себе убежище именно в горах у тавров. Археология свидетельствует, что именно сюда отступили остатки уже разбитых киммерийцев. В какой-то момент под напором новых волн вторжений скифы, уйдя в Крым, слились с таврами, и античные авторы начали упоминать тавроскифов или скифотавров [Стрижак, 1988, с. 175]. Но при всех обстоятельствах этническая стабильность этого племени просто поражает. Даже еще в IV–VI вв. н. э., когда тавры уже безусловно исчезли как политическое и этническое единство, в похоронных ритуалах горного Крыма сохранялись многие их традиции [Пятъшьева, 1967, с. 183].

Греки и римляне так привыкли к их существованию здесь, что даже когда тавры растворились в водовороте новых волн пришельцев, античные и византийские историки продолжали искать тавров на этнической карте Причерноморья. Значительно позднее византийцы даже киевские рати иногда называли таврами или тавроскифами, как, впрочем, и скифами [Лев Диакон. История IX, 6, 10; Бибииков, 1984, с. 31]. Может быть на это влияли указания некоторых византийских авторов, что народ *рос* живет у Северного Тавра [Мавродин, 1945, с. 205]. Росов обвиняли византийские авторы и в «древнем

таврическом избиении, у них сохраняющем силу» [Бибиков, 2000, с. 91; Мавродин, 1945, с. 205].

Даже несмотря на успехи археологов, вокруг тавров сохраняется по сей день очень много загадок. До сих пор мы знаем о таврах очень немного, и определяющими в своей основе остаются рассказы античных авторов, которые мы только дополняем в некоторых деталях. А античные авторы очень скупы на информацию.

Тавры привлекали постоянное внимание греческого мира, но связано это было практически только с одним – поражавшими жуткими обычаями. «У тавров существуют такие обычаи: они приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море, следующим образом. Сначала они поражают обреченных дубиной по голове. Затем тело жертвы, по словам одних, сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибавляют к столбу. Другие, соглашаясь, впрочем, относительно головы, утверждают, что тело тавры не сбрасывают со скалы, а предают земле. С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома. Живут тавры разбоем и войной» [Геродот IV, 103]. И это практически все, что Геродот сообщает о таврах, за исключением еще места их проживания [Геродот IV, 99]. Как это ни странно, последующие авторы практически ничего не добавляют к описанию тавров, фактически повторяя Геродота. Судя по всему, религиозные традиции тавров также мало менялись. Поэтому часто происхождение человеческих жертвоприношений античный мир так или иначе связывал с таврами [Тиберий Италик. Пунич. война IV, 765–769, с. 318]¹. В остальном же мы практически не имеем о таврах никаких подробностей из античных источников. Жили они в горах достаточно замкнуто и, если мы доверимся античным историкам, немногие чужеземцы могли приоткрыть завесу внутренней

¹ Обвинения варваров в дикости и отсталости, приписывании ужасных и антигуманных обычаев достаточно характерно для многих античных авторов. Однако надо помнить, что варвары не всегда стояли на таком уж низком уровне развития. К примеру, Ифигению приносили в жертву сами греки. Скорее их поражал отличающийся образ жизни, вызывавший неприятие у «цивилизованных» греков.

жизни этих обитателей гор. Облако тайны продолжает окутывать это племя, и над ним до сих пор витает ореол загадочности.

Одной из фундаментальных загадок тавров является проблема их этнического происхождения. Античные историки не называют ни одного родственного таврам народа. Мы практически не знаем языка тавров и только по отдельным дошедшим словам пытаемся восстановить их лингвистическое родство. И тут действительно лингвисты часто высказывают совершенно различные мнения. Тавров причисляли к кавказской группе народов, к киммерийцам¹, к сохранившимся в Северном Причерноморье в историческое время реликтам еще древнего индоиранского населения [Трубачев, 1999]. Есть предположения даже о кельтском происхождении племени тавров [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 171; Cherpillood, 1986, p. 452], и тогда даже название Крыма выводят из кельтских языков [Супераньска, 1971, с. 35]. Вывод можно сделать один – проблема очень далека от своего разрешения.

Еще одной загадкой тавров является само их название. Нам в принципе неизвестно, почему греки так называли это племя. Ведь обычно словоохотливые в отношении объяснений названий заметных племен античные авторы в данном случае не дают нам никаких сведений. Впрочем, возможно, для греков эти объяснения были не нужны, может быть потому, что для них все и так было ясно из объяснений мифов.

Мы уже отмечали полную этимологическую прозрачность происхождения названия от греч. *ταῦρος* ‘бык’. В тесной взаимосвязи названия племени с этим корнем не сомневались эллины, не сомневаются и современные исследователи. Однако при этом совершенно неясно, почему появилось такое название. До сих пор актуально звучит мнение российского ученого М. И. Ростовцева, высказанное еще в начале прошлого века, что мы так и не знаем, как тавры называли сами себя [Пятьшева, 1947, с. 218].

Сейчас ученые почти единодушно признают, что название *тавры* родилось в греческой культурной среде или было грецизировано [Трубачев, 1999а, с. 83].

Существует несколько возможных подходов к его объяснению. Первая возможность самая прямая, но и самая гипотетичная. Это

¹ Сводку идей см.: [Трубачев, 1999, с. 301–302].

название племени по имени первопредка. Такая традиция существовала в Причерноморье. Так, например, название племени скифов происходило по одному из записанных греками этногенетических мифов от имени Скифа, прародителя скифских царей и вполне возможного первопредка всего народа, так как якобы все скифы после него носили чашу на поясе [Геродот IV, 10; Диодор Сицил. II, 43]. При этом почитание обожествляемого прародителя являлось одним из важнейших культов в скифском обществе [Бессонова, 1983, с. 52].

Тогда можно допустить, что и имена других племен в данном регионе также могли связываться с эпонимическими традициями. Так и тавры могли называться по имени прародителя. При этом остается проблема этимологии имени такого гипотетического прародителя. Имя Таврей (*Ταυρέων, Ταυρέα*) зафиксировано эпиграфикой на Кавказском побережье в нескольких надписях [Стрижак, 1988, с. 174]. Но скорее всего данное имя могло происходить именно от этнонима «тавр». Другое дело, что в любом случае эпонимическая гипотеза остается крайне шаткой, так как античные авторы не знают этнонима тавров. Поэтому такая идея даже не высказана, насколько известно, в научной среде.

Второе предположение дает возможность выводить название племени из названия собственно быка. При этом возникает несколько вариантов: это греческое название для племени, которое по какой-то причине олицетворялось для греков с быком, или это греческий перевод самоназвания племени¹.

О том, что греки отождествляли название племени с быками, однозначно говорит отрывок из Диодора Сицилийского в его достаточно позднем рассказе о храме колхов, где хранилось золотое руно. По его мнению, его охраняла стража из уроженцев Тавриды, «о которых среди эллинов рассказывали страшные сказки. Так, молва гласила, что святилище окружали огнедышащие быки (*Ταυροί*)». Далее Диодор объясняет, что это не прямое значение: «само слово *тавры* стали употреблять в переносном смысле, называя так могучих быков, огнедышащими же миф называет их из-за свирепости, с которой они убивали чужеземцев» [Диодор Сицил. IV, 47, 2–3].

Существует и другое позднее мифологическое предание: «Говорят, что там Осирис, запрягши быков, вспахал землю, и от этой-

¹ Сводка мнений: [Соломоник, 1976, с. 46–47].

то пары быков (*ταύρου*) получил имя народ» [Стефан Визант. Описание, с. 326–327]. Это обособленное сообщение мы находим у позднего автора V в. н. э. географа Стефана Византийского, который использовал некоторые недошедшие до нас источники, по крайней мере, многие его сведения неизвестны по другим свидетельствам. Но к этому моменту самого племени тавров уже не существовало.

Его сообщение повторяет митрополит фессалоникский Евстафий (вторая половина XII в. н. э.): «племя же тавров получило название, говорят, от животного – вола, так как там Озирис, запрягши волов, пахал землю» [Евстафий. Комм. к «Землеописанию» Дионисия, с. 247]. Он же считает, что и имя Артемиды Таврополы пошло от этих тавров.

Скорее всего, этот миф возник уже в эллинистическое время, когда в Причерноморье также, как и в других уголках эллинистического мира, распространились египетские культы и, в частности, культ Озириса¹. Безусловно, миф в этой интерпретации является поздним произведением, кроме того связанным с инокультурной традицией. Однако априорно отрицать возможность древнего автохтонного происхождения каких-то частей мифа представляется поспешным. Мифологический сюжет священной ритуальной пахоты царя был известен в индоиранской традиции.

Третий подход сейчас является самым популярным. Он выводит происхождение названия племени собственно из греческого языка из якобы греческого названия гор в Крыму – Тавр. В последнее время такую интерпретацию взаимосвязи названия племени и названия Крымских гор предложил украинский ученый Е. И. Соломоник [Соломоник, 1976]. В результате названию племени приобретает значение «горные». Его концепцию в целом поддержали [Крис, 1989, с. 80]. Но есть одна сложность, которая известна и самому автору [Соломоник, 1976, с. 48]: античные источники не засвидетельствовали название гор Крыма, и мы точно не знаем их имя собственное у греков. Судя по всему, первым применил название Тавр к крымским горам в первой половине II в. н. э. Дионисий Перизетт [Дионисий Перизетт. Описание 142–168, с. 238; Евстафий. Комм. к «Землеописанию»

¹ Под Минском, на территории культуры штрихованной керамики обнаружена египетская бусина из голубого фаянса с изображением крылатого божества [Дучыц, 1997, с. 100].

Дионисия 163, с. 245; Схолии к «Землеописанию» Дионисия, с. 258]. Причем один из комментаторов Дионисия, все тот же средневековый митрополит Фессалоники Евстафий, может считаться и родоначальником теории о происхождении названия племени от гор¹: «Живущие здесь скифы называются тавроскифами от тамошней горы Тавра» [Евстафий. Комм. к «Землеописанию» Дионисия 163, с. 245]. Название же Скифский Тавр (*Scythicum Taurum*), который охватывает всю Меотиду, встречается еще позже – у Иордана в VI в. н. э. [Иордан. О происхождении гетов 30]. Зато встречаемое греческое название гор в Крыму – *Ταυρικά ὄρη* [Геродот IV, 3] пошло от названия полуострова². Это дало возможность А. Н. Анфертьеву предположить совершенно иное развитие событий – возвести название к этнониму *тавры* [Анфертьев, 1994, с. 161–169].

Поэтому данная концепция представляется не менее шаткой, чем предыдущие. Все многочисленные античные периплы³ и географические описания относительно неплохо известного грекам после тысячи лет проживания региона ни разу не упоминают такое название. Достаточно странно выводить неясное название племени из неизвестного и крайне гипотетичного названия гор. Ведь вполне можно высказать и противоположное мнение, что название этих гор пошло от названия племени и название малоазиатского Тавра своим прецедентом лишь сильно этому способствовало. Это тем более вероятно, что от названия племени пошло название полуострова. То есть тогда мы опять-таки практически ничего не знаем, кроме названия племени. Круг вновь замыкается.

К тому же, представляя свою гипотезу, Е. И. Соломоник почему-то считает невозможным говорить о культе быка у тавров, не приводя никаких аргументов [Соломоник, 1976, с. 47]. Как мы покажем ниже, это совсем не так.

В греческом мире действительно существовал обычай называть многие горные объекты и, как мы постараемся показать, не только горные от основы *taur-*, что также небезынтересно для наших после-

¹ Кстати, он выдвигал и другую теорию, противореча самому себе.

² О. Н. Трубаев предложил реконструкцию таврского названия этой горной гряды **Salā* [Трубаев, 1999а, с. 83–88].

³ Периплы – специальные географические описания морских берегов, выполненные из практических necessities в помощь мореплавателям.

дующих выводов. Тем более, что такие примеры распространены от Аравии вплоть до Испании как результат греческого присутствия здесь в историческое время.

В доказательство концепции Е. И. Соломоник привел примеры нескольких названий. Например, название одной из гор западнее Балаклавы – Таврос, зафиксированное еще в 1940 г. Представляется, что данный пример не может привлекаться для реконструкции древнего греческого названия гор в Крыму. Показывается парадигма такого способа называния в греческой культуре, так как сведения получены, судя по фамилии, из уст человека греческого происхождения, проживавшего в Крыму. Но она вполне может быть поздней. Далее Е. И. Соломоник указывает на племя лигуров-тауринов и Таврских гор в районе их проживания по соседству с греческой колонией Массалия, гору Тавр и город Тавромений у ее подножия на Сицилии [Соломоник, 1976, с. 47, 50]. При этом автор выводит саму основу *taur-* в полном соответствии с лингвистической традицией из восточных семитских языков, считая, что греки попросту грецизировали корень [Соломоник, 1976, с. 47]. Вопросы о восточном заимствовании мы еще коснемся. Но уже сейчас можно сказать, что автор привел далеко не все греческие, не говоря уже об индоевропейских параллелях, и более широкий контекст не подтверждает однозначное соотношение исключительно названия племени и названия гор. Например, его никак не подтверждает уже рассмотренный иранский пример.

Учитывая это, попытаемся расширить сводку, хотя и она также не будет, конечно же, исчерпывающей, но, надеюсь, даст возможность глубже проникнуть в саму греческую традицию.

Давно замечено, что названия с основой *taur-* охватывают все Средиземноморье с востока на запад. Причем очень часто это именно названия возвышенностей [Супераньска, 1971, с. 37]. Собственно практически на этом наблюдении и базируется представленная выше концепция. Для типологической перспективы следует внимательнее приглядеться к таким средиземноморским топонимам.

Пожалуй, самым известным для греков названием, связанным с именем быка, были и остаются знаменитые горы Тавр (греч. *Tavros*, лат. *Taurus*) в Малой Азии. Долгое время это были самые высокие и обширные из известных грекам гор. Именно так их описывает Страбон, как высочайшие в Малой Азии [Страбон I, II, 10]. Поэтому греческие географы всегда придавали этим горам важное значение в

своих географических концепциях о земной поверхности. Эратосфен считал, что горы Тавра тянутся до Индии и делят всю Азию на две части [Страбон II, I, 1], к чему собственно присоединяется и Страбон [Страбон II, I, 79; II, V, 31], который подчеркивал, что греки называют здешние страны «по эту сторону» или «по ту сторону» Тавра [Страбон II, V, 31; XI, I, 1]. Для одного из отрогов, ставшего известным грекам позднее, было придумано искусственное название Антитавр [Страбон XI, XII, 4], что означает «напротив Тавра». Другие горные системы связанные с Тавром, получили у греков схожие названия – Тавр Киликийский [Страбон XII, I, 1], Тавр Писидийский [Страбон XII, IV, 10].

Другое дело, что не совсем ясно, как в самом греческом языке появилось название Тавр. Это отдельная проблема, о которой речь пойдет ниже. Как бы не решался вопрос о названии малоазиатского Тавра и его крымского «собрата», безусловно то, что греки могли соотносить подобные названия с семантикой быка. Сравните замечание Страбона при описании Аравии: «Дальше идут Тавры (*Ταῦροι*) – две горы, издали имеющие очертания, похожие на этих животных» [Страбон XVI, IV, 7].

Иногда появляются утверждения, что именно в честь малоазиатского Тавра такие же названия получили и другие горные системы в разных частях Европы, где побывали греки [Крис, 1989, с. 80].

Действительно, греки называли Тавром многие горы. Греки-масилиоты построили укрепления на границе с лигурами, саллиями и кельтами, и одно из них называли Тавроентий (*Tauroention*) [Страбон IV, I, 5, 9] – впоследствии галло-римское поселение Тауроент (*Tauro-entum*) (совр. Сен-Сир де Прованс) [Moreau, 1972, с. 364]. На Сицилии, которую греки считали частью Великой Греции, среди первых греческих поселений был и город Тавромений (*Ταυρομένιον*) [Страбон VI, II, 1–3], причем Страбон замечает, что первые греческие поселенцы опасались пиратства этрусков, из чего можно сделать вывод, что выбирались укрепленные места¹. Город Тавромений располагался у подножия горы Тавр [Соломоник, 1976, с. 47]. Имя Тавр (*Ταῦρος*) но-

¹ Интересно, что по описанию Страбона именно сюда течение выносило вещи и остатки кораблей, попавших в страшный водоворот в проливе между Сицилией и Италией – Харибду [Страбон VI, II, 3]. Поэтому этот городок имел и другое, не слишком приятное название Коприя – «навозная куча».

сила в период эллинизма крепость около Иерусалима в горном проходе, ставшая гнездом разбойников [Страбон XVI, II, 40].

Но для полноты картины надо привести и другие примеры с основой *taur-*, не связанные с горами и вершинами. В Памфилии, в той же самой Малой Азии, протекала река Тавр [Ливий XXXVIII, 15, 7]. Можно было бы предположить, что название перекочевало от названия гор. Но что тогда делать с озером Тавр на границе земли лигуров [Авиен Руф. Описание 610–611, с. 236]. А к чему отнести город Тавр (*Ταύρος*) в горах малоазиатского Тавра у истоков реки Кидн [Страбон XIV, V, 10]? Изредка в Греции встречаются и личные имена – лакедемонянин Тавр (*Ταῦρος*) [Фукидид IV, 119, 2]; Тавриск, брат знаменитого писателя Аполлония Родосского.

Представляется, что стоит отказаться от прямолинейного утверждения, что название Тавр у греков носили исключительно возвышенности. Основа *taur-* была использована также в названиях озер, рек, населенных пунктов и, хоть изредка, но и в именах людей. При этом, конечно, нельзя забывать, что все эти названия напрямую связаны с названием животного. Значит были какие-то другие причины называть эти объекты Тавром, кроме внешнего вида, напоминающего быка. Кроме того, отнюдь не праздным вопросом является проблема: все ли зафиксированные названия гор Тавр были именно греческим «производством», или они накладывались на уже существующую на местах иноязычную, но индоевропейскую основу.

Вернемся в Крым и обратимся к четвертой возможности объяснения этнонима *тавры*. Оно связано с религиозно-мифологическими реалиями. Обживая неизведанный мир в период колонизации, греки осваивали его и в религиозном отношении, включая новооткрытые объекты в орбиту мифологической деятельности своих богов и героев. Одновременно они включали и куски местной мифологии в свои мифы и предания. Такую же мифологическую привязку получали и многие местные названия.

Мы уже упоминали, что Е. И. Соломоник почему-то решительно отменил любые возможности существования культового поклонения быку у тавров. Однако свидетельства о религиозном культе тавров говорят именно о его тесной связи с «бычьей» темой.

У тавров была богиня, которую греки называли Девой (*Παρθένη*). Так ее именует уже Геродот [Геродот IV, 103]. Сразу отметим, что подобно названию племени, имя богини также получило исключи-

тельно греческую форму. Судя по имени, отличительной чертой было представление о ее девственности.

Деву ревностно почитали и в Херсонесе. Знаменитая присяга херсонеситов IV–III вв. до н. э. начинается и заканчивается обращением к богам-покровителям города: «Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом¹, Девой, богами и богинями Олимпийскими, героями, владеющими городом, территорией и укрепленными пунктами херсонесцев...» [Жебелев, 1935, с. 913]. Как видим, Дева ставится на одно из первых мест, даже перед олимпийскими богами. Одновременно ее образ предстает перед нами общим как для греков, так и для местного населения [Жебелев, 1935, с. 938].

Херсонеситы благодарят именно богиню Деву как заступницу и спасительницу города при нападении варваров в III в. до н. э. Ранее под варварами понимали тавров [Тюменев, 1949, с. 82], сейчас их связывают с нашествием сарматов [Виноградов, 1997, с. 121].

Святилище Девы поблизости от Херсонеса упоминает Страбон [Страбон VII, IV, 2]. Храм располагался на мысе, прикрывавшем гавань Херсонеса, который в честь богини носил название Парфений 'Девин' [Помпоний Мела. Землеописание, с. 278]. Видимо, первоначальное древнее святилище тавров было связано с пещерой в скале над морем, в которую они и бросали жертвы богине. Это место, видимо, мыслилось как непосредственно связанное с подземным миром [Жебелев, 1935, с. 932].

К сожалению, археология пока не обнаружила сохранившиеся херсонесские храмы, в том числе и в честь Девы [Щеглов, Беляев, Масленников, 1984, с. 51]. По-видимому, описание его внешнего вида в поздний период было представлено у Овидия.

В Крыму Деве поклонялись и зависимые от Херсонеса поселения на побережье. Возможно и в них были установлены человеческие жертвоприношения².

¹ Иногда переводят просто «Землею» и «Солнцем» [Лятышева, 1947, с. 216].

² Аммиан Марцеллин свидетельствует, что «в Таврике есть несколько городов; более значительные среди них – Евпатория, Дандака и Феодосия; есть и другие, поменьше, не оскверненные человеческими жертвоприношениями» [Аммиан Марцеллин XXII, 8, 36]. Названные города являлись на тот момент владениями полуавтономного в Римской империи Херсонеса.

Херсонесская богиня Дева имеет ярко выраженные хтонические черты¹, она связана с подземным миром и загробными культами. С хтонической природой таврской богини может быть связано и сообщение Плиния: «На холме Либеросе в земле тавров есть три источника, причиняющие неотвратимую, но безболезненную смерть» [Плиний II, 231]. Скорее всего здесь также просматривается какое-то мифологическое предание.

Возможно партнером-паредром² богини Девы в древнем варианте было божество в образе быка (или сам бык)³. Так, на херсонесских монетах часто на аверсе изображена Дева, а на реверсе бодающийся бык [Пятьшева, 1947, с. 217], что, безусловно, указывает на тесную взаимосвязь образов. Связь культа Девы с быками в Херсонесе подтверждают и раскопки кладбища I–II вв. н. э., особенно могил собственно тавров. Здесь были распространены жертвоприношения быка при похоронах. А в местных греческих и греко-римских могилах множество пластических изображений быка самых разных видов: глиняные статуэтки, сосуды в виде быка, его изображения на светильниках, букраний⁴ или оттиски (индикации) с херсонесских монет с изображением бодающегося быка [Пятьшева, 1947, с. 217–218].

Сама богиня могла, судя по всему, также ассоциироваться с изображением быка. Может быть наиболее ярким примером подобного образа является найденное в Херсонесе Таврическом изображение змееногого женского божества с бычьей головой. Приведем его описание: «Обнаженная женская фигура со стилизованными крыльями за плечами, змеевидными (от колен) ногами, переходящими в стилизованные растительные завитки, концы которых с листьями и

¹ От греч. *хтонос* 'земля'. Хтоническими принято называть греческие божества земли и подземного мира, связанные с культами растительного плодородия и загробного существования.

² Греч. *паредр* 'сидящий рядом за столом'. В данном случае это название употребляется для бога-спутника.

³ С богиней Девой в Херсонесе часто соотносили еще Геракла, но этот греческий герой принимал здесь также черты хтонического божества [Пятьшева, 1948, с. 204]. Геракл был греческим осмыслением другого первоначального образа.

⁴ Греч. *букраний* дословно 'голова быка'. Часто изображения бычьих голов были орнаментальным украшением в греческом искусстве или в мелких формах использовались в вотивных целях – были популярными приношениями богам.

цветами находятся в руках изображенной фигуры¹. Самым необычным в ней является голова, представляющая бычью морду в стиле обычных плоскостных пластических изображений голов быка – букраниев, широко распространенных в культовых античных реkvизитах. Над слегка опущенными рогами возвышается калаф»² [Ля-тышева, 1947, с. 213]. На пластине есть дырки для продевания веревки, что говорит о ее надевании на тело или на одежду. В Херсонесе также найдены ее изображения [Бессонова, 1983, с. 94–95]. При этом она никогда не изображалась с бычьей головой. В принципе, скифская змееногая богиня не играла большой роли в Херсонесе. Представляется, что культы целого ряда северопричерноморских женских божеств были сильно переплетены и на протяжении долгого времени влияли друг на друга³. В результате возникли симбиозные образы, воплощавшие многие схожие идеи. В этот типологический ряд богинь в образе Великих Матерей хтонического происхождения входили скифская богиня Аргимпаса, скифская Апи – Гейя, Афродита Апатура на Таманском полуострове и т. д.⁴

Удивительное дело – культ богини Девы прижился не только в Херсонесе. По каким-то причинам это божество стало популярно и в самой Греции. Греки отождествили Деву с Артемидой⁵. При этом в самом Херсонесе сколь-нибудь значительный культ Артемиды не засвидетельствован [Жебелев, 1935, с. 937]. Но сопоставив эти образы, греки дали этой ипостаси Артемиды специфическое прозвище – Тавропола (*Ταυροπόλος*, *Ταυροπόλα*, *Ταυρώ*, *Ταυρινή*).

И вновь загадка. Опять мы наблюдаем картину, что при понятности прозвища в целом, его смысл остается совершенно загадочным.

¹ В этом примере совершенно четко видно, что змеевидные ноги роднят богиню Херсонеса со скифской змееногой богиней, миф о которой приведен Геродотом [Геродот IV, 9].

² Калаф – скифский женский торжественный головной убор, высокий впереди и срезанный сзади. Крепился на жестком каркасе. Женские божества, как, например, на пластине из Сахновки, обычно изображены именно в калафе.

³ Некоторые мнения см.: [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 296–298].

⁴ Кстати, ее двусоставное имя также связано с исследуемой основой *tur-*, *tura-*. О. Н. Трубачев предложил этимологию имени как ‘преодолевающая воды’ [Трубачев, 1999, с. 226].

⁵ Одним из аргументов схождения безусловно было и то, что именно Артемида и ее брат Аполлон в греческой мифологии соотносились с севером.

Дело в том, что прозвище богини Артемиды – Тавропола трактуют по-разному – ‘укротительница быков’, ‘чтимая жертвами, состоящими из быков’, ‘чтимая племенем тавров’, ‘почитаемая во время (праздника) Таурис (*Tauris*)’, ‘охотящаяся на быков’, ‘ведомая бычьим ярмом (be drawn by a yoke of bulls)’ [*Greek-English Lexicon*, 1996, с. 1761]. Ясно только одно: перед нами вполне определенный факт связи богини Девы с мифологическими представлениями о быке, которые очень туманны для нас. Впоследствии на Ближнем Востоке Артемида Таврическая была соотнесена с богиней Анахитой, которой посвящался бык [Кюмон, 2000, с. 35].

В свою очередь, для греков важнейшей составной частью мифологии Артемиды Таврополы был удивительно популярный в Греции сюжет об Ифигении, ее вынужденном путешествии в Тавриду, служении там жрицей Артемиды Таврополы и потом возвращении в Грецию.

Начало мифа мы находим в первой главе «Илиады» Гомера при описании начала знаменитой Троянской войны. Армия греков под предводительством царя Микен Агамемнона готова плыть из городка Авлида под стены Трои к берегам Малой Азии, но встречный ветер препятствует этому. Это Аполлон насылает встречный ветер, так как Агамемнон оскорбил его, захватив дочь жреца Аполлона Хриза – Хризеиду. Птицегадатель Калхас узнает причину гнева бога. Только после того как Хризеида была возвращена отцу без выкупа, а Аполлону принесли в жертву сотню быков, греки наконец-то отплыли в славный поход.

Потом возник новый поворот в развитии сюжета, причем мы не можем сказать, какие причины способствовали его становлению. На первый план в мифе выходит трагический образ дочери Агамемнона, которую не знает «Илиада», – Ифигении. Ее образ стал одним из популярнейших в греческой литературе. Насколько мы сейчас можем судить, впервые образ Ифигении появляется уже у первого исторически известного нам древнегреческого, а следовательно и первого в европейской истории, поэта – Гесиода (начало VII в. до н. э.). После этого сюжет неоднократно используется в поэзии и драматургии. Достаточно сказать, что посвященные судьбе Ифигении трагедии были написаны тремя выдающимися драматургами Афин V в. до н. э. – Эсхилом, Софоклом и Еврипидом. К сожалению, до нас дошли только две трагедии Еврипида – «Ифигения в Авлиде» и «Ифи-

гения в Тавриде». По существу это наиболее полное имеющееся у нас изложение мифа.

В трагедии «Ифигения в Авлиде» рассказ идет о жертвоприношении дочери Агамемнона. На этот раз встречный ветер, мешавший отплытию эллинского воинства, послан богиней охоты лучницей Артемидой. Жрец Калхант после гадания узнает, что Артемиды зла на царя Агамемнона за убийство ее священной лани и за его похвальбу, что «лучше не выстрелила бы сама Артемиды». Богиня требует принести ей в жертву одну из трех дочерей Агамемнона – Ифигению. Под давлением войска царь вынужден послать за Ифигенией под предлогом ее женитьбы с Ахиллом. Когда та приехала в Авлиду, то была торжественно принесена в жертву. В последний момент Артемиды спасла Ифигению, а вместо нее на алтаре оказалась лань – животное богини.

Сюжет трагедии «Ифигения в Тавриде» описывает продолжение событий в столь далеком от Эллады Северном Причерноморье. Беды в семье Агамемнона не прекращаются. Брат Ифигении Орест после многих страшных испытаний по велению богов Аполлона и Афины должен доставить из Тавриды статую богини Артемиды Таврополы. Он прибывает в Тавриду, где конечно же схвачен таврами, которые готовы принести его в жертву по обычаю своего племени. Тут оказывается, что его сестра Ифигения была перенесена Артемидой из Авлиды в Тавриду к племени тавров, где стала жрицей богини. Именно она руководит принесением в жертву всех чужеземцев, оказавшихся в стране тавров. Узнав Ореста, Ифигения спасает его и помогает вывезти статую богини в Элладу¹. Могила Ифигении показывали в Аттике в городе Бравроне, где она по преданию продолжала быть жрицей Артемиды до самой своей смерти.

Но мифологические отождествления шли дальше. Стасин (VII в. до н. э.) уже пишет, что Артемиды, спасши Ифигению, сделала ее бессмертной [Стасин. Кипрские сказания, с. 296]. Геродот уже прямо называет ее богиней. Он пишет, рассказывая о таврской Деве: «Богини-

¹ Судя по всему, у таврской богини Девы действительно было некое изображение, но совершенно необычной для греков формы, явно не в виде антропоморфного статуарного изображения. По описанию Еврипида статуя или образ упал с неба [Ифигения в Тавриде, 87–88]. С. А. Жебелев под састером херсонесской присяги предлагал понимать именно это изваяние [Жебелев, 1935, с. 931, 935–936].

ня, которой они приносят жертвы, по их собственным словам, это – дочь Агамемнона Ифигения» [Геродот IV, 103]. Ему вторит Еврипид: «Впредь смертные будут прославлять ее под именем Артемиды, богини Тавропопы» [Еврипид. Ифигения в Тавриде, 1446–1457, с. 291]. Впоследствии сопоставление Ифигении и Артемиды стало очень популярным у греков. Павсаний указывает, что Артемида иногда носила прозвище Ифигения [Павсаний II, 35, 2]. Таким образом, возникло новое отождествление – на этот раз Артемиды Тавропопы и Ифигении.

Уже во II в. до н. э. сделан новый шаг. Упоминают о бычке, который вместо Ифигении попал на жертвенный алтарь, видимо и дальше увязывая название Тавропопы и быка [Никандр. Превращения, с. 302–303]. Жертва в виде быка – тавроболия (*Ταυροβόλιον*)¹ была характерна для многих греческих богов. Но не для Артемиды. Ранее ее животными греки считали лань и медведицу. Безусловно то, что новое «звериное обличье» Артемида получила под влиянием своей ипостаси Тавропопы.

В результате перед нами несколько очень сложных мифологических образов, которые прошли не одну стадию сопоставлений в греческой мифологии, причем активное влияние на миф оказывали знания греков о племени тавров и их религиозной жизни. Считается, что миф воспринял греческие религиозные реалии, например, принесение прежде людей в жертву. Полагают также, что Ифигения была каким-то греческим местным божеством. Затем, когда у греков выходит из употребления обычай человеческих жертвоприношений, требование Артемиды принести ей в жертву Ифигению соотнесли с широко известным таврским обычаем принесения в жертву людей и связали ее местообиталище с Тавридой. И, конечно, не последнюю роль сыграли сведения о популярном женском божестве на далеком севере, которое греки, благодаря «помощи» херсонеситов, сопоставили со своим популярным божеством.

Более подробное описание храма Артемиды в Херсонесе приводит римский поэт Овидий, вкладывая его в уста старика-тавра.

¹ *Тавроболия* (жертвоприношение быка). Жрец становился в глубокую яму, прикрытую досками с отверстиями, на которых приносили в жертву быка. Кровь стекала в яму на жреца, омывая его, в религиозном смысле очищая и давая вечную жизнь душе. Тавроболии оказались тесно связаны с культом малоазийской богини Великой Матери Кибелы. В этом виде они сформировались к I в. до н. э. [Burkert, 1979, с. 119].

Хотя легенда у него так близка к греческому варианту, что закрадывается вполне уместное подозрение о таврском происхождении рассказа. Однако это единственное относительно полное описание храма, притом действительно есть возможность, что Овидий получил более подробные данные во время своей ссылки на Черноморском побережье. Вот часть рассказа старика в передаче Овидия: «Есть в Скифии местность, которую предки называли Тавридой... Я родился в этой стране и не гнушаюсь своей родины: это племя чтит родственную Фебу богиню¹. Еще и ныне стоит храм, опирающийся на огромные колонны; к нему ведут сорок ступеней. Предание гласит, что там был ниспосланный с неба кумир; не сомневайся, еще и ныне там стоит подножие, лишенное статуи богини; алтарь, который был сделан из белого камня и ныне красен, будучи окрашен пролитой кровью; священнодействия совершает жрица, не знавшая брачного факела и превосходящая скифских женщин знатностью рода. Форма жертвоприношения, по уставу предков, состоит в том, чтобы пришелец пал под ударами девичьего меча. Там царствовал Тоант...» [Овидий. Письма с Понта III, 2, 45–59, с. 238]². Далее рассказ повторяет уже известный нам греческий миф. Некоторые античные авторы приписывали царю Тоанту начало человеческих жертвоприношений. Все те же мифологические мотивы, правда иногда взаимозаменяемые.

Удивительно, но влияние культа Артемиды Таврополы, связанного с культом Девы из Крыма, было заметным в античном мире. Где только не встречаются ее следы. Самые ранние засвидетельствованы в Аттике в г. Браврон, где было святилище Артемиды Таврополы и где, по преданию, была похоронена Ифигения. В Аттике IV в. до н. э. отмечен праздник Артемиды Таврополы – Таврополия (*Taυροπόλια*) [*Greek-English Lexicon*, 1996, с. 1761]. Отметим, что это как раз время, когда творили Геродот и Еврипид.

Павсаний через несколько столетий упоминает, что уже два святилища в самой Греции считали, что статуя была привезена Ифигенией или Орестом к ним: святилище Артемиды в Бравроне около Афин в Аттике и святилище Артемиды Ортии в Лимнеоне в Спарте [Павсаний I, 33, 1; III, 16, 6–7]. В обоих святилищах действительно находились деревянные статуи богини. Причем в Спарте у статуи

¹ Имеется в виду богиня Артемида, Феб – латинское прозвище Аполлона, ее брата.

² Тоант, Фоант – царь тавров, вероятнее всего, мифологический образ.

даже сохранилась привычка наслаждаться человеческой кровью, что уже расценивалось как безусловное доказательство варварского происхождения богини. Бравронскую же статую увез из святилища вместе с другой захваченной добычей персидский царь Ксеркс [Павсаний III, 16, 6; VIII, 46, 1].

С греками культ начал распространяться и в другие страны. На острове Икар в Персидском заливе у берегов Аравии располагался храм Аполлона с оракулом Таврополы (*Ταυροπόλος*) [Страбон XVI, III, 2]. На острове Икарий, названном в честь Икара располагалось святилище Артемиды – Таврополией (*Ταυροπόλιον*) [Страбон XIV, I, 19].

Но не только греки способствовали распространению культа. «Имя таврической богини по настоящее время остается до такой степени знаменитым, что из-за нее спорят живущие у Эвксинского Понта каппадокийцы, утверждая, что статуя находится у них, спорят также и те лидийцы, у которых есть святилище Артемиды Анемтуры (Анеитиды)» [Павсаний III, 16, 6].

Миф и культ Артемиды Таврополы оказался очень живучим и в Малой Азии. Еще в VI в. н. э. Прокопий Кесарийский упоминает храмы этому божеству в Армении [Прокопий Кес. Война с персами I, XVII, 11, 15, 18].

Совсем недалеко от Рима располагался город Арикий со знаменитым святилищем: рощей Артемиды. «Святилище Арикийской Артемиды, как говорят, точное воспроизведение храма Артемиды Таврополос, и, действительно, в ее священных обрядах преобладают начала варварское и скифское. Так, например, жрецом ее выбирают только беглого раба, своей рукой убившего прежнего жреца. Поэтому жрец всегда опоясан мечом, ожидая нападения и готовый защищаться» [Страбон V, 3, 12]¹. Интересно и описываемое Страбоном природное положение святилища. Густая роща располагалась у подножия и в котловине высокого скалистого гребня, источники которого наполняли большое озеро перед рощей. Впоследствии и об этом святилище возникло предание, что Орест по совету оракула посвятил вывезенную из Тавриды статую богини Дианы (греч. Артемида) именно ему [Гай Юлий Солин. Сборник достоприм. II, 11, с. 240].

¹ Каждому исследователю религии знакомо это святилище, так как на основании этого описания был написан великолепный труд Дж. Фрэзера «Золотая ветвь», одно из первых исследований в сравнительной мифологии, ставшее классикой жанра.

Греки подчеркивали хтонические черты таврической богини, сопоставляя ее образ с другими богинями подземного мира. Павсаний, ссылаясь на Гесиода, пишет, что «Ифигения не умерла, но по воле Артемиды стала Гекатой» [Павсаний I, 43, 1]. Овидий называет богиню тавров Тривией (Трехликой), что является эпитетом Гекаты [Овидий. Письма с Понта III, 2, 45–59, с. 238]. Малоазийское божество Геката считалась у греков богиней Луны, помощницей колдунов, насылательницей привидений и ночных кошмаров. В принципе, аналогичная ситуация вырисовывается и из известных нам данных о таврической богине Деве. Поэтому и тут возможно есть зерна местных причерноморских мифов, включенные в греческие повествования.

С таврами и Тавридой в греческой мифологии связана еще одна группа мифов, в которых также активное участие принимают именно женские персонажи. Все они откровенно связаны с колдовством и хтоническим миром. Поэтому фактически они тоже принадлежат к тому же единому образу женских божеств Северного Причерноморья, перекликаясь с ними по функциям, отношениям с миром людей, своим мифологическим чертам. Это тождество просматривается и с богиней Девой. Может сюда также попала часть ее мифологии.

Причем для Таврики характерны связи с «бычьей» мифологией. Это, например, Боспор – с греч. «бычий (коровий) брод»¹. Греки объясняли происхождение названия мифом об Ио. Ио, возлюбленная Зевса, как и многие, пострадала от ревности его жены Геры. Она была превращена ею в корову. «Ио была дочь реки и в виде рогатой коровы, гонимой оводом, переправилась через Понтийское море; от нее-то Боспор получил свое название» [Агатархид. Об Эритр. море, с. 297; Эсхил. Прикованный Прометей 729–735]. Миф, поданный Агатархидом, интересен тем, что он мог быть основан частично на местной мифологии². Греки не всегда сопоставляли Ио с дочерью реки, а считали ее часто дочерью Кадма [Филарх. История, с. 296]. Один из эпитетов Ио – Ταυρολόρθεως ‘дева-бык’ [Greek-English Le-

¹ Название Боспор у греков носило несколько проливов. В данном случае имеется в виду пролив между Черным и Азовским морями, отделяющий Крым от Таманского полуострова.

² Впрочем, существует у Агатархида и рациональная версия: название пошло от обычая местных жителей переправляться через мелкий пролив на плотах, запряженных быками [Филарх. История, с. 296].

хисон, 1996, с. 1761] разительно напоминает образ таврской богини. Возможно поэтому греки привязали далекие северные земли к этому мифу.

Таврика и еще Колхида были для античного мира олицетворением стран, где господствует колдовской ужас. Вероятнее всего этому как раз способствовал образ тавров и куски каких-то их мифов о богине Деве, которые греки стремились сопоставить со своей мифологией [Схолии к Аполлонию «Походу аргонавтов», с. 291–292; Дионисий Митиленский. Аргонавты, с. 309; Диодор Сицил. IV, 44, 7; 45, 1–3]. В результате с разными вариациями можно восстановить относительно общее описание здешней мифологической истории: у Гелиоса было два сына – старший Персей (в некоторых вариантах – Перс) и младший Ээт, оба отличавшиеся крайней жестокостью. Ээт правил в Колхиде (совр. Грузия), а Персей в Тавриде, став царем тавров. От брака Персея и местной нимфы на свет появилась их дочь Геката, «дерзостью и беззаконием превосходившая даже своего отца. Увлекаясь охотой, она в случае неудачи вместо зверей убивала из лука людей, а увлекаясь изготовлением смертоносных зелий, она изобрела так называемый аконит¹, и испытывала силу каждого зелья, добавляя его в пищу чужеземцам. Приобретя большой опыт в этих делах, Геката прежде всего погубила зельем своего отца и унаследовала царскую власть. Затем она воздвигла святилище Артемиде, в котором стала приносить в жертву богине приплывающих в ее страну чужеземцев, прославившись так своей свирепостью. После этого Геката вышла замуж за Ээта и родила от него двух дочерей – Кирку и Медею, а также сына Эгиалея» [Диодор Сицил. IV, 44, 7; 45, 1–3]. На описание, конечно, повлияли представление о связи богини Девы с похоронными культами. Сравните тут сопоставление Ифигении и Гекаты у Павсания. Все упоминаемые женские персонажи для греческого мира являлись символами чудовищного и аморального колдовства и были напрямую связаны с загробным царством.

Возможно, что связующим звеном для сопоставления греками Таврики и Колхиды был образ чудовищных огнедышащих быков колхидского царя Ээта, которых с помощью колдовства Медеи за-

¹ Аконит – античные авторы так называли яд, который якобы местные жители собирали на скалах в Скифии около Меотиды (Азовского моря) и намазывали стрелы. Сейчас такое название носит одно из горных растений.

пряг Язон и пахал на них. Интересно, что иногда сопоставление продолжается, и эту семью роднят с Миносом [Аполлодор. Библиотека I, 9, 1], и тогда «бычий зодиак» греческой мифологии логически замыкается.

Это практически все, что мы знаем о таврской богине Деве и о возможных остатках ее мифологии, попавших в разные греческие мифы. Сплошной набор далеких мифологических аналогий и параллелей. Более того, так же немного мы знаем и о самом племени, создавшем этот культ. Действительно поразительно, что за тысячу лет соседства античные ученые не узнали о таврах ничего достойного внимания, кроме их своеобразной религии, человеческих жертвоприношениях и богине, требовавшей человеческой крови. Но именно это, можно полагать, и было для греков самым важным и поразительным. Именно об этом они стремились рассказать.

С другой же стороны, относительно плохая информированность вполне может быть связана и непосредственно с культами Девы, которые сами последователи стремились держать в тайне. Задавать вопрос херсонеситам, судя по всему, было бесполезно. В их присяге специально был выделен пункт: «Я буду охранять для народа састер¹ и не буду разглашать ничего из сокровенного ни эллину, ни варвару, что должно принести вред государству» [Жебелев, 1935, с. 913]. Может быть, можно спросить об этом саму Ифигению: даже рассказывая брату свою историю, она говорит: «...а об остальном умалчиваю, боясь богини» [Еврипид. Ифигения в Тавриде 37–38, с. 289]². Таким образом, сами греки Херсонеса, безусловно хорошо знакомые с культом богини Девы, не стремились раскрывать тайные религиозные знания. И все же можно однозначно повторить вслед за М. И. Ростовцевым: «В культе Девы не греческое, а местное является решающим. Не греческая *Ταυροπόλος* или *Ταυρώ*, а местная великая богиня, *мно-гоименная и безымянная* (курсив, — А. П.) и здесь носящая безликое имя Девы...»³ составили основу культового и мифологического образа «таврической богини».

¹ Састер — по предположению С. А. Жебелева это слово в присяге обозначало примитивное изображение богини Девы [Жебелев, 1935, с. 931–938].

² Ср. совершенно схожий страх перед Гекатой и описанием ее культа у Аполлония Родосского: «Да и меня петь о том душа моя пусть не неволит! Боязно мне говорить!» [249–250].

³ Цитата по: [Пятъшева, 1947, с. 217].

Несмотря на эту таинственность культа Девы мы видим, что ее почитание оказалось достаточно заметным, чтобы повлиять на соседние и даже относительно далекие земли, в том числе на территории развитых восточносредиземноморских цивилизаций. Конечно, это влияние распространялось благодаря аналогиям с их собственными мифологическими системами и адаптации близких религиозных идей.

Эпицентр этого культа на крымских берегах был достаточно близок к Среднему Поднепровью. И хотя мы привыкли проводить жесткую разделительную линию между достаточно развитой религией античности и относительно примитивными ее формами на тот момент в лесной зоне Восточной Европы, априорно отбрасывать возможности влияний и взаимодействия представляется поспешным. Мы уже показывали активность торговых связей в период милоградской культуры, которые не прерывались еще долгое время – несколько столетий контактов.

Нас не должны удивлять связи севера с греческим религиозным миром. Подобный пример приводит Геродот, когда рассказывает о посольствах народа гипербореев на остров Делос в храм Артемиды [Геродот IV, 33–35]. Кратко об этом рассказывают Каллимах [Каллимах. Гимны IV, 275–295, с. 262], Плиний [Плиний IV, 92] и схоже Диодор Сицилийский [Диодор Сицил. II, 47]. Оставим в стороне сложный вопрос, какой народ имели в виду греки под гиперборейцами. Вряд ли мы сможем ответить на него, так как этот народ, скорее всего, также принадлежность мифологии. Однако Геродот приводит достаточно много мелких деталей – подробное описание пути даров на Делос, имена четырех гиперборейских девушек (кстати, часть имен грецизирована), указание на расположение их могил в конкретном месте около храма, возникшие в связи с могилами традиции поклонения. Это заставляет отвергнуть подозрения о надуманности рассказа Геродота. Одновременно ясно то, что у нас нет возможности проводить ясные аналогии относительно этноса, района его проживания, религиозных представлений и т. д.¹ Это просто аргумент в пользу наличия контактов с севером: некое северное племя, которое по ка-

¹ Нельзя согласиться, например, с «детальными» построениями Б. А. Рыбакова [Рыбаков, 1981, с. 409–417]. Сводку мнений и новый анализ см. у С. Е. Рассадина [Рассадина, 1997, с. 68–70].

ким-то причинам было ознакомлено с культом Артемиды и действительно посылало дары в ее храм. Причем вряд ли такой обычай существовал продолжительное время. Упоминания о подобных подношениях богам другого города можно найти в античных документах неоднократно. В данном случае Геродота, других греческих писателей, да и нас скорее поражает отдаленность земель, откуда приходили дары¹. Но одновременно это хороший пример существования взаимоотношений².

Итак, в районе Тавриды (Крыма), являвшейся неотъемлимой составной частью сложной ойкумены Северного Причерноморья, с которым белорусское Полесье поддерживало торговые связи, проживало племя, название которого у греков однозначно ассоциировалось с названием быка. У них же процветал культ богини Девы, образ которой соотносился с бодающимся быком. Также религиозную идею почитания быка и самое для нас главное – традицию называния народа по имени быка с основой *taur-, tur-* – мы встречаем еще в одном близком регионе.

¹ Ср.: [Бакхилид. Победные оды, 58–62, с. 271].

² Кстати, возможно, отношения с севером у Причерноморья были не только торговыми, если верить сообщению, что представители невров и тавров даже встречались. Геродот описывает совещание представителей всех граничивших со скифами племен в момент вторжения армии Дария: «На совещании присутствовали цари тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов» [Геродот IV, 102].

Глава 6

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: КОЛЫБЕЛЬ ДОМЕСТИКАЦИИ И КУЛЬТА?

Исследование культа Артемиды Таврополы неожиданно приводит нас в Малую Азию. Здесь мы тоже встречаем народ тавров. Прокопий Кесарийский в VI в. н. э. проводит четкую параллель между населением Крыма и Армении к западу от озера Ван. Он знает тавров не только в Крыму [Прокопий Кес. Война с готами IV, 5, 23–24], но и называет народ «таврских армян» (*Ταυροῖς Ἀρμενίων*) [Прокопий Кес. Война с персами I, XVII, 21]. Можно было бы посчитать, что их название для Прокопия происходит от названия гор Тавр в здешней местности, если бы он тут же не называл этот народ просто таврами (*Ταυροῖς*) [Прокопий Кес. Война с персами I, XVII, 12, 13, 16, 17]. Аналогии продолжают храмы Артемиды Таврической в двух городах Келесенской области Армении, которые называет Прокопий и приводит подробное местное предание, как эти храмы были основаны Орестом, выбравшим определенную местность для храма – гора с отвесными склонами и река у ее подножия [Прокопий Кес. Война с персами I, XVII, 11–20]. Прокопий утверждал, что он использовал кавказские предания [Прокопий Кес. Война с готами IV, 5, 23–24]. Современные исследователи не отрицают наличие и отражение в данном отрывке аутентичных местных армянских легенд [Чекалова, 1998, с. 392].

Конечно, можно было бы видеть в этом предании простой механический перенос крымских культов. Но античные авторы никогда не делали даже намеков на переселение тавров из Крыма. Скорее можно говорить об адаптации популярного культа. Но вряд ли вместе с культом пришел и этноним. Вполне логично предполагать, что культ был привязан к местному уже существовавшему этнониму.

Судя по всему, эти данные Прокопия можно увязать со средневековыми армянскими топонимами. В Армении к западу от озера Ван располагалась область Тарон (*Tarōn*, *Taron(i)*). В древности эта область носила название *Turuberan*, *Tarberum*, *Tarberuni*, *Taruberam*. Турубера́н известен еще в VI в. до н. э., когда эта область выступала в союзе с мидийцами [Капанця́н, 1956, с. 203]. С Турубера́ном связан и древний армянский феодальный род – Тарберуни. Выдающийся армянский лингвист Г. Капанця́н относил это название, хотя и с осторожностью, к доармянским [Капанця́н, 1975а, с. 51–52]. Он выводил название области от *tauri*- и *ber*- «род» и переводил как «роды, чтущие быка» (ср. *Ariberan* ‘роды, чтущие бога Ари’) [Капанця́н, 1956, с. 40, 70, 135, 180–181, 187]. Тем самым он предполагал в ранней армянской истории существование племени, название которого было связано с названием быка.

В появлении в Малой Азии тавров у Прокопия и в сохранении этого названия в средневековой Армении не было бы ничего исключительного, если бы не то, что в данном регионе как раз не приходится сомневаться в наличии целого горного хребта – Тавр. Это племя уже оказывается у самого подножия загадочного малоазийского горного хребта. Во-вторых, этот регион расположен очень близко к районам древнейшей доместикации быка.

У греков название горного хребта семантически отождествлялось с названием быка, но античные ученые никогда не указывали, что это было греческое название. Ясно и другое – традиция столь давняя и столь устоявшаяся, что никто не знал, когда она возникла. Греческие ученые, по крайней мере, не обсуждают этот вопрос и не знают других обозначений для хребта. И тем не менее, название горного хребта полностью соответствует одному из самых характерных индоевропейских обозначений быка.

Общее индоевропейское название для крупного рогатого скота как вида, а также в отдельности для быка, вола или коровы шло от и.-е. **g(ω)ou*. Наилучшим образом эта основа сохранилась в скр. *gāvas* ‘крупный рогатый скот’, *go-* ‘бык, корова’; авест. *gāvō* ‘крупный рогатый скот’, *gaō-* ‘бык, корова’; латв. *guovhupri* ‘крупный рогатый скот’, *guovs* ‘корова’; церк.-слав. **goveđo* ‘крупный рогатый скот’; серб.-хорв. *govedo* ‘вожак стада’; рус. *говядина* ‘мясо крупного рогатого скота’. Отсюда исходит и другая линия – греч. *βόες* ‘крупный рогатый скот’, *βους* ‘бык, корова’; лат. *bovēs* ‘крупный рогатый скот’, *bōs* ‘бык, корова’ и т. д.

Но не менее многочисленна группа, объединяющая обозначения, связанные с интересующим нас названием дикого быка у славян – *тур*. Это группа в целом очень популярна в индоевропейских языках и часто употребляема для обозначения взрослого домашнего быка или его дикого собрата [*Buck*, 1949, с. 152–155].

Славянское *туръ* встречается в древнейших письменных славянских текстах и до сих пор сохранилось практически во всех славянских языках. Само слово принадлежит к одному из общиндоевропейских названий быка. Лингвисты приводят много соответствий: греч. *ταῦρος* ‘вол, бык’; лат. *taurus* ‘вол, бык’¹; оск. *tauro* ‘бык’; умбр. *turuf*, *toru* ‘бык’; др.-прусс. *tauris* ‘дикий бык, тур’; лит. *tauras* ‘дикий бык, тур’; ст.-слав. *turŭ* ‘бык’; др.-рус. *туръ*; алб. *tarok* ‘бык’ [*Гамк-релидзе, Иванов*, 1984, т. 2, с. 519–520, 574]. Как видим, практически во всех индоевропейских языках в данной основе сохраняется дифтонг *-au-*. У славян, как и многие другие дифтонги, он повсеместно подвергся упрощению в *-ū-*, что является одной из заметных особенностей развития славянских языков [*Meiye*, 2000, с. 47–48].

Указывают на близость к этой группе также: галл. *tarvos* ‘бык’; ср.-ирл. *tarb* ‘бык’; сев.-ирл. *tarbh* ‘бык’; валлийс. *tarw* ‘бык’; бретонс. *taro* ‘бык’. Несколько особняком, но близко располагается скандинавская группа: др.-исл. *þjórr* ‘бык’; датс. *tyr* ‘бык’; шведс. *tjur* ‘бык’ под влиянием др.-сканд. *stjōrr* [*Buck*, 1949, с. 154].

С определенными оговорками с группой *taur-* сближают и другую ветвь индоевропейских названий от **st[h]euro-*: авест. *staōra-* ‘крупный рогатый скот’; сакс. *stūra* ‘животное’; согд. *stōr* ‘домашнее животное’; осет. *stur*, *stor* ‘бык, корова’; ср.-перс. *stōr*; фарси *sutūr*; гот. *stiur* ‘молодой бычок’; др.-исл. редкое *stjōórr* ‘бык’; др.-англ. *stēor* ‘бык’; др.-в.-нем. *stior* ‘бык’; ср.-в.-нем. и нем. *Stier*; англ. *steer* ‘бык’ (причем в современных европейских языках данная основа чаще используется для обозначения молодого быка). Дальнейшее сближение со скр. *sthūra-* ‘сильный, толстый’; *sthavira-* ‘толстый, крепкий’; скифс. *stura* ‘большой’; осет. *stur*; др.-в.-нем. *stūri* ‘сильный’ и т. д. [*Абаев*, 1949, с. 183; *Buck*, 1949, с. 153].

Гораздо меньшее согласие царит относительно объяснения происхождения данной группы названий крупного рогатого скота. Подхо-

¹ Из латыни пошли многочисленные современные слова романских языков для обозначения быка: итал. и исп. *toro*, рум. *taur*, др.-фр. *tor*, фр. *taureau*.

дов к объяснению формы есть несколько, и пока единого решения нет. Одни лингвисты реконструируют и.-е. форму **i[h]auro-* (**i[h]euro-*) и утверждают, что именно от этой основы пошел индоевропейский термин для обозначения крупного рогатого скота как родового понятия [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, т. 2, с. 519–520, 574]. Предлагают и другую реконструкцию и.-е. формы **īdu-ro* и возводят ее к **tēu* ‘увеличиваться, набухать, становиться сильным’, ср. скр. *tāuti*, *tavīti* ‘быть сильным’. Есть и другие теории [Buck, 1949, с. 154], однако во всех этих теориях есть и объединяющее начало: данная основа всегда концентрирует семантику физической силы и жизненного роста.

Есть и еще одно мнение, причем одно из самых популярных, которое постулирует заимствование в индоевропейские языки. В качестве донора выступают семитские языки. А. Фронзароли некогда увидел сходство и предложил происхождение индоевропейского **i[h]auro*, **taur*, **(s)teuros* из прасемитского **bauru(m)*, общесемитского **tawr-* с аналогичным значением ‘бык’. Древность семитских названий обосновывают их фиксацией еще в период древнейших цивилизаций. До сих пор эту идею можно считать практически доминирующей у значительной части лингвистов.

Сторонники указывают на соответствие общесемитского **tawr-* ‘бык, вол’, аккад. *šūru*, арамейск. *tur*, *tura*, ассир. *šawr*, угар. *t_r-*, финик. *tōr*, др.-евр. *šōr*, *tōr*, сир. *tawrā*, араб. *tawr*, южн.-арав. *t_wor* – все с аналогичным значением ‘бык’ [Супераньска, 1971, с. 37; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, т. 2, с. 872; Cherpillood, 1986, с. 451].

Близкое соприкосновение индоевропейских и семитских диалектов могло происходить только на Ближнем Востоке. Но основа *taur-*, *tur-* в ближневосточном регионе столь репрезентативна уже с древности, что разбор ее функционирования потребует самостоятельного исследования. Приведем только самые краткие примеры и мнения, чтобы очертить саму проблему.

Например, один из урартских царей Аргишти I (около 780 – около 760 гг. до н. э.) упоминал покоренную им страну Тариуни (*Tar-i-ū-ni*), располагавшуюся около современного города Карс в Турции [Капанцян, 1975, с. 72]. Г. Капанцян предположил ее возможную этимологическую связь с армянской областью Тарон. Название другой страны *Taruatsinieī xubi* в надписи Аргишти I, которая соответствует армянской области *Tuaratsataph* (с армян. *taph* ‘равнина’ и основой *tuar-*), по его мнению, восходит к названию горной гряды Тавр, при *-ini-* как форманте принадлежности [Капанцян, 1975,

с. 103–104]. Этимологически *tuar*- он выводил из доиндоевропейского древнейшего *taur*- и через это связывал с названием горного хребта Тавр [Капанцян, 1975, с. 103–104]. Эта же основа коррелирует с названием армянской области Тарон и проживавшим здесь племенем «почитателей быков» [Капанцян, 1975, с. 131, 133]. В этом же районе существует до сих пор название горного хребта Тур Абдин. Аналогичное выведение *tar*-, *tur*- из старого *taur*- и горами Тавр из семит. *t-v-r*, *tūr* «гора» [Капанцян, 1975, с. 115]. Связь данной основы с горами отнюдь не редка в семитских языках. Можно усмотреть здесь не менее древние семантические параллели, которые могут подкрепить и уже отмеченное нами семантическое подобие для названия быка в индоевропейских и семитских языках. Название финикийского города Тир восходит к семантическому полю финик. *tsor*, др.-евр. *tsor* или *tsōr*, сир. *tsūr* – все со значением ‘камень’ и отсюда к значению скалы [Cherpilloud, 1986, с. 472]. Таким образом, мы вновь пришли к названию горного хребта Тавр, но на этот раз со стороны семитских языков.

Конечно, момент полного соответствия названий быка и всего семантического поля у индоевропейцев и семитских народов является очень показательным и интригующим. Это и дает возможность сделать вывод о заимствовании от древнейших семитов. Но такое близкое сходство у индоевропейцев и семитов в данном вопросе наблюдается не только на уровне лингвистики, но и в мифологии, где образы быка и божества часто переплетались неразрывными нитями, отличаясь только своими конкретными проявлениями. Тогда и языковое родство может объясняться, а в чем-то и предопределяться общими мифологическими представлениями. И наоборот – сильное лингвистическое переплетение способствовало и мифологическому родству.

Собственно образ быка, то ли домашнего, то ли имевшего необузданный нрав дикого тура как воплощения и ипостаси божества очень характерен в древности для всего восточносредиземноморского и особенно малоазиатского регионов. Тысячи лет в Египте существовал культ священного быка Аписа, завязанный на плодородии, аналогично как и образы многих других «бычьих» древнеегипетских божеств.

В Месопотамии с древнейших времен в образе быка предстают лунарные боги – шумерский Нанна и аккадский Син. Такая связь совсем не случайна. Мы уже упоминали, что рога быка часто соот-

носили с серпом месяца и поэтому подобный образ мы встречаем длительное время повсеместно на Ближнем Востоке. Еще в сасанидскую эпоху известен сюжет небесных быков, влекущих повозку лунного божества.

В любом случае на Ближнем Востоке бык всегда оставался символом силы и мощи. Поэтому нередко в подобной ипостаси выступали боги. Имя Мардука, верховного божества вавилонского пантеона, по одной из версий выводят из шумерского Амар-Уту(к) – «теленка Уту». Символом победителя чудовищ и спасителя Вселенной бога Мардука было созвездие Тельца.

Много примеров находим у западных семитов, проживавших ближе к берегам Средиземного моря. Верховным богом города Угарит был Илу, прозвище которого звучало как Бык. Он и изображался в виде быка или в тиире с рогами. Родственных Илу богов в регионе было много. Кстати, обиталищем многих верховных и воинственных богов здесь считались горные хребты. У многих западносемитских народов был популярен и почитаем грозный бог Бел. Часто его изображали с головой быка, как, например, в Пальмире, где он занял место во главе пантеона в образе быка или человека с головой быка.

Заметна у семитских народов и связь быков с богами-громовержцами. У хурритов боевая колесница воинственного бога грозы Тешшупа запряжена двумя быками Хурриш 'утро' и Шериш 'вечер' [Вильхельм, 1992, с. 88]. Боевые повозки, запряженные быками, являвшиеся пережитками глубокой древности до времени использования лошади, иногда надолго оставались принадлежностью богов.

На страже дворцов ассирийских царей стояли устрашающие демоны с головой человека и телом могучего быка – шеду. Их трехметровые фигуры, призванные наводить чудовищный страх на врагов царя, словно вырастали по обеим сторонам от входа в здание.

Очень схожие мифологические представления мы наблюдаем и у индоевропейцев, расселившихся в соседних с семитами регионах. Бронзовые навершия для торжественных штандартов и дышел повозок с изображением быков-туров популярны у хеттов. Протомы¹ двух быков на навершиях колонн были очень популярным элементом в искусстве Ассирии, а потом Армении и Ирана. Этим подчеркивалась мощь и нерушимость всей конструкции.

¹ Протомы – изображения живых существ, смотрящих в разные стороны.

В мифологии тоже достаточно древних образов. У индоиранцев такими являются образы людей-быков – Гопатшаха и Гайомарта, которые были мифологическими первопредками и первоцарями. Возможно это осколки старой ближневосточной мифологии, которая активно влияла на индоевропейцев на Ближнем Востоке.

Во многих отношениях в мифологиях греков и иранцев наблюдается типологическая близость. Кроме того, сейчас все активнее постулируют древние культурные взаимодействия между регионами Балкан и северо-причерноморских степей, выразившиеся в различных сторонах жизни [Кузьмина, 1994, с. 73, 252]. Мы уже упоминали о находке черепа тура на поселении трипольской культуры [Громова, 1931, с. 354]. Здесь же обнаружена глиняная модель храма с бычьими рогами, которая разительно напоминает ближневосточные неолитические примеры из Чатал-Гююка.

Впоследствии в Балканской Греции образ быка нередко принимал Зевс, но это была лишь одна из его многочисленных ипостасей, мало чем отличающаяся от других. Хотя и в этом сказались древние ближневосточные представления о связи бога-громовержца с быком, но это божество классической греческой мифологии уже совсем другого типа.

Зато многочисленные туры в окружении различных священных атрибутов смотрят на нас с древних критских изображений. Сакральная составляющая этого искусства очень велика и отражает широкое почитание быка как ипостаси некоего главного божества крито-микенского пантеона, сходного с позднейшим Зевсом.

В классической мифологии древних греков этот религиозный период преломился и нашел свое отражение в мифах о чудовищном Минотавре, жутком сыне царя Крита Миноса, для которого также актуальна тема связи с «бычьей» мифологией. Древние критские образы приобрели в греческой классической традиции негативный смысл, что и нашло такое яркое отражение в мифе о борьбе афинянина Тезея с критским чудовищем Минотавром.

Этот ярчайший образ древнейших пластов греческой мифологии очень сходен с ближневосточными быкоборческими аналогами. Рядом с почитанием богов в образах быков, по всей видимости, существовали мифологические сюжеты об охоте бога или героя на быка. Действительно подобный миф тяготеет к ближневосточному региону. Здесь немало примеров, когда победа героя или бога над быком олицетворяет становление миропорядка. Иногда высказывается мне-

нис, что мифы об убийстве быка на Ближнем Востоке связаны с идеей состязания с диким животным при мифологическом осознании этого сюжета как победы над силами хаоса. С быком боролся еще шумерский Гильгамеш.

Отголоски очень древних представлений сохранились и в ежегодном афинском обряде *буфоний* «убийство быка», зафиксированном в литературной передаче IV в. до н. э., но уже Аристофану в V в. до н. э. он представлялся пережитком глубокой древности [Толстой, 1966, с. 84]. Интересно, что в обряде можно увидеть противопоставление двух хозяйственных занятий древнего человека – земледелия и охоты, что уже было отмечено [Толстой, 1966, с. 96]¹.

Но наиболее наглядно быкоборчество проявляется в культе иранского по происхождению бога Митры. Самым популярным было алтарное изображение этого бога, сражающегося с быком, побеждающего и убивающего его [Кюмон, 2000, с. 72, 74, 79]. Убийство быка всегда изображалось в окружении зодиакальных знаков, и эта победа в древности виделась победой солнца, поднимающегося, вырастающего из горы [Пенник, Джонс, 2000, с. 113]. В кровавых митраистических жертвоприношениях быков явственно проглядывают древнейшие корни обряда, совершавшегося в храмах Митры. Первоначально такими храмами были потайные пещеры, поэтому и впоследствии для святилищ выбирали скальные пещеры или подземные склепы [Кюмон, 2000, с. 211; Пенник, Джонс, 2000, с. 112].

Ритуалы борьбы с быком на Ближнем Востоке могли отражать выборы нового царя [Cetwiński, Derwich, 1987, с. 181–184, 187].

Ближневосточные правители нередко уподобляли себя эпическим героям или быкоборческим богам. Победы над тура́ми на удачной охоте вносились в официальные документы месопотамских правителей, лишний раз подчеркивая их могущество. Обожали охоту ассирийские цари, изображавшие себя преследующими и убивающими

¹ Сами греки, по одной из версий, относили момент зарождения обряда ко временам мифологического афинского царя Эрехтея [Толстой, 1966, с. 80]. Также привлекает внимание тот факт, что миф о возникновении обряда буфоний связывался одновременно с родоначальниками нескольких афинских аристократических семей [Толстой, 1966, с. 82]. Явственно просматривается общинный характер жертвоприношения быка, что также свидетельствует о его глубокой древности. Это сказывается в обобщенной вине коллектива за убийство быка и в общественном характере трапезы мясом принесенного в жертву быка.

массу зверей. Они неоднократно упоминали об охоте на диких быков, причем часто торжественно рассказывали об их захвате, по-видимому с целью одомашнивания. Вот несколько примеров: «Диких быков, разрушающих, могучих убивал он в городе Арапике, который находится рядом с землей Хатти, моими могучими стрелами, железным скворнем и моими острыми пиками, причинил я конец их жизни, их кожи и рога взял я в мой город Ашшур»; «Я брал даже молодых риму (туры, дикие быки. — А. П.) и разводил из них стада»; «В течении нескольких дней убил 50 могучих риму и 20 других взял живыми». Захват живьем диких быков возможно отражает вполне осмысленный процесс domestikации. Процесс domestikации, судя по всему, отображен и в крито-микенском искусстве, где туров ловят сетями [цитаты по: Боголюбский, 1959, с. 332–334]. Обратим внимание, что часто в сценах древнейшей пахоты крито-микенского периода изображают именно длиннорогих быков, т. е. еще ближайших потомков диких туров.

Интереснейшее описание процесса одомашнивания оставил Павсаний из региона Северной Греции — Пэонии. По описанию Павсания пэонийские быки были зубрами: «...они покрыты по всему телу густой шерстью, но особенно густа она на груди и под нижней губой» [Павсаний IX, 21, 2]. Зато картина практической domestikации столь зрима, что достойна упоминания. Итак: «Этих бизонов поймать живыми труднее, чем какое-либо другое животное, и нет таких крепких сетей, [чтобы сдерживать их, когда они] бросаются вперед. Охотятся на них следующим образом. Когда охотники найдут покатое место, спускающееся к котловине, то прежде всего они огораживают его кругом крепким частоколом, а затем спуск и ровное место на конце этого спуска они застилают только что содранными шкурами; если таких шкур под рукой у них нет, то они и сухие кожи, намазав маслом, делают скользкими. После этого лучшие наездники все вместе гонят в намеченное место бизонов, которые тотчас же, поскользнувшись на первых же кожах, катятся вниз по склону, пока не достигнут ровного места. Попавших сюда сначала оставляют в покое; приблизительно на четвертый или на пятый день, когда голод и истощение уничтожат у них неукротимый дух, люди, умеющие их укрощать, приносят им туда, где они лежат, плоды домашней сосны, очистив их от малейшей шелухи; к другой пище в данный момент эти дикие животные даже не прикоснутся. Наконец, связав их ве-

ревками, они их уведат» [Павсаний X, 13, 1]. По мнению автора, это был единственный способ схватить зубра.

Действительно регионы Передней Азии и Балкан были активными очагами одомашнивания тура в начале II тыс. до н. э. [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 381; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, т. 2, с. 573]. Этот процесс доместикации вполне логично должен был накладываться на лингвистическую и мифологическую ситуацию.

Доместикация существенным образом повлияла на жизнь человеческого коллектива, дав ему постоянные средства к существованию. Почтение к земледельческому быку было очень характерно для греческой культуры, как и мистический ужас в отношении быка дикого. Так, афинские законы запрещали принесение в жертву пахотного быка, приравнивая его собственно к земледельцу. И у семитов, и у греков можно наблюдать практическое приравнивание убийства быка к убийству человека [Толстой, 1966, с. 86].

Многие народы скрупулезно различали и различают в своих лексиконах названия для диких и домашних особей. Так, уже у шумеров различались написания для диких и домашних быков.

В индоевропейских языках обращает на себя внимание переплетение названий домашнего и дикого быка. В некоторых языках основа **i[h]auro-/i[h]euro-* закрепились исключительно за диким быком, иногда определенного вида, как в славянских и балтийских языках. В других, греческом, латинском, кельтских, албанском эта основа способствовала распространению названий домашнего животного. Индоевропейские языки Восточного Средиземноморья презентуют в этом отношении очень любопытную ситуацию – одни и те же формы используются как для дикого, так и для домашнего животного [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, т. 2, с. 574]. Одомашнивая тура, греки «одомашнили» и лингвистическую ситуацию.

Вернемся к вопросу о предположительно семитском происхождении основы *taur-, tur-*. Тут видится откровенное противоречие. С одной стороны, все признают общеиндоевропейское распространение этого термина и, как результат, постулируют проживание быка вида *Bos primigenius* в регионе формирования индоевропейской языковой общности [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, т. 2, с. 519–520; Сафронов, 1983, с. 51]. С другой стороны, очень многие лингвисты отстаивают семитское происхождение термина. Тогда получается, что необходимо или прародину индоевропейцев переносить ближе к регионам расселения семитов или считать этот термин исконно индоевропейским.

Представляется, что и тут решение вопроса может быть гораздо более сложным. Заимствовать в таком объеме семантику достаточно сложно, поэтому в этом можно видеть переживание общих процессов. Хотя отметим, что воспроизводство данного семантического поля достаточно логично и в родственных языках при схожих мифологических представлениях должно было происходить достаточно легко.

И все-таки близость части индоевропейской и семитской традиций на лингвистическом и мифологическом уровнях велика. Но если не полагаться на прямое заимствование, то в этом случае необходимо искать общий источник для обеих языковых групп из гораздо более раннего языка, который некогда существовал в малоазиатском регионе.

Совершенно особую роль в истории Ближнего Востока, да и всей цивилизации сыграла культура Чатал-Гююка, располагавшаяся в долине в предгорьях Тавра, как его будут называть далекие потомки жителей поселения. Это было самое крупное неолитическое поселение (12–13 га по территории) на всем Ближнем Востоке в период второй половины VII – первой половины VI тыс. до н. э. Разместившееся в плодородной долине оно выполняло роль столичного поселения, которое контролировало на тот момент исторического развития значительную территорию. В долине располагались еще 22 земледельческих поселка поменьше. Жители Чатал-Гююка и прилегающих поселков одними из первых в истории человечества перешли к производящему хозяйству – земледелию и скотоводству.

Водился в здешних горах уже хорошо знакомый нам *Bos primigenius*. Охота на него была важной отраслью хозяйства Чатал-Гююка [Мелларт, 1968, с. 85]. Хотя основой стада были козы и овцы, некоторые ученые полагают, что именно в Чатал-Гююке, возможно, было положено начало приручению крупного рогатого скота [Массон, 1983, с. 52].

В Чатал-Гююке процветала религиозная жизнь, причем мифология была очень развитой, о чем свидетельствуют многочисленные храмовые сооружения, с которых по прихоти судьбы и начались раскопки. Они существовали на протяжении всей тысячелетней истории поселения, олицетворяя преемственность религиозных и мифологических представлений [Мелларт, 1968, с. 88–89]. Храмы Чатал-Гююка – на редкость богатый и редчайший в своей обильности источник по религии неолита. Главным божеством считают богиню,

олицетворявшую цикл жизни и плодородия, которая принимала вид молодой женщины, матери и старухи. Ритуалы Чатал-Гююка были направлены на возобновление плодородия с помощью этой великой богини-матери [Burkert, 1979, с. 55, 120]. Возможно ее культ связывался с подземным миром и пещерами [Мелларт, 1968, с. 89]. Паредром богини было мужское божество. Нередко его изображали сидящим на быке. Поэтому считается, что бык был посвящен или еще каким-то образом отождествлялся с этим божеством [Мелларт, 1968, с. 89–90]. Значительно чаще антропоморфный облик имела только богиня, а бог изображался в виде бычьей или бараньей головы. Нередки сцены рождения богиней бычьей или бараньей головы [Мелларт, 1968, с. 91]¹. Но и сам образ головы быка был связан с загробным миром.

Археологи открыли немало храмов, обильно украшенных символами тура и прежде всего его черепами с рогами. При этом нельзя не отметить, что фасады многих из этих храмов Чатал-Гююка, раскинувшегося буквально в предгорьях Тавра, открывали панораму величественных гор и были украшены большими красными и черными изображениями быков [Мелларт, 1968, с. 94]. Такое совмещение само по себе очень показательно.

Вообще использование передней части черепа барана и особенно часто быка является может быть самым характерным приемом в системе украшений храмов Чатал-Гююка [Мелларт, 1968, с. 91–93]. Скорее всего, это был важнейший оберег для жителей поселения, который призван был защитить их от зла².

Хотя немного позднее Дж. Мелларт усматривал потерю популярности культа мужского божества, связанного с образом быка. Он увязывал этот процесс со снижением доли охоты в хозяйстве Чатал-Гююка и последующих неолитических культур [Мелларт, 1968, с. 94–95]. Однако в конце VI – V тыс. до н. э. на территории халафской археологической культуры на широком пространстве к востоку от Малой Азии, куда переместился центр развития неолитического хо-

¹ Сюжет, объединявший изображения быка и женщины (в упрощенной схеме – женщина и рог быка) был знаком еще палеолитическому искусству [Фролов, 1993, с. 27]. Так и в Чатал-Гююке сочетание изображений женской груди и бычьих рогов рассматривают как символы жизни [Мелларт, 1968, с. 92].

² Впоследствии подобный обычай вывешивать черепа животных в виде оберегов существовал у многих народов, в том числе и у славян.

зьяства, мы вновь встречаем в росписях на сосудах огромные по масштабу исполнения рога дикого быка, сцены охоты на него, бычьи и бараньи головы [Мелларт, 1968, с. 115–116]. Предположительно эта символика представляла мужское плодородие.

Как всякое явление религиозной жизни, «бычья» мифология была консервативна, что мы наблюдаем на протяженном историческом этапе в ближневосточном регионе. Но не менее консервативна всегда и религиозная лексика. Вполне вероятно, что древнейшая религиозная традиция Чатал-Гююка потом была воспринята и повлияла на многие религиозно-мифологические системы Ближнего Востока, как семитские, так позднее и индоевропейские¹.

Подобная гипотеза об общем лингвистическом источнике для семитских и части индоевропейских языков и мифов может объяснять их значительное сходство и древность в отношении образа и мифологии быка. Этим источником для обоих как раз могла быть цивилизация Чатал-Гююка с ее развитыми религиозными культами, успешной domestikацией и т. д.

¹ Давно обратили внимание, что в греческих ритуалах принесения в жертву быка проглядывает религия Чатал-Гююка с ее священными ритуалами охоты на быка, к которым они восходят [Burkert, 1979, с. 54–56, 119–120]. При этом крупнейший английский исследователь греческой религии В. Буркерт сделал важное замечание о такой борьбе с быком, что «по мере уменьшения практической значимости возрастало символическое значение» подобных ритуалов [Burkert, 1979, с. 55]. Место диких животных начали занимать одомашненные особи, однако ритуал продолжал искусственно воспроизводить ситуацию охоты именно на «дикое» животное, не годное к пахоте и употреблению в домашнем хозяйстве [Burkert, 1979, с. 55–56]. О других возможностях сохранности палеолитических сюжетов в греческой мифологии смотрите [Burkert, 1979, с. 29–34].

Глава 7

НЕУКРОТИМЫЕ ПРОТИВНИКИ РИМА

Контакты со скифами относятся в основном к периоду бытования на землях Южной Беларуси милоградской археологической культуры. Влияние иранского мира, а через него и влияние восточно-средиземноморской культуры ощущалось и позднее. Мы уже отметили, что эти импульсы достигли и славянской культуры.

Но только ли восточное влияние со стороны скифских и других иранских племен было определяющим для политических, социальных, культурных и, наконец, религиозно-мифологических процессов на землях Припятского Полесья. Ведь говоря об индоиранском и скифском влиянии на предков славян, нельзя не отметить, что не меньшее влияние на них оказывали и центральноевропейские территории.

Еще в неолите в V–III тыс. до н. э. устанавливаются тесные взаимосвязи земель современного белорусского Полесья с буго-днестровским регионом современной Украины¹. Древнейшая культура гребенчато-накольчатой керамики (или днепро-донецкая) в Полесье возникает именно под культурным влиянием буго-днестровского археологического ареала [Исаенко, 1976, с. 109–115, 127]. Именно оттуда были заимствованы и приспособлены приемы производства керамики [Исаенка, 1997, с. 142–143]. В свою очередь буго-днестровский ареал подвергался активному центральноевропейскому культурному воздействию.

Начиная с бронзового века контакты южнобелорусских, полесских и североукраинских, волинских районов становятся особенно

¹ Хотя еще значительно ранее первые проникновения населения на территорию Беларуси также шли через бассейн Припяти [Загорульский, 1996, с. 12–13].

тесными. В целом через волынские земли на Полесье активно осуществлялось влияние центральноевропейских культурных традиций, свидетельством чего служат материальные находки генетически связанных с этим ареалом археологических культур. Так тшцинецкая археологическая культура бронзового века западного и центрального Полесья в XV–XI вв. до н. э. входила в комплекс тшцинецко-комаровско-сосницкой общности [Крывальцевіч, 1995, с. 7]. Территориально эта археологическая общность охватывала ареал современных Центральной и Южной Польши, Южной Беларуси, Северо-Западной Украины. Уже тогда особо тесные и устоявшиеся контакты Волыни были налажены с Западным Полесьем. Этому объективно способствовала географическая ситуация – многочисленные реки, впадающие в Припять с юга. Отношения с Восточным Полесьем были относительно слабые, кроме одного исключения – туровско-мозырской группы тшцинецкой культуры [Крывальцевіч, 1997, с. 339]. Далее за этими территориями западное влияние на тот момент заметно слабело.

Важной особенностью процесса тесных взаимоотношений внутри этого археологического комплекса ученые считают экономические связи, как, например, заинтересованность полесских территорий в получении импорта из юго-западных областей [Крывальцевіч, 1995, с. 29; Мельниковская, 1967, с. 153].

Ведь именно в это время появляется новая хозяйственная потребность. Около 1800 г. до н. э. Балканская и Придунайская Европа знакомится с производством бронзы. Скоро бронзовые изделия, а затем и сырье для их изготовления стали одним из важнейших импортируемых товаров. Например, самая ранняя металлическая вещь, найденная на территории Беларуси, причем на севере, – обломок медного шила – была сделана из трансильванской меди [Зайкоўскі, Цыркунова, 1995, с. 57].

Безусловно, сразу проявилось стремление местного населения освоить навыки бронзолитейного производства. Но белорусские земли, как и территории всей Северо-Восточной Европы, лишены сырья для изготовления бронзы. Эти факторы предопределили жизненную важность тесных торговых контактов с регионами, где было сырье и уже существовали необходимые для изготовления бронзы традиции.

Такой регион располагался в относительной близости. В середине II тыс. до н. э. в Прикарпатье с западной стороны этих гор, на территории современных Венгрии, Румынии, Словакии развивается ото-

манская, или по классификации венгерских археологов, фюзешабонская археологическая культура. Именно носители этой культуры усваивали традиции более развитых областей Балканского юга. Одним из важных достижений отоманской культуры стала именно адаптация навыков металлургии бронзы, которые отсюда распространяются в районы Закарпатья и далее в Восточную Европу [Седов, 2002, с. 41; *Gedl*, 1980, с. 407–409]. Здесь появляются даже первые железные предметы. Через территорию этой археологической культуры прошли и торговые связи Балканской Европы с землями современной Беларуси и Северной Украины. Сырье цветного металла шло из района современной Трансильвании. Перевалив Карпаты, по правым притокам Припяти оно доставлялось в Полесье. Далее по Днепру, Сожу, Ипути и Десне торговый путь достигал территории современной Смоленщины [Мядзведзеў, 1997, с. 21].

Таким образом, уже в древности связи с областями Центральной Европы не были чем-то исключительным для белорусских земель. Еще в бронзовом веке возникли устойчивые и стабильные торговые пути, связавшие их со многими центральноевропейскими регионами. Это способствовало ускорению экономического и социального развития на наших землях.

Безусловно, что в древности «довольно часто внешние влияния были причиной (или просто служили толчком) для начала изменений в культурном развитии» [Мядзведзеў, 1997, с. 21]. Новый сильнейший импульс для развития белорусские земли получили несколько позже, когда на всю Центральную Европу стали оказывать мощнейшее культурное воздействие племена кельтов.

Этнические и культурные особенности кельтов формировались в период археологической культуры Гальштатт (около 800 – 450 гг. до н. э.), которая в то время распространилась в регионе Верхнего Дуная: на территориях современных Австрии, Баварии и Богемии. Ее яркой особенностью был обычай насыпать погребальные курганы. Этот обряд незадолго перед этим начал распространяться в Центральной Европе. В пределах гальштаттской культурной общности появились и богатые погребения, связанные безусловно с выделением в обществе не только знати, но и удачливых и влиятельных военных предводителей. Военные успехи привели племена в движение. В VI в. до н. э. гальштаттская культура распространилась на Верхний Рейн (современные территории Северной Швейцарии и Восточной Франции).

По мнению современных специалистов, уже можно говорить собственно о кельтах в VII–VI вв. до н. э. [Тиханова, 1974, с. 9]. Именно к этому времени, судя по всему, относится и первое упоминание об этих племенах, попавших в зону внимания античных авторов – хотя определить точную дату первого контакта проблематично. Многие ученые считают, что латинский автор III–IV в. н. э. Руфий Авийен, живший в Северной Италии, собрал в своем географическом труде древние греческие описания средиземноморского побережья начала VI в. до н. э. Он свидетельствует проживание кельтов рядом с греческой колонией Массилией (совр. Марсель) вблизи от устья реки Родан (совр. Рона) [Авийен Руф. Описание 639; Диллон, Чедвик, 2002, с. 13; Широкова, 2000, с. 42, 77–78]. Не вызывают сомнений сведения греческого автора Гекатея Милетского, писавшего в конце VI в. до н. э. и известного нам по поздним пересказам. Описывая страны Европы и Азии, он сообщает, что кельты проживают на средиземноморском побережье современных Франции и части Испании [Диллон, Чедвик, 2002, с. 13]. О борьбе кельтов и лигуров за господство на этих территориях в тот момент указывает и археология [Калыгин, Королев, 1989, с. 98].

Приблизительно около 450 г. до н. э. без видимого разрыва в культурной традиции начинается новый этап развития кельтских племен, названный по наименованию населенного пункта в Швейцарии Ла Тен латенской археологической культурой (450 г. до н. э. – начало нашей эры). Археологи делят его на несколько периодов: ранний – 450–250 гг. до н. э., средний – 250–75 гг. до н. э., поздний – 75 г. до н. э. – начало нашей эры [Седов, 2002, с. 80; Еременко, 1997, с. 9–28].

Ученые давно и однозначно отождествили латенскую археологическую культуру с этнически оформившимися историческими кельтами. Именно латенский период стал временем наивысшего могущества кельтов, когда их отдельные племена передвигаются практически по всей широте европейского континента.

В начале своей экспансии кельты расселяются на территории Пиренейского полуострова. Затем – в Галлии и на Британских островах. В самом конце V в. до н. э. кельтские племена расселяются на территории Среднедунайской низменности (территория современной Западной Венгрии). Одновременно другие многочисленные их группы переселяются в Северную Италию и закрепляются в долине реки По вплоть до отрогов Апеннинских гор. Кельты превращают маленькое поселение Медиолан (совр. Милан) в крупное городское

образование [Ливий V, 34, 9]. Название города, которое переводится как «равнина середины» [Широкова, 2000, с. 174], отражает кельтские представления о нем как о центре обитаемого мира.

В 335 г. до н. э. кельты, уже проживавшие на берегу Адриатического моря и стоявшие на пороге Балканского полуострова, посылают посольство к царю Македонии Александру Великому. На левом берегу Дуная в пределах современной Румынии посланцы заключают договор с Александром Македонским [Zirra, 1976, с. 8; Щукин, 1994, с. 82]. Страбон считал необходимым записать дошедший до него через 300 лет горделивый ответ послов великому царю. «Царь оказал им дружеский прием и во время пирушки спросил, чего они больше всего боятся, полагая, что те ответят: «его». Но кельты отвечали, что их ничего не страшит, разве только если небо упадет на них; хотя, конечно, дружбу такого человека как он, они ценят выше всего. Вот доказательства прямоты варваров» [Страбон VII, 3, 8]. Результатом заключенного договора стало достаточно длительное полувековое относительное спокойствие кельтских племен на македонских границах в Балканском регионе.

Развиваясь практически параллельно с римской цивилизацией, кельты в IV в. до н. э. стали ее главными соперниками на севере. Римляне называли кельтов галлами, и это название получило достаточно широкое распространение. Хотя еще Геродот в середине V в. до н. э. знает самоназвание этого народа – *κελτοί* [Геродот II, 33; IV, 49]. Цезарь также потом свидетельствует, что галлы сами называют себя *Celtae* [Цезарь I, 1].

В 390 г. до н. э.¹ кельтские племена под руководством «царька»² Бренна начинают поход на Рим. Им удалось разгромить римскую армию и захватить почти весь город, кроме укреплений Капитолийского холма. Возможно в этот момент кельты продвинулись до Сицилии [Szabó, 1971, с. 76]. Судьба римской цивилизации повисла на волоске, и, как известно по легенде, была спасена в тот момент гусями, разбудившими глубокой ночью проспавшую охрану Капитолия. Рим сумел устоять, видимо, откупившись от завоевателей. Но на протяжении этого столетия войны Рима с кельтами носили скорее оборонительный характер для Вечного Города. Полибий зачаро-

¹ По другим расчетам в 388–387 гг. до н. э.

² Так его потом пренебрежительно называли римляне.

ванно передает нам впечатления от войн римлян с кельтами: «Ни одна из описываемых историками войн не сравнится с этой по безумной отваге сражающихся, по количеству битв, по множеству участвовавших в них и убитых» [Полибий II, 35, 2].

Еще через сто лет в начале III в. до н. э. новые волны кельтов проникли из-за Альп, и, соединившись со своими сородичами, проживавшими в долине реки По, начали новый поход на Рим. Но Рим за прошедшее столетие превратился в мощную военную силу, уже подчинившую себе весь Апеннинский полуостров. Теперь он был в состоянии кардинально переломить положение, чтобы устранить страшную и до этого момента постоянную угрозу с севера. В 296 г. до н. э. римляне сумели на голову разгромить кельтов, продвигавшихся к Вечному Городу. А в 283 г. до н. э. они нанесли им еще одно поражение. В результате первая римская колония была выведена на населенную кельтами территорию [Полибий II, 19, 12]. Эти события ознаменовали начало наступления Рима на кельтские земли. Но мощь кельтов вовсе еще не была подорвана. В тот момент успех Рима можно назвать локальным – победитель исторического столкновения отнюдь еще не был выявлен.

Наоборот, представляется, что в III в. до н. э. племена кельтов были полны сил и готовы к новым территориальным приобретениям. Некие внутренние импульсы вновь и вновь приводили их в движение. Кельтская цивилизация достигла наивысшего могущества.

После своих недавних неудачных столкновений с Римом кельты четко оценили изменение международной обстановки в Южной Европе III в. до н. э. В противоположность усилению Рима они осознали начало ослабления эллинистических государств вскоре после смерти Александра Македонского.

Их главный удар приходится теперь на Балканы. В 279 г. до н. э. сюда устремляются племена из самых глубин кельтского мира под предводительством Бренна¹. Племя белгов, объединившее этот поток, покинуло рейнские земли. Эта миграция с Рейна отмечается археологами [Szabó, 1971, с. 15]. Племя тектосагов двинулось из-под Толосы (совр. Тулуза). Считая на своем пути препятствия, эти племена прошли пол-Европы, чтобы пожить богатствами Эллады.

¹ Удивительно, но два завоевателя носили одинаковое имя.

В 278 г. до н. э. орды Бренна захватили, начисто разграбили, а затем сожгли самое почитаемое и богатейшее святилище греческого античного мира – Дельфы. Только полное напряжение сил дало возможность македонцам и грекам остановить дальнейшее продвижение кельтов в Элладу и нанести им поражение. Кельты отступили. Но вновь это поражение не было знаком их полного разгрома. Кельтские племена, организованно отступив, заселили часть земель Балканского полуострова. Почти на столетие они основали собственное королевство на фракийских равнинах рек Марицы и Тунжи (277 или 276–193 гг. до н. э.) [Szabó, 1971, с. 78; Zirra, 1976, с. 8–9].

Еще до разгрома Дельф от общего потока откололись несколько вождей, которые двинулись на восток. Завоеватели переправились в Малую Азию и выжгли греческие города на средиземноморском побережье. И здесь местные эллинистические правители с трудом справились с ними. Кельты переселились в район вокруг Анкиры (совр. Анкары), который получил свое новое название по имени этого народа – Галатия¹. 50 лет они наводили страх своей воинственностью на окружающее население².

Еще одна часть армии завоевателей повернула в сторону Дунайской низменности. Отдельными вкраплениями кельты в это время расселяются на территории современной Румынии. Крупная группировка кельтов расселилась на севере этой страны [Woźniak, 1974, с. 31–64; Zirra, 1976, с. 10]. Племя бритологов по упоминанию александрийского ученого II в. н. э. Клавдия Птолемея [Птолемей Клавдий III, 10, 7] занимало земли современной Молдовы и Бессарабии, а в низовьях Дуная существовал кельтский город Новиодунум [Пто-

¹ Галатами с III в. до н. э. античные авторы называли кельтские племена в Восточной Европе, чтобы отличать их от галлов на западе континента [Широкова, 2000, с. 6]. Страбон специально упоминает: «Все племя, теперь называемое галльским или галатским...» [Страбон IV, IV, 2], указывая на этническую идентичность этих понятий.

² Стоит отметить тот факт, что кельтский язык здесь использовался еще в IV в. н. э. Так, Святой Иероним (331–420 гг. н. э.), давая свои комментарии к «Посланию к галатам» апостола Павла, отмечает, что язык галатов Малой Азии подобен языку треверов (район современного г. Трир в Германии). «Иероним в данном случае основывался на личном опыте: в Трире он жил в 370 г., в Галатии побывал в 373–374 гг., а комментарий датируется обычно 386–387 гг.» [Калыгин, Королев, 1989, с. 101].

лемей Клавдий III, 10, 2] (совр. Исакача на правом берегу Дуная) [Браун, 1899, с. 126–128; Карышковский, 1971, с. 54; Woźniak, 1974, с. 22–23; Zirra, 1976, с. 10]¹. Многие ученые считают, что на основании данных Клавдия Птолемея можно говорить еще об одном кельтском названии в регионе Нижнего Дуная как раз напротив Новиодунума – городе Алиобрикс, [Карышковский, 1971, с. 54; Мачинский, 1973, с. 54]. Возможно, память о пребывании кельтов-галатов сохранило и современное название румынского города *Galafi* (рус. написание Галац) [Мачинский, 1973, с. 54, 57].

Декрет из Ольвии в честь Протагена (вторая половина III или рубеж III–II вв. до н. э.) [Книпович, 1966; Карышковский, 1971, с. 38, прим. 11] упоминает галатов как народ варваров, который проживал где-то на западе от Ольвии [Мошкова, 1989, с. 155]. Кельты появляются под стенами Ольвии, наводя ужас на местные племена. «Галаты и скиры (германское племя. – А. П.) составили большие силы» для нападения на Ольвию. «Фисаматы, скифы и савдараты ищут укрепленные места... боясь жестокости галатов» [цитата по: Мачинский, 1973, с. 52]. Именно с бритолагами сопоставляет упомянутых в декрете в честь Протагена галатов П. О. Карышковский [Карышковский, 1971, с. 54]. Появление кельтов под стенами греческого города Ольвии является самым восточным пунктом их продвижения в данном регионе Европы, который засвидетельствовали античные источники. Их прорыв в Северное Причерноморье с запада практически совпал с наступлением сарматов с востока.

Но наиболее плотно кельты, отступавшие с Балкан, заселили территории Среднедунайской низменности, где уже более ста лет проживали их соплеменники. Карпатская котловина стала оплотом кельтского влияния на востоке Европы в III – середине I в. до н. э. [Szabó, 1971, с. 16]. Фактически здесь доминировали три племенных федерации, политически объединенных вокруг трех кельтских племен [Szabó, 1971, с. 17]. Юг среднедунайской низменности (совр. территории Северной Сербии и Южной Венгрии) контролировало племя скордисков [Ливий XL, 57, 7]. Они основали поселение Сингидун (совр. Белград) [Диллон, Чедвик, 2002, с. 19; Jovanović, 1976, с. 81]. Среди скордисков был силен и местный иллирийский компонент, относительно близкий кельтам по языку и культуре. Кельтское племя

¹ Новиодунум – «новый город». Это название зафиксировано еще для городских поселений в Галлии в землях племен гельветов и дьяблингов.

бойев доминировало на севере вплоть до Карпат (современные территории Чехии и Северной Венгрии). Влияние кельтов перехлестнуло через Карпаты в Силезию на территорию современной Польши, где они расселились среди местных племен [Lowmiański, 1964, I, с. 193–194; Woźniak, 1970, с. 186–192; Cedov, 2002, с. 79, 86–88, 99; Rosen-Przeworska, 1979, с. 59–75]. За Дунаем в Восточно-Карпатском регионе (современные территории Северо-Восточной Венгрии и Южной Словакии) установилась гегемония кельтского племени таурисков. Судя по всему, они контролировали племенную федерацию, в которую входили кельтские и некельтские по происхождению племена [Szabó, 1971, с. 16].

Удивительная (хотя и не исключительная) подвижность кельтских племен, достигших отдаленных уголков Европы не может не восхищать. К середине III в. до н. э. кельтские племена расселились от Атлантического океана до Черного моря. Но эти многочисленные и многолюдные племена никогда не составили политического единства, как никогда не преодолели свои межплеменные противоречия. Военные предводители, появившиеся еще в период гальштаттской культуры, только на короткое время объединяли некоторые племена кельтов. Возвышение таких предводителей было связано с ведением военных действий и широкими завоевательными продвижениями. Но власть их оставалась непрочной. Возникавшие иногда государства под руководством некоего выдающегося вождя после его смерти неминуемо распадались, предопределяя политическое и военное превосходство Рима. Племенные идеалы свободолюбия и независимости постоянно брали верх. В итоге общество кельтов всегда продолжало существовать в виде отдельных племен, которые нередко сталкивались между собой.

Не стоит считать, что успех широкой кельтской экспансии в Центральной и Западной Европе был результатом исключительно дикости и воинственности этих племен. Хотя в воинственности им действительно сложно отказать. Обвинения же кельтов в дикости и варварстве исходили от их главных противников – римлян.

Правда, к сожалению для кельтов, именно по римским описаниям историки долгое время восстанавливали прошлое Европы. Благодаря работе археологов стало ясно, что многое надо пересмотреть в этом римском стереотипе.

Важнейшей чертой кельтской экспансии было то, что она осуществлялась, в отличие от часто бытующего мнения, не только и даже,

видимо, не столько военным путем. Кельты несли с собой собственную достаточно высокую культуру, которая воспринималась населением на гораздо более широком пространстве, чем просто покоренное ими.

Надо отметить, что кельтская культура стала одним из самых выдающихся феноменов Европы, который благодаря стараниям археологов все больше раскрывается перед нами. Ее расцвету содействовало тесное взаимодействие с ведущими европейскими культурами того времени: с достигшей Дуная скифской и шире с индоиранской степной культурой и особенно с греческой, а затем и с римской античной культурной традицией. Взаимоотношения с греками установились еще с момента основания греческой колонии Массилии около 600 г. до н. э. Влияние греческого античного искусства дало мощный импульс культурного развития кельтов. Кельтские ремесленники создали неповторимый художественный стиль, ставший популярным по всей Европе и объединявший ее в то время, опосредуя или предшествуя последующему римскому влиянию. «От Галатии в Малой Азии на северо-запад до Шотландии и на юг до Андалузии в III в. до н. э. можно было путешествовать, не покидая кельтской территории. И хотя это не была империя, но единое культурное пространство» [Диллон, Чедвик, 2002, с. 37].

Причем пространство это не было этнически однородным. Кельтская культура доминировала на тот момент среди племен Европы к северу от Альп. Через кельтов северные племена познакомились тогда с достижениями сельского хозяйства средиземноморских регионов. Удивительно то, что и высокоцивилизованные римляне не стали исключением и заимствовали у кельтиберов форму меча. Очарование и притяжение кельтской культуры было столь велико, что на Европу варваров упала «кельтская вуаль» – все эти племена пользовались кельтскими предметами материальной культуры. Поэтому археологам часто даже сложно по археологическим свидетельствам отделить разные этносы, проживавшие здесь в то время. Так, например, обстоит дело с германцами, которые использовали вещи латенской материальной культуры [Еременко, 1997, с. 55–56, 87–105, 165–167; Славяне, 1990, с. 325]. Причем это влияние кельтов на германскую культуру в какой-то момент было всеобъемлющим. Поэтому германские племена этого периода по археологическим данным определяются достаточно плохо. Эту внешнюю близость заметили уже античные авторы: «Области за Реном (Рейном. – А. Л.), обращенные

Последние мало отличаются от кельтского племени: большей дикостью, рослостью и более светлыми волосами; во всем остальном они схожи; по телосложению, нравам и образу жизни они таковы, как я описал кельтов. Поэтому, мне кажется, и римляне называли их “германцами”, как бы желая указать, что это “истинные” галаты. Ведь слово *germani* на языке римлян означает “подлинные”» [Страбон VII, I, 2].

Поэтому со времен античности и до сих пор не умолкают споры об этнической принадлежности многих племен, как, например, проживавших по Рейну [Широкова, 2000, с. 136]. Еще одним «спорным» племенем являются бастарны, о которых речь пойдет ниже.

Многие народы щедро черпали из достижений кельтской культуры. Кельты оказали культурное влияние не только на германцев, но и на другие племена Восточной Европы, в том числе и на славян [Rosen-Przeworska, 1976; Rosen-Przeworska, 1979; Славяне, 1990, с. 325; Седов, 2002, с. 79–95]. Это влияние проявляется в лингвистических контактах кельтских и славянских языков. Археологи же отмечают некоторое влияние кельтов на славянскую материальную культуру, причем зон подобного взаимодействия могло быть несколько.

Правда, говоря о кельтском влиянии на славян, различные исследователи указывают на различные археологические культуры, где это воздействие было возможно. Это удивительный аргумент, который показывает всеохватность культурного воздействия этого народа в тот период на европейскую ойкумену. Чаще всего предметом внимания в этом отношении были земли Силезии, где кельтское присутствие было несомненным. Как на возможную зону взаимодействия кельтов и предков славян можно указать на территорию зарубинецкой культуры, которая занимала и полесские регионы современной Беларуси.

Глава 8

КЕЛЬТЫ И ЗАРУБИНЦЫ

Первые контакты населения современных белорусских земель с кельтами наметились еще в период милоградской культуры. Основная роль в связях с западом по-прежнему принадлежала уже традиционному торговому пути по Припяти и далее по Днепру. В милоградский период формируется его продолжение – торговый путь на север и восток по реке Сож [Мельниковская, 1967, с. 151]. С запада поступали булавки, витые гривны, серьги, ажурные бляхи [Мельниковская, 1967, с. 152]. На западе этот торговый путь достигал Ютландии [Bukowski, 1979, с. 202].

Уже в начальный период латена в конце V в. до н. э. в пределах распространения милоградцев появились браслеты раннелатенского типа [Лошенко, Барцева, 1995, с. 97], а с IV в. до н. э. – булавки для одежды [Дробушевский, Лошенко, 1995, с. 35]. Найдены у милоградцев на территории современной Беларуси и другие единичные раннелатенские вещи: фибулы, браслеты, стеклянные бусины, топоры-кельты, железные наконечники копий, мотыга с двумя боковыми выступами. Однако их немногочисленность указывает на спорадичность контактов именно с кельтами в общем, достаточно активном, товарообмене с другими районами Центральной Европы. И все-таки некоторые исследователи приводят как важный аргумент в подтверждение тесных контактов то, что на милоградских поселениях найдены почти все виды кельтских «импортных» изделий [Еременко, Залашко, 1995, с. 131]. Существовали связи милоградцев с латеном и в керамике. О. Н. Мельниковская считает, что некоторые милоградские пряслица были выполнены в форме кельтских сосудов, которые были взяты за пример [Мельниковская, 1967, с. 153–154].

Совершенно особняком стоят три клада превосходных кельтских браслетов на милоградской территории в Среднем Приднепровье. Это два Горошковских (Речицкий р-н)¹ и Киселевский (Черниговская обл.) клады. Каждый из них содержит по несколько браслетов, которые близки по исполнению, сделаны из схожего состава сырья западного происхождения, что указывает на их одновременность [Еременко, Залашко, 1995, с. 130–131].

При этом собственное бронзолитейное производство у милоградцев уже существовало и отличалось размахом [Мельниковская, 1967, с. 143]. О. Н. Мельниковская [Мельниковская, 1967, с. 126, 144], а вслед за ней и многие современные исследователи [Лошенков, Барцева, 1995, с. 78–79] полагают, что милоградцы плавил бронзу прямо в домах, так как специальных мастерских у них не было обнаружено. Этим определяется достаточно низкий уровень обработки изделий, в которых встречается песок. Высококачественные изделия считают импортом [Лошенков, Барцева, 1995, с. 82–83]².

Основные бронзолитейные контакты указывают на запад: «Наиболее ощутимы в милоградской культуре, на наш взгляд, связи с западными и юго-западными областями» [Мельниковская, 1967, с. 152]. Прежде всего связь осуществлялась с балканским регионом латенского мира – со Средним Подунавьем. Как и раньше, металл в виде сырья поступал в милоградские районы, видимо, оттуда.

И это даже несмотря на сильное скифское влияние в области милоградской культуры, которое мы уже характеризовали ранее. С юга так же шла часть сырья. Но, кстати, и сами скифы нередко пользовались западным сырьем. Навершие для жезла с Зевсом-Папаем и колокольчиками из-под Днепропетровска сделано из западного сырья [Барцева, 1981, с. 63].

Таким образом, милоградцы ориентировались не только на скифскую и причерноморскую ойкумены, но имели тесные связи с Центральной и Западной Европой.

¹ Поселение располагается недалеко от городища Милоград, которое и дало название всей культуре.

² Все-таки проблема производства изделий из бронзы у милоградцев продолжает вызывать споры. Высказываются мнения об импортном характере всех бронзовых изделий, которые не могли производиться на месте [Лошенков, Барцева, 1995, с. 98].

Скоро на смену милоградцам приходит зарубинецкая культура. Время милоградской и особенно зарубинецкой культур стало временем активного включения белорусских земель в общеевропейские процессы. При этом заметно, что по мере затухания скифской политической активности постепенно становится преобладающим влияние из Центральной Европы. Именно в это время воинственные кельтские племена появились в районах, которые издавна осуществляли тесные торговые контакты с белорусским Полесьем.

На данный момент уже не вызывает никаких сомнений закрепление отдельных групп кельтов на восточных отрогах Карпатских гор – в Верхнем Приднестровье и на Волыни. По археологическим находкам к безусловно кельтским относят несколько поселений в районе Мукачево и Ужгорода, а также большие металлургические центры у сел Новоклинов и Галиш-Ловачка [Woźniak, 1974, с. 164]. Более того, «материалы поселения Галиш-Ловачка характеризуют его как один из крупнейших ремесленных и экономических центров латенской культуры Средней Европы последней четверти I тыс. до н. э.» [Бидзиля, Щукин, 1993, с. 70].

При этом до сего момента удрежнялись даты проникновения кельтов в Закарпатье. В последних работах первые возможные проникновения датируют концом V в. до н. э., а уже в IV в. до н. э. этот процесс стал постоянным. Наиболее интенсивно процесс инфильтрации шел в период кельтских завоеваний на Балканах и в Греции и большую часть находимых археологами кельтских вещей датируют периодом 320–190 гг. до н. э. Активность несколько падает в период 200 или 180–120 гг. до н. э. и уже практически замирает на отрезке 120–15 гг. до н. э. При этом производственные центры Новоклинов и Галиш-Ловачка, основанные в период активизации балканской экспансии, продуктивно действуют именно в позднем латене [Еременко, 1997, с. 34–35; Каспарова, 1981, с. 73].

Важное свидетельство кельтского проникновения – это находки кельтского оружия. Конечно же знаковой находкой в Закарпатье стали обнаруженные чеки от колес кельтских колесниц, которые они использовали в военном деле [Еременко, 1997, с. 30].

В результате к настоящему моменту фактически дебатруется только проблема интенсивности кельтской инфильтрации. Большинство современных исследователей сходятся в том, что это были относительно небольшие группы кельтов, которые интегрировались

в состав местного населения, но сохранили свою этническую идентичность [Щукин, 1994, с. 82; Седов, 2002, с. 79; Славяне, 1990, с. 18].

Характерно, что здесь шел процесс взаимовлияний. Например, местная кельтская керамика очень близка керамике местных археологических культур, в том числе и зарубинецкой [Мачинский, 1973, с. 57], что говорит о тесном переплетении культур.

И все-таки в Закарпатье мы сталкиваемся не с латенизированной, а собственно с кельтской, латенской культурой [Каспарова, 1981, с. 73]. Самой яркой характеризующей чертой считают наличие здесь классических кельтских оппидумов с металлургическими производственными центрами [Еременко, 1997, с. 36].

Большой интерес в связи с появлением кельтов на восточных склонах Карпатского региона представляет название города Галич и от него название региона – Галичская земля, Галичина, Галиция. Еще в XIX столетии была высказана догадка о связи этого названия с названием кельтов – галлы или галаты [Мачинский, 1973, с. 57].

Такое название часто встречается на границах проживания этого народа¹. В этом ряду можно привести названия: Галлия, которое употреблялось римлянами для разных территорий расселения западных континентальных кельтов – Транспаданская и Циспаданская Галлия в Северной Италии, Галлия Нарбоннская в Южной Франции и «косматая» Галлия – остальная территория современной Франции; область на Пиренейском полуострове Галесия (совр. Галисия в Испании); уже знакомая нам область в Малой Азии вокруг Анкары – средневековая Галатия; возможно город *Galafı* (рус. Галац) в Румынии; употребляемое в английском название Ирландии – Гэль, Гэллия; названия языков: древнеирландского до середины VI в. н. э. – гойдельский, шотландского языка с VI н. э. – гаэльский [Калыгин, Королев, 1989, с. 107–108, 187].

Таким образом, для земель в верховьях Днестра вопрос о присутствии кельтского населения, хотя и достаточно ограниченного, но компактно проживавшего, можно считать решенным. Другое дело, земли дальше на восток: проникали ли кельты далеко в глубь Вос-

¹ Это достаточно частый принцип в топонимике. Именно приграничное расселение какого-либо народа делало необходимым и возможным называть эти поселения по имени этого народа, чтобы отличать их от других. Сравните, например, частые названия в Беларуси: Полочане, Кривичи, Литва, Латыгола и т. п., фиксируемые именно по границе расселения этих племен.

точной Европы и более того – непосредственно на полесские территории. Археологи пытались найти следы кельтов и здесь, в равнинных районах Восточной Европы. Нельзя сказать, что их усилия оказались совершенно напрасными.

Ю. В. Кухаренко дал первую широкую современную подборку вещей латенского типа к востоку от Карпат и попытался обосновать кельтский характер некоторых погребений [Кухаренко, 1959]. Он уверенно высказался за проникновение отдельных, очень малочисленных групп кельтов к востоку от Карпат [Кухаренко, 1959, с. 42].

Российский археолог Д. А. Мачинский подверг критике отдельные его выводы [Мачинский, 1973, с. 58], но в целом поддержал идею инфильтрации немногочисленных групп кельтов до Днепра. Он привел наиболее веские аргументы [Мачинский, 1973, с. 52–63], которые на данный момент широко признаны. Он считает вполне вероятным проникновение отдельных групп кельтов в Восточную Европу еще в середине III – начале II вв. до н. э. [Мачинский, 1973, с. 56]. Особое внимание Д. А. Мачинский уделил погребению у деревни Залесье на правом берегу Припяти недалеко от ее впадения в Днепр (Украина) [Мачинский, 1973, с. 56]. Территория расположена на южном пограничье милоградской культуры. Это редчайший случай, когда погребение можно рассматривать именно как целостный кельтский погребальный комплекс с именно кельтскими, а не импортированными вещами. Причем, это достаточно раннее погребение, которое по раннелатенской фибуле датируют серединой III – началом II в. до н. э. [Мачинский, 1973, с. 56]. Само наличие такой ранней фибулы здесь представляется совершенно уникальным. Важнейшей деталью, отличающей это погребение, является похоронный обряд – трупосожжение и дальнейшее погребение останков в урне. Подобный обряд совершенно не характерен для местного населения этого времени, а у кельтов в тот момент он был популярен. Огромный интерес представляет собой и сама погребальная урна, резко отличающаяся от местного производства. Возможно она выполнена на гончарном круге или же сделана от руки, но изготовитель тщательнейшим образом подражал изделию классического латенского производства на гончарном круге.

Немного к югу от деревни Залесье располагается синхронное по времени погребение у деревни Липлява на левом берегу Днепра между устьями Трубежа и Сулы. Здесь в одном погребении найдены сразу две раннелатенские фибулы. Если учесть, что находки таких фибул

крайне редки в Восточной Европе в целом, то находка сразу двух в одном погребении дала возможность Д. А. Мачинскому связать это захоронение с кельтами [Мачинский, 1973, с. 56].

Поблизости, но на другом берегу Днепра у деревни Пекари найден вообще уникальный предмет, прямую связь которого с кельтским миром оспаривать трудно. Это небольшое (3×2,3 см) литое полое бронзовое изображение человеческого лица в ярко выраженном кельтском стиле [Мачинский, 1973, с. 56]¹. У изображения типично кельтская прическа – вьющиеся волосы, круглое лицо, крупные расширенные вверх выразительные глаза с опущенными внешними уголками. Исследователи относят находку к кругу латенских «голов»² или «масок» божеств, часто украшавших вещи. В ранний период такие изображения крепились на навершия мечей [Кухаренко, 1959, с. 40]. Удивительной параллелью к этой находке является обнаруженная на противоположном конце кельтского мира около г. Тарба на северо-западных склонах Пиренейских гор знаменитая маска божества³, которую датируют III или рубежом III–II вв. до н. э.

Ю. В. Кухаренко считает, что относительно массовое проникновение кельтского вооружения начинается после похода кельтов на Ольвию [Кухаренко, 1959, с. 42]. То есть с того момента, когда в конце III – начале II в. до н. э. они сами непосредственно появляются на соседних землях и продвигаются дальше на восток.

Среди предметов кельтского вооружения особенный интерес вызывают шлемы IV–III вв. до н. э. [Woźniak, 1974, с. 155–156]. Один из них найден даже у деревни Антиповка Воронежской области. Загадкой является то, что эти шлемы найдены в сарматских захоронениях, причем значительно более позднего времени – II–I вв. до н. э. Сейчас в этих шлемах видят военные трофеи сарматов, которые были захвачены ими в момент, когда два потока колонизации – сарматский с востока и кельтский с запада – встретились и столкнулись в преде-

¹ Тем не менее, некоторые специалисты высказывают сомнение в кельтской принадлежности этого предмета [Woźniak, 1974, с. 162].

² Для кельтов отрубленная человеческая голова была почетным военным трофеем и символом боевой доблести. Их привязывали к сбруе коней, к деревьям и т. д. [Страбон IV, IV, 6; Диодор Сицил. V, 29, 4–5; Rosen-Przeworska, 1976, с. 106–116, 182]. В кельтском искусстве мотив изображения отрубленной человеческой головы, которую приносили в жертву богам, был очень популярным.

³ Его иногда отождествляют с кельтским Беленосом.

лах Среднего Поднепровья в III в. до н. э. И только через какое-то время трофеи попадают в могильные комплексы [Виноградов, Марченко, Rogov, 1997, с. 102].

Свидетельством явного проникновения кельтских ремесленников считают уже упомянутые нами Горошковские и Киселевский клады. При этом Киселевский клад был обнаружен в торфянике, что говорит о его возможном votivном характере – он мог быть брошен в болото как жертва богам [Еременко, Залашко, 1995, с. 130–131]. Этот обычай был очень популярен у кельтов, а потом у германцев¹ и без сомнения может являться маркером этнической принадлежности жертвователя.

Сейчас выдвинута теория В. Мегоу, которая хорошо объясняет единство кельтского художественного стиля на всем протяжении латенизированных культур от Атлантики до Днепра. Суть ее в том, что кельтские ремесленники путешествовали на всем пространстве Европы, выполняя профессиональные заказы [Шукин, 1994, с. 16]. Именно такие «бродячие» кельтские ремесленники могли оставить Горошковские и Киселевский клады. Возможно они проникли далеко в глубь скифской территории в момент сближения скифской и кельтской политики на Балканах и установления союзнических отношений где-то в период 340–310 гг. до н. э. [Еременко, Залашко, 1995, с. 131], но возможно и в ходе продвижения собственно кельтов.

Отметим, что практически все эти отчетливо кельтские находки укладываются в период середины III – начала II в. до н. э. Есть и несколько более поздние свидетельства. В верхнем течении реки Западный Буг найдено два клада кельтских монет II–I вв. до н. э., которые Д. А. Мачинский связывает с кельтскими купцами [Мачинский, 1973, с. 59]. Это важный аргумент стабильности торговых связей в регионе. Открыв для себя эти районы, кельты впоследствии продолжали поддерживать с ними определенные взаимоотношения. Единичные кельтские вещи найдены вплоть до предгорий Северного Кавказа и у подмосковной Каширы [Woźniak, 1974, с. 144–145].

На наш взгляд, представляется очень интересным тот факт, что наиболее явные археологические следы кельтской дальней инфильтрации пока замечены именно в районе слияния рек Припяти и Днеп-

¹ У этих народов до 80 % всех приношений найдены в болотах или в источниках [Gardawski, Woźniak, 1979, с. 38; Пенник, Дэсонс, 2000, с. 213–214].

ра. Это может свидетельствовать о хорошем знании пришельцами геополитической обстановки в регионе. Обосновавшись в этом регионе, они оказались фактически в центре всей местной торговой зоны. Из этого важного стратегического пункта, соединявшего торговые пути на запад, на юг и на север, можно было их контролировать. Вполне логично предположить, что наиболее выгодным путем для столь дальнего кельтского проникновения была Припять.

Возможность проникновения кельтов за Карпаты не отрицают и лингвисты. Так, выдающийся российский лингвист О. Н. Трубачев после анализа названий рек Правобережной Украины [Трубачев, 1968] делает вывод о том, что в этом регионе существует несколько «островов» кельто-иллирийской гидронимии. Распределяются они неравномерно, и можно выделить несколько компактных регионов кельто-иллирийских названий. Самый крупный из них – на узком пространстве Верхнего Днестра [Трубачев, 1968, с. 279]. Еще один крупный «пучок» на ограниченном участке Припятского Полесья в регионе реки Случь притока реки Горынь (правый приток Припяти). Здесь несколько ярких названий: Отавин (Отавня), Тня (Тыня), Икопоть (Икопет или Икопец), Иква, Ипатва [Трубачев, 1968, с. 210–211, 254, 279]. Да и саму Горынь О. Н. Трубачев связывал с иллирийцами [Трубачев, 1968, с. 251]. От Горыни небольшое ответвление кельто-иллирийской гидронимии тянется к реке Тетерев. Усложняет анализ то, что восточнокельтские и иллирийские диалекты в Центральной Европе вымерли к настоящему времени, оставив нам минимум материала для исследования. Это лишает нас возможности более детального анализа.

О. Н. Трубачев объяснял наличие этих речных названий присутствием иллирийцев, а не кельтов, так как считал проникновение последних исторически невозможным и делал свой вывод по «преимущественной ориентации всего комплекса» [Трубачев, 1968, с. 279]. Уже Д. А. Мачинский аргументированно критиковал априорное нежелание признавать присутствие кельтов и показал, что к настоящему времени это не согласуется с данными современной археологии [Мачинский, 1973, с. 62]. При этом надо отметить, что и сам О. Н. Трубачев указывал относительно некоторых гидронимов, что их оболочка скорее кельтская, как, например, в случае с названиями Тня, Тыня, Отавин, которые он сопоставил с галльским *‘Artaunon* и несомненно кельтским названием горного хребта *Taunus* в современной Германии [Трубачев, 1968, с. 279]. Поэтому он считал, что это были скорее ил-

лирийцы, которые соприкасались с кельтами [Трубачев, 1968, с. 210–211]. В результате на данный момент можно констатировать, что О. Н. Трубачев зафиксировал названия рек из кельтского или иллирийского языков, но дать более точную атрибуцию пока нельзя. Другое дело, что характерно полное наложение «археологического» и «лингвистического» присутствия кельтов в Восточной Европе.

Таким образом, кельты еще до становления зарубинецкой культуры или именно в период этого становления побывали в Восточной Европе, продвинувшись вплоть до Среднего Днепра, где около устья Припяти найдены их погребения. Становление зарубинецкой культуры произошло в момент возвышения кельтов в Центральной Европе и их закрепления в Прикарпатье. Вся история зарубинецкой культуры, может еще не до конца ясными для нас нитями, оказалась органически связана с кельтской цивилизацией. Ее без всяких оговорок относят к кругу «латенизированных» культур, что предопределило ее яркую самобытность в этом регионе.

Ее хронологию в новейших обобщающих работах определяют последней четвертью III в. до н. э. – концом II или началом III в. н. э. [Егарэйчанка, 1999, с. 261–266]¹. Напомним, что именно этим временем датируют и присутствие кельтов на Среднем Днестре.

Зарубинецкая культура начинает формироваться в двух регионах практически одновременно: в Припятском Полесье и в Среднем Поднепровье. Только позднее она распространяется в белорусском Верхнем Поднепровье.

Эти три района и составили территориальный костяк данной археологической культуры. В значительной мере эта территория повторяла территорию расселения их предшественников – милоградских племен. Зарубинцы практически повсеместно захватывали и потом использовали укрепленные поселения милоградцев. На юге их территория также практически не выходила за границу лесостепи со степью, как и ранее, немногим южнее современного Киева.

Хорошо укрепленные городища зарубинцев раскинулись на огромном пространстве, которое вполне сопоставимо с крупным современным европейским государством. Но при этом заселенность территорий была крайне низкой. Зарубинцы селились практически

¹ Из других обобщающих работ, в том числе по хронологии укажем: [Славяне, 1990, с. 85–88; Максимов, Русанова, 1993, с. 34–36; Седов, 2002, с. 125–126, 136–141].

исключительно вдоль рек, а лесные пространства между реками не осваивались. По предположению некоторых исследователей, селились они племенами [Максимов, 1986, с. 17]. Племя строило несколько поселений на одной реке или в районе их слияния в пределах видимости одно от другого. Такое расположение объяснялось военными необходимостями – возможностью прийти на помощь в случае внезапного нападения врага [Славяне, 1990, с. 21]. Далее шла широкая полоса межплеменных территорий.

Отличия между отдельными группами или, возможно, племенами зарубинцев хорошо просматриваются в их материальной культуре. «Фактически каждый из исследованных археологических объектов зарубинецкой культуры содержит не только общеэтнические орнаментальные мотивы, но и свои родоплеменные, характерные только для данного поселения и могильника» [Поболь, 1983, с. 26]. Силу региональных особенностей все решительнее свидетельствуют многие исследователи [Каспарова, 1981, с. 58; Максимов, Русанова, 1993, с. 36–37; Егарэйчанка, 1999, с. 233–236, 243].

Политическую структуру племен зарубинецкой культуры пока сложно охарактеризовать с точностью. Однако ясно, что их политическое развитие было достаточно стабильным. Но был ли это единый союз племен под общим руководством; или несколько постоянных союзов племен, спаянных идеей этнической и культурной общности; или такого этнического и политического единства не было вовсе, а племена управлялись собственными вождями? Ответить на этот вопрос однозначно пока сложно.

Ясно одно – зарубинецкое общество было уже социально дифференцировано. Показателем этого процесса являются богато оснащенные погребения и, наряду с ними, совсем бедные. Не приходится сомневаться, что уже существовала знатная верхушка общества, сосредоточившая в своих руках политическую и экономическую власть. Таким образом, зарубинецкие племена сделали значительный шаг вперед в своем социальном развитии.

Вполне логично в этом плане предполагать и выделение военных предводителей, с которыми можно было бы связывать установление еще относительно непрочной верховной власти в племенах. Появление таких постоянных вождей-предводителей, конечно, как и всякая другая жизненная реалья, должно было найти отражение и в общей религиозно-мифологической картине мироздания.

Вначале зарубинецкие племена продолжали поддерживать достаточно тесные традиционные отношения с поздними скифскими культурами и греческими полисами Северного Причерноморья. Днепр оставался для зарубинцев главной связующей артерией с Причерноморьем [Славяне, 1990, с. 23].

На поселениях ранних зарубинцев по-прежнему, как и у милоградцев, археологи находят греческие стеклянные бусины, скифские вещи. Местная днепровская знать не отказывалась от потребления вина. Повсеместно распространены обломки эллинистической посуды, особенно греческих амфор, в которых доставлялось вино. Около современного украинского города Канева на Пилипенковой горе раскопана крупная торговая фактория, где вся территория поселения усыпана амфорными осколками [Максимов, 1969, с. 21; Егарэйчанка, 1999, с. 260]. На одном из ранних зарубинских поселений найден уникальный для Беларуси одновитковый браслет, характерный для скифов II–I вв. до н. э. [Дробушевский, Лошенко, 1995, с. 35].

Но и на ранних этапах существования зарубинецкой культуры не все ее регионы одинаково ориентировались на торговлю с Причерноморьем. «Исключение составляет территория Припятского Полесья, традиционно тяготевшая к северо-западу» [Славяне, 1990, с. 405]. Сюда практически не доходят вещи причерноморского импорта, как, например, греческая столовая посуда [Егарэйчанка, 1999, с. 260]. Практически замерли непосредственные контакты и с отступающими на юг скифами [Лоболь, 1971, с. 177]. При этом надо учитывать и то, что многие вещи скифского типа еще долго использовались и производились другими культурами даже после резкого сокращения ареала собственно скифской культуры пределами Крыма. Это относится, например, к ножам с горбатой спинкой, серпам скифского типа и к посоховидным булавам [Рассадзин, 1992, с. 67]. Поэтому наличие подобных вещей не может служить маркером прямых контактов скифов и зарубинцев [Рассадзин, 1992, с. 66–67], как это считали ранее.

Конечно, эта разница днепровского и полесского регионов была предопределена их географическим положением, связью торговли с речными магистралями. Земли по Днепру продолжали ориентироваться на Причерноморье, а земли по Припяти – на Центральную Европу [Славяне, 1990, с. 23]. Немалую роль играли и традиции культурных связей, которые издавна связывали Припятское Полесье, как мы уже показывали, с Центральной Европой.

В связи с общим изменением политического положения в степях Северного Причерноморья с приходом туда сарматов торговля испытала сильный удар и была на время дезорганизована. В этих условиях значение торгового пути по Припяти должно было вырасти. Как следствие должно было увеличиться торговое и политическое значение всего полесского региона для зарубинецкой культуры.

Экспорт кельтских и других центральноевропейских вещей осуществлялся по уже традиционному и активно эксплуатировавшемуся торговому пути, который проходил по Припяти из Центральной Европы и далее в Восточную. Начинался он в горах Трансильвании, где были месторождения цветных металлов, в которых остро нуждалась Восточная Европа, и шел на север к Карпатам. С Волыни и Южной Польши он пролегал по Припяти и далее по Днепру. Днепр давал возможность для дальнейшего движения на север и на юг. На юге экспорт с запада замыкался, по всей видимости, в зоне самой зарубинецкой территории. А вот на севере основным направлением распространения латенских вещей стала теперь река Сож, торговля по которой функционировала на протяжении последующего тысячелетия. Именно по Сожу кельтский экспорт и характерные для зарубинцев вещи попадали в Верхнее Поднепровье и далее в бассейн реки Оки [Мядзведзеў, 1997, с. 23, 26]. Земли Южной Беларуси соприкасались с сетью Янтарного торгового пути, шедшего от побережья Балтики в регионы античной цивилизации – в Грецию и Италию.

В любом случае, мы видим очень тесные связи с кельтским миром во II–I вв. до н. э. Это не удивительно, так как именно в этот момент кельтское присутствие в Прикарпатье стало постоянным и стабильным. В полесский регион начинают массово проникать вещи средне-латенской культуры. Связи зарубинцев с кельтами скорее всего не ограничивались Карпатами, а были установлены и с закарпатским регионом [Мачинский, 1973, с. 59; *Woźniak*, 1974, с. 147, 163–164].

Латенскому влиянию подверглись самые различные стороны жизни зарубинцев. Развитым было бронзолитейное производство. Только при достаточно бесперебойном поступлении сырья было возможно хотя бы относительно массовое производство вещей. Ведь все бронзолитейное производство в регионе работало на привозном сырье с юго-запада и отчасти с юга [Егарэйчанка, 1999а, с. 259].

А вот железа в белорусских землях хватало, и нужды в импорте сырья не было. Но и тут определяющее влияние на кузнечное дело

оказали приемы и навыки латенской и ясторфской культур [Каспарова, 1991, с. 22; Бидзиля, Щукин, 1993, с. 70–71].

Производство керамики также развивалось под влиянием кельтских форм [Кухаренко, 1959, с. 43]. Хотя этот вопрос достаточно сложен, так как традиции изготовления керамики в Европе с какого-то момента были универсализированы и отличались большой схожестью. Однако зарубинцы производили интересный тип посуды, которая, судя по всему, была изготовлена от руки, но в подражание сделанной на гончарном круге, который использовали кельты для изготовления керамики [Мачинский, 1973, с. 59]. Такую лощеную керамику обычно использовали в религиозных целях, оставляя ее с умершим в погребении, а в жизни население использовало простую груболепную посуду [Поболь, 1983, с. 26]. Указывают также на находку в полесских Велемичах произведенной кельтами на Волини керамики [Woźniak, 1974, с. 149].

Свидетельством кельтского влияния может служить и сельское хозяйство. В последние века I тыс. до н. э. произошел подъем сельского хозяйства у варварских племен Центральной и Восточной Европы. Этот прогресс был обусловлен кельтскими заимствованиями у средиземноморской античной цивилизации и передачей их другим племенам. Причем заметно и ослабление новаций по мере удаления от кельтских районов. Зарубинцы активно воспринимали сельскохозяйственные новшества. Интересное наблюдение – состав окультуренных растений у зарубинцев соответствовал набору растений поляншти-лукашевской культуры севера Румынии и Молдавии, где рядом расселились кельты [Славяне, 1990, с. 365]. Правда сказывалась и удаленность. У зарубинцев преобладали серпы латенских типов. Зато они так и не восприняли многие другие орудия труда, которые появились в Закарпатье с приходом туда кельтов. Или, по крайней мере, они не получили широкого распространения. Ведь в Среднем Поднепровье найдена коса позднелатенского типа. Около городища Уваровичи в Посожье обнаружена рабочая часть рала с железным наконечником [Дробушевский, 1992, с. 45]. А в торфянике около деревни Каплановичи Несвижского района обнаружено деревянное рало [Поболь, 1987, с. 117–128; Егорейченко, 1996, с. 50]¹. Это безу-

¹ Возраст этой находки точно не установлен, она может быть значительно более поздней.

словно говорит о знакомстве зарубинцев с пашенным земледелием [Максимов, Русанова, 1993, с. 31]. При этом А. А. Егорейченко отстаивает идею, что подсечно-огневое земледелие на тот момент попросту оставалось пока более продуктивным, чем пашенное на не очень плодородных полесских почвах [Егорейченко, 1996, с. 51].

Говоря о латенизации зарубинецкого населения, нельзя обойти вопрос о зарубинецком традиционном костюме. Ведь в древности именно внешний вид человека, его костюм были самыми важными маркерами его этнической принадлежности. Костюм создавал возможность быстро визуально опознать своего и чужого, узнать о них как можно больше: этническую принадлежность, возраст, социальное положение и т. д. Ношение костюма было всецело подчинено традициям. Одни и те же атрибуты костюма отличались у представителей разных родов и племен. Многие вещи можно было носить только с определенного возраста или, например, после вступления в брак или убийства первого врага. Костюм очень много говорил о человеке знающему наблюдателю.

Костюм зарубинцев выдавал их тесное общение с другими европейскими регионами. Он сочетал в себе элементы, популярные у кельтов, германцев, скифов, сарматов, балтов [Максимов, Русанова, 1993, с. 30–31; Дучыц, 1997, с. 101].

Но больше всего система украшений костюма заимствовала от кельтских и центральноевропейских образцов. Прежде всего это влияние проявилось в появлении большого числа кельтских украшений – фибул. Они служили для застегивания на груди или на плече одежды, чаще всего типа накидки или плаща. Появившиеся в бронзовом веке, фибулы стали почти на тысячу лет неотъемлемым предметом одежды практически во всей Европе варваров – кельтов, германцев, славян и балтов и т. д. Их любили и стремились украшать и разнообразить. Именно фибулы различались у различных родов и племен, как знак принадлежности.

Так как одежда состояла тогда из отдельных кусков ткани, накидок, покрывал и т. д., и все это надо было удерживать на теле, поэтому фибул и дополнявших их металлических булавок, шпилек и других скрепляющих предметов в одежде варвара той поры было очень много. Как и просто украшавших нашивок в виде колец или пластин. Иногда все эти предметы соединяли бронзовыми цепочками или даже цепями, что придавало костюму торжественную и замыс-

ловатую форму. Зарубинцы очень любили такие нагрудные украшения из бронзы или стекла.

Фибулы среднелатенских типов известны практически на каждом зарубинецком могильнике. Только в Чаплине найдено около 130 таких фибул [Лоболь, 1969, с. 103]. Часть подобных украшений и фибул попадали из Европы, часть, видимо, впоследствии производилась местными зарубинецкими мастерами в подражание кельтским оригиналам, но в соответствии с племенными вкусами отдельных групп зарубинцев [Дучиц, 1997, с. 99]. Использование именно латенских фибул стало одной из самых ярких особенностей зарубинецкой культуры, ее отличительным знаком от соседей на севере и востоке.

Очень популярны были браслеты латенских типов [Кухаренко, 1959, с. 36]. Реже встречаются кольца-подвески. Хотя и они, используя латенские примеры, изготавливались по местным образцам, например, со схематическим изображением маленьких птиц по внешнему краю [Кухаренко, 1959, с. 36]. Очень редким украшением являлись латенские браслеты из темного стекла. Известны только их единичные находки в Восточной Европе [Кухаренко, 1959, с. 36].

В целом зарубинцы вполне шли в русле передовой варварской европейской и прежде всего кельтской моды. Пожалуй главным отличием кельтского и зарубинецкого костюма было то, что у кельтов он был значительно богаче. Обычными у них были украшения из серебра и даже золота. Особенно кельты любили торквесы – очень массивные до полукилограмма, а иногда и более, шейные гривны изумительной работы. У зарубинцев не было торквесов, редки у них были цепи и пояса, очень мало браслетов сравнительно с Центральной Европой. Даже если такие единичные вещи встречаются, то они выполнены достаточно примитивно.

И все-таки на некоторые находки можно указать. Редкую находку дало погребение около деревни Отвержичи – пояс с мехом и нашитыми металлическими пластинами и рядом найдены среднелатенская и местная фибулы [Каспарова, 1969, с. 156–157]. Сам пояс выполнен по образцам ясторфской археологической культуры германцев, а украшения на нем местные. Схожий пояс известен и в Лукашевском могильнике [Максимов, Русанова, 1993, с. 31].

Единственным распространенным украшением из Причерноморья оставались стеклянные бусы из греческих городов, которые были достаточно обычным явлением и на Припятском Полесье. В за-

рубинецких погребениях под Пинском найдены бусы начала нашей эры египетского производства [Дучыц, 1997, с. 100].

Таким образом, в лице зарубинецкой культуры перед нами предстает вполне «латенизированная» археологическая культура. «Понятие “латенизированная культура” подразумевает не только то, что она подверглась сильному кельтскому влиянию, но и то, что благодаря этому произошла структурная перестройка всех ее звеньев» [Еременко, 1997, с. 3]. Кельтская культура оказала практически повсеместное, хотя зачастую и поверхностное влияние. «Зарубинецкая культура резко выделяется своим латенизированным обликом на фоне других культур железного века лесной полосы Восточной Европы» [Егарэйчанка, 1999, с. 266].

Такое положение дало возможность польскому археологу В. Новаковскому утверждать, что южнобелорусские земли во II–I вв. до н. э. развивались в общем культурном пространстве Центральной Европы, а зарубинецкая археологическая культура с ее большой схожестью с археологическими культурами районов Лабы, Вислы и Рейна была восточной периферией этого единого культурного пространства [Nowakowski, 1996, с. 63–64].

Приведем еще более безапелляционное высказывание белорусского археолога Л. Д. Побоя: «И если бы не имелось местных особенностей и черт у зарубинецкой культуры, то можно было бы ставить вопрос о ней, как о локальной группе кельтской культуры» [Поболь, 1983, с. 26].

И, наконец, мнение П. Н. Третьякова, который назвал культуру зарубинецких племен «восточноевропейским латеном» [Третьяков, 1982, с. 34].

Итак, влияние кельтского культурного пространства на зарубинцев было очень объемно. Во многом это было обусловлено связями с кельтами в районе их расселения в Восточных Карпатах, а, возможно, и с проникновением этнического кельтского ограниченного компонента вплоть до Днепра. Правда его удельный вес не мог быть значительным в отношении остальной массы населения.

Но был ли это только непосредственный процесс заимствований или система взаимоотношений зарубинцев с кельтским миром была сложнее, по каким причинам и когда зарубинецкая культура приняла свой латенизированный облик? Именно от решения этого вопроса зависит многое.

Глава 9

ГРОЗНОЕ НЕКОГДА ИМЯ БАСТАРНОВ

Как это часто бывает в момент становления новых археологических культур, когда у нас нет совершенно никаких письменных источников, возникновение новой археологической культуры представляется почти чудом. В этом случае трудно что-либо сказать об этнической принадлежности племен, об их языке, редко и мало – о духовной культуре. В нашем распоряжении имеются только материальные свидетельства: обнаруженные предметы быта, типы жилищ, украшения, обряд погребения. По этим находкам можно попытаться проследить преемственность материальной культуры.

Безусловно, неоднократно делались попытки проследить такую преемственность у зарубинецких племен. Разница подходов к вопросу о их происхождении очень существенна¹, тем не менее сейчас не вызывает сомнений то, что в ее становлении участвовали предшествующие зарубинцам местные племена милоградцев. Но важнейшая роль принадлежала переселенческим потокам с запада, с территории современной Польши, где доминировали поморская археологическая культура и культура подклёшевых погребений. Их роль как основного компонента в становлении зарубинцев сейчас оценивают очень высоко [Егарэйчанка, 1999, с. 269]. В сложении среднеднепровской группировки зарубинцев, судя по всему, участвовал и скифский этнический компонент, а в становлении полесской группы – этнический компонент ясторфской культуры, отождествляемый большинством исследователей с колыбелью германских племен [Седов, 2002, с. 79, 129; Егарэйчанка, 1999, с. 268].

¹ Современная сводка: [Егарэйчанка, 1999, с. 266–270].

При наличии горячих споров по вопросу становления зарубинецкой культуры поражаало царившее в какой-то момент почти полное удивительное единство мнений при определении этнической принадлежности ее носителей: «Среди культур рубежа новой эры Восточной Европы наиболее единодушно связывается со славянами зарубинецкая» [Славяне, 1990, с. 323]¹. Но окончательно и бесповоротно считать доказанным соответствие зарубинцев и праславян нельзя [Загорульский, 1996, с. 40]. Поэтому в последнее время дискуссия обострилась.

Все больше сторонников у мнения о причислении зарубинцев к бастарнам. Это племя знают многие античные авторы. Бастарны играли заметную роль в Восточной Европе и на Балканах в период II в. до н. э. – начало I в. н. э.

Впервые это племя упоминает Деметрий из Каллатиса (конец III – начало II в. до н. э.), сведения которого дошли до нас в изложении Псевдо-Скимна, назвавшего это племя «пришельцами» [Безыменного автора, как полагают Скимна Хиосского]. Землеописание, с. 310, 299; Браун, 1899, с. 101]². В конце III или в начале II в. до н. э. бастарны нанесли тяжелое поражение дакам [Юстин XXXII, 3, 16], что надолго снизило политическую активность даков и дало возможность

¹ Особую концепцию предлагал В. В. Седов, считая носителей этой культуры балтами [Седов, 1970, с. 44–48]. Некоторые археологи поддержали его. Позднее В. В. Седов стал причислять ее к переходному балто-славянскому состоянию [Седов, 1994, с. 219; Седов, 2002, с. 134–136].

² Правда существует несколько загадочных упоминаний. Так, Аппиан Александрийский, рассказывая о походе Бренна на Дельфы, говорит, что племя авториев и часть кельтов, отступая, ушли далеко в пустынный и болотистый край «...около народа бастернов» [Аппиан Алекс. X, 4]. Так как поход относится к 279 г. до н. э., то все-таки остается вопрос – имел ли в виду Аппиан позднейшее расселение бастарнов, чтобы привязать событие к известным его читателям районам, или уже тогда здесь проживали бастарны. Не менее загадочное упоминание сохранилось в кратком прологе к 28-й книге истории Помпея Трога. В сокращенном пересказе Юстина, дошедшем до нас, этого отрывка нет. Сообщение пролога очень лаконично: «В виде отступления рассказано о восстании бастернов» [Юстин, с. 240]. Сами события, о которых повествует Помпей Трог в данной книге, происходят в Эпире около 230 г. до н. э. Но каким образом с Эпиром связаны сами бастарны и о каком восстании и против кого идет речь – не ясно. Считают, что это было простое морализаторское отступление автора, не связанное с самими событиями.

бастарнам занять земли поблизости. Они расселились к северу от Дуная в среднем течении реки Тирас (совр. Днестр). Несколько позже уже Страбон отмечает их расселение в дельте Дуная на острове Певка, образованного руслами дельты [Страбон VII, IV, 15]. Он же говорит, что бастарны неоднократно переправлялись через Дунай [Страбон VII, IV, 13] и в результате начали смешиваться с местным населением [Страбон VII, III, 2]. После этого фракийцы нередко выступают их союзниками [Woźniak, 1974, с. 17].

Сложно в точности определить район расселения бастарнов по данным античных географов и историков. Они знали только ближнюю к их странам границу бастарнов, что же происходило за ней, они представляли себе очень расплывчато. Вот единственное подробное описание Страбона: «В глубине страны (в глубине от побережья Борисфена (Днепра) и Истра (Дуная). – А. П.) обитают бастарны, граничащие с тирегетами и германцами; бастарны также, быть может, германская народность и делятся на несколько племен. Действительно, одни из них называются атмонами, другие сидонами; те, что владеют Певкой, островом на Истре, носят название певкинов, а самые северные, обитающие на равнинах между Танаисом и Борисфеном, – роксоланов» [Страбон VII, III, 17]. Страбон признается, в его время никто не мог точно определить границы расселения бастарнов в сторону самой Германии [Страбон VII, I, 1; II, 4]. Тацит выносит территорию певкинов, «...которых некоторые называют бастарнами» за пределы Германии [Тацит. О происхождении германцев 46].

Фактически бастарны в III в. до н. э. стали наряду с сарматами одной из главных сил, перекроивших карту расселения племен в Северном Причерноморье. С этого времени бастарны стали важным фактором балканской политики. Неоднократно они упомянуты как союзники мощных причерноморских или балканских государств.

Тит Ливий достаточно подробно обращается к описанию участия бастарнов в конфликте между Римом и слабеющей Македонией. В начале II в. до н. э. могущество Македонии окончательно клонилось к закату. Ее правители давно с беспокойством смотрели на растущую мощь Рима и неоднократно пытались вмешиваться в конфликты с его участием, стремясь к ослаблению опасного противника. Так, царь Филипп V (221–179 гг. до н. э.) вступил в союз с Ганнибалом во время похода карфагенян в Италию (218–203 гг. до н. э.), планируя прийти ему на помощь и высадиться на Апеннинском полу-

острове. Это стало началом I Македонской войны в 215 г. до н. э. Риму удалось сорвать эти планы, но Вечный Город не забывал обид, и скоро Македонии уже пришлось защищаться. Войны оказались затяжными и упорными. В конфликт оказались втянуты практически все восточно-средиземноморские государства.

Видя не лучшую для себя расстановку сил, Филипп V решил пригласить племя диких и воинственных варваров, которые бы не были замешаны в предшествующих местных конфликтах и верно служили бы ему. Ими как раз и оказались бастарны. «Случилось так, что в это время возвратились люди, которых царь посылал к бастарнам за помощью, и они привели с собою оттуда знатных юношей, некоторых даже царского рода, и один из них обещал свою сестру в жены сыну Филиппа. Союз с этим народом вдохнул в царя уверенность» [Ливий XL, 5, 10]. Ливий даже подробно описывает планы Филиппа [Ливий XL, 57]: он хотел предложить бастарнам за помощь против Рима земли враждебного иллирийско-фракийского племени дарда-нов, которое бастарны должны были уничтожить. Но, когда планы были уже приведены в действие, Филипп умер. «Смерть Филиппа была римлянам очень кстати, потому что они получили время для подготовки к войне. Ибо уже через несколько дней племя бастарнов, давно побуждаемое к войне, оставив свои жилища, огромным полчищем пехоты и конницы переправилось через Истр» [Ливий XL, 57, 2].

Бастарны трижды упоминаются в связи с походами на помощь Македонии – в 178, 174, 172 и 168 гг. до н. э. Походы оказались неудачными. Вначале, уже переправившись через Дунай и вступив во Фракию, бастарны, шедшие с семьями, узнали о недавней смерти Филиппа. Почти тут же из союзников они превратились в грабителей для местного фракийского населения, которое и так не было очень дружелюбным, из-за чего и произошло столкновение. Фракийцы, вынужденно оставив равнины, отступили на гору Донука (Дунак) (совр. гора Рила в Болгарии), а бастарны начали ее штурм. «И как когда-то галлов, грабивших Дельфы, говорят, уничтожила буря, так и бастарнов, когда они стали было взбираться к вершине, застигла такая же буря. На них обрушился ливень, затем частый град с мощными раскатами грома и ослепляющими молниями, которые, казалось, целили прямо в людей, и не только простые воины, но и вожди, пораженные, падали на землю. В стремительном бегстве неосторожные бастарны срывались и падали с высочайших скал, и хотя

их преследовали фракийцы, сами бастарны говорили, что виною их бегства боги и что небо обрушивается на них» [Ливий XL, 58, 3–6].

Это описание сражения и панический испуг бастарнов можно надежно связать с кельтской мифологией. Вспомним, например, гордый ответ кельтских послов Александру Македонскому, что они боятся только падения неба на землю. Мотив неба, падающего потоком звезд и страшной бурей на головы людей, хорошо известен у кельтов и является ярким маркером их мифологии [Мади, 1967, с. 181]. Как бы не решать вопрос об этническом происхождении бастарнов, этот отрывок с очевидностью свидетельствует, что они находились под религиозным и мифологическим влиянием кельтской культуры.

После страшного поражения бастарны разделились. Большая их часть через Месемврию (совр. Несебр) вернулась на родину. Они обошли Родопские горы с востока по побережью Черного моря и отступили в низовья Дуная к своим сородичам на острове Певка. Однако 30 тысяч воинов во главе с Клондиком продолжили поход [Ливий XL, 58, 8].

Новое сообщение о них относится к 174 г. до н. э. Бастарны Клондика, судя по сообщениям Ливия, все это время воевали с дарданами. Причем на их стороне к этому времени выступали скордиски и окрестные фракийцы [Ливий XLI, 19, 4–7]. До этого именно в земле скордисков бастарны переправились через Дунай [Ливий XL, 57, 7]¹. Теплые отношения бастарнов и скордисков не должны нас удивлять, так как Тит Ливий специально отмечает: «Скордиски должны были легко пропустить бастарнов: они были близки друг другу языком и нравами» [Ливий X, 57, 7].

Все это время воцарившийся в Македонии Персей (179–168 гг. до н. э.) уверял всех, и прежде всего римлян, что он не призывает бастарнов [Ливий XLI, 19, 5; 23, 12]. Формально, собственно, так и было, ведь бастарнов приглашал его отец, но, безусловно, Персей продолжал политику отца и поддерживал пришельцев.

Завершение же кампании 174 г. до н. э. для бастарнов оказалось крайне неудачным. Бастарны уходили через земли скордисков. Во время перехода по льду через Дунай и произошла катастрофа. «...Было уничтожено без всякой битвы или вмешательства какого-либо

¹ Действительно, брод через Дунай в их земле, около города Сирмиум (совр. Сремска Митровица) был известен издавна, и не одно варварское нашествие, как до, так и после бастарнов, использовало это место [Třeštík, 1997, с. 41].

врага воинственное племя бастернов... Дело в том, что в то время случайно Данувий, он же Истр, был покрыт толстым льдом и делал возможным переход пешком. Итак, когда неисчислимое множество людей и лошадей неосторожно стало переходить через реку целой большой массой, то лед под необыкновенной тяжестью и под ударами ног идущих загудел и ледяная кора, как раз в середине потока, побежденная и сломанная расселась, не удержала всей массы войска... Немногие из всего народа едва выбрались искалеченными на оба берега реки» [Оросий. Истории IV, 20, 34–35, с. 270]¹.

¹ Сейчас Дунай и в области скордисков, где погибли бастарны, не говоря о его нижнем течении, замерзает не так уж часто – это достаточно редкое явление. Так уже было почти через полторы тысячи лет после этого, при нашествии монголов, которым как раз посчастливилось. Они появились в Венгрии морозной зимой 1242 г. Венгры понадеялись на зимнюю передышку за незамерзающим Дунаем, чтобы собрать силы и организовать оборону. Беспрепятственная переправа монголов по замерзшей реке застала их врасплох, и поражение было страшным [Меховский, 1936, с. 56; Balázs, Szelényi, 1989, с. 76]. Зато Овидий красочно описывает картину замерзающего Дуная, когда зимой даже в нижнем течении лед сковывал реку и варвары беспрепятственно переходили ее и делали набег. «Самый Истр... замерзает и ползет в море скрытыми волнами. Там, где плавали суда, теперь ходят пешком, и конское копыто ударяет волны, скрепленные стужей. Сарматские быки везут варварские повозки по новым мостам поверх текущих волн. Мне, пожалуй, не поверят, но так как за ложь нет никакой награды, то очевидец должен иметь полное доверие к себе: мы видели как необъятное море покрылось льдом и скользкая кора сжимала недвижные воды. Мало того, что мы видели: мы ходили по твердой воде, и под незамоченной ногой была поверхность волны» [Овидий. Печальные песни III, 10, 27–40, с. 230]. Поэтому именно зима становилась временем варварских набегов, «... когда Данувий соединяет льдом берега и, скованный морозом, переносит на своем хребте огромные войны, когда дикие племена вооружаются стрелами не больше, чем своим небом, своим климатом...» [Гай Плиний Цецилий Секунд. Панегирик, с. 227]. «Иногда, правда, бывает мир, но никогда – веры в мир...» [Овидий. Печальные песни V, 2, 71, с. 229]. Столь разительная разница в описаниях поведения Дуная объясняется колебаниями климата в разные эпохи. Время от 900 до 300 г. до н. э. было кульминацией «похолодания железного века». С конца III в. до н. э. европейский климат начал меняться: завершился пик похолодания и стало теплеть [Гриббин, Лэм, 1980, с. 104–105; Будыко, 1981, с. 237–238; Чмыхов, 1990, с. 78]. Так, римские авторы отмечают, что около 100 г. до н. э. в Северной Италии начали культивировать распространившийся здесь виноград [Гриббин, Лэм, 1980, с. 104–105]. Так что, бастарнам действительно не повезло.

В 168 г. до н. э.¹, когда шла III Македонская война (171–168 гг. до н. э.), несгибаемый Клондик вновь вел армию по призыву правителя Македонии. «Шло к Персею десять тысяч конников и столько же пехотинцев, быстрых, как конники, в сражении они вскакивали на коней, потерявших всадников, и продолжали бой» [Ливий XLIV, 26, 3]. Персей обещал заплатить каждому прибывшему на его зов приличные деньги, но в последний момент решил сэкономить и завлечь бастарнов богатыми подарками старейшинам и военачальникам и простыми обещаниями остальных. Клондик ответил решительно: «Галлы² с места не сдвинутся, пока не получат золота и заложников!» [Ливий XLIV, 26, 11]. Персей стал убеждать самого себя в бесполезности таких союзников твердя, «что галлы и вероломны и дики, что и в прежние времена от них многие пострадали и что опасно впускать в Македонию такую большую толпу» [Ливий XLIV, 26, 12–13]. В результате он заявил через посланца, что готов платить только четвертой части прибывших – пяти тысячам всадников. Но, когда варвары узнали, что посланец опять-таки явился без золота, «галлы, не тронув лукавого вестника, на что он и сам едва ли надеялся, воротились к Истру» [Ливий XLIV, 27, 3]. Тит Ливий считает, что бастарны были последней надеждой Персея сохранить свое царство. Также считают и современные исследователи, отмечая сложившееся неравенство сил к началу войны [Беликов, 1997, с. 154, 156]. Его скупость предрешила исход войны. Почти сразу в битве при Пидне римляне на голову разгромили его армию, и через несколько лет Персей умер в римском плену. Македонские войны закончились. Кстати, в их ходе появились первые рабы из бастарнов на рынках античного мира [Zawadzki, 1961, с. 91].

Но стоит только в начале I в. до н. э. на восточных границах Римской империи разразиться новому крупному конфликту, как мы

¹ Присутствие бастарнов в это время на Балканах было, возможно, гораздо более постоянным, чем может показаться, исходя только из признания одиноких походов. Так, Аппиан Александрийский упоминает под 172 г. до н. э. посольство римлян к бастарнам в связи с проблемами в Дардании [Аппиан Алекс. IX, XI, 1].

² В данном отрывке Ливий называет идущее на помощь племя исключительно галлами, но отождествлению помогает то, что во главе их стоит уже знакомый нам Клондик. Кроме того, бастарнов неоднократно называют галлами и другие античные авторы.

вновь слышим имя бастарнов. На этот раз Рим столкнулся с державой Митридата VI Евпатора (132–63 гг. до н. э.), контролировавшего практически все Причерноморье. В ходе трех войн (89–64 гг. до н. э.) две сильные державы противостояли друг другу, втягивая в конфликт все политические силы Причерноморья и Восточного Средиземноморья.

Незадолго перед конфликтом Митридат вел войны с бастарнами [Плутарх. О судьбе римлян 11, с. 289]. Но когда посол Митридата прибыл к римлянам, он попытался напугать их могуществом своего властелина и перечислил длинный список союзников Митридата из северных варварских племен и среди них бастернов [Аппиан Алекс. XII, 15]. О заблаговременном союзе Митридата с бастарнами упоминает и Помпей Трог [Юстин XXXVIII, 3, 6]. И действительно, в 74 г. до н. э., когда разгорается очередная третья война, Митридата поддержало множество причерноморских племен, «а также еще бастерны, самое сильное из них племя» [Аппиан Алекс. XII, 69]. Армия Митридата совершила поход на Балканы, но в итоге война оказалась безуспешной, и Митридат покончил жизнь самоубийством.

Но походы бастарнов за Дунай не завершились. В 59 г. до н. э., как повествует Кассий Дион [Кассий Дион XXXVIII, 10], проконсул Македонии Марк Антоний потерпел от бастарнов тяжелое поражение у города Истра, горожане которого призывали варваров как союзников [Браун, 1899, с. 108; Zawadzki, 1961, с. 91].

Римские авторы описывают тогда это племя как одного из своих грозных, воинственных противников, которые всегда готовы выступить в поход. Плутарх писал о бастарнах, что они воинственные и храбрые. Они не знали ни земледелия, ни скотоводства, ни мореплавания¹, а занимались только военными упражнениями и думали только о войне. Бастарны хвастливы и так высоки ростом, что один их вид наводит ужас на врагов. Полибий упоминает о посольстве дарданов во время войны римлян с Персеем, которое сообщило о бастарнах, «о многочисленности их, высоком росте и боевой отваге» [Плутарх XXV, 6, 2]. А Дион Кассий добавляет, что они чрезмерно любят вино [цитаты по: Браун, 1899, с. 100–101].

Римляне активно готовились к противостоянию. Уже в 35 г. до н. э. Октавиан Август ведет боевые действия, чтобы создать стра-

¹ Это обычное обвинение античных авторов в сторону германцев, которое призвано было подчеркнуть их дикость.

тегическое преимущество для войны с бастарнами и даками [Аппиан Алекс. X, 22]. Впоследствии в 29 г. до н. э. полководец Октавиана Августа Марк Лициний Красс вел новую войну с бастарнами [Ливий CXXXIV]. Бастарны вновь переправились с семьями через Дунай, и римляне вынуждены были отражать их. Кассий Дион сообщает, что Марк Красс проявил терпение и стратегический талант и навязал бастарнам бой в невыгодном для них месте. Бастарны поставили у себя в тылу возы с семьями, как это часто делали германцы. Смысл этого тактического построения заключался в том, чтобы в случае неудачно складывающихся событий иметь линию обороны в тылу. Кроме того, от окончательного бегства германцев должна была сдерживать угроза захвата неприятелем их жен и детей. Причем женщины в этот критический момент нередко присоединялись к мужчинам с оружием в руках. Иногда это в корне изменяло ход битвы. Но на этот раз этого не произошло. Дион Кассий пишет, что бастарны не захотели покинуть семьи и сражались до последнего, пока римляне их всех не перебили. Их вождя Дельдо Марк Красс убил собственной рукой. Остатки пытались спрятаться в лесу, но римляне окружили его и подожгли. Часть бросилась к Истру, в надежде его переплыть. Разбежавшихся одиночек римляне находили и убивали. Разгром был страшным [Рассадзин, 1996, с. 71].

После этих событий уже римляне перешли в наступление. В 19 г. до н. э. их армия во главе с консулом Марком Виницием переправилась через Дунай в его среднем течении и в тяжелом сражении где-то на территории современной Словакии нанесла поражение бастарнам и соседним с ними племенам [Zawadzki, 1961, с. 91].

В результате император Август (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.) упоминает бастарнов среди народов, просивших у римлян мира в период его правления. «Нашу дружбу просили через послов бастарны, скифы и цари сарматов...» [Деяния божественного Августа, с. 215]. Хотя остается неясным, к какому именно периоду правления Октавиана Августа относится этот мир.

В это же время о расселении бастарнов на север от Истра (Дуная) сообщает и величайший римский поэт Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. – 18 г. н. э.), который с 8 г. н. э. проживал в ссылке на Черноморском побережье в г. Томы (совр. Констанца в Румынии) [Овидий. Печальные песни II, 196, с. 228]¹.

¹ «О места, которые не следует посещать счастливому человеку!» [Овидий. Печальные песни III, 10, 76, с. 229].

После этих побед Рима на его дунайской границе стало спокойнее. Бастарны также утихли. Мощь Империи достигла своего апогея.

Однако полностью бастарны замирены не были. Войны с ними боялись фракийцы в период правления императора Тиберия (14–37 гг. н. э.) [Тацит. *Анналы* II, 65].

При императоре Нероне (54–68 гг. н. э.) наместник Нижней Мезии Плавтий Сильван (57–67 гг. н. э.) записал, что он перешел Дунай, успешно вмешался в дела бастарнов и даже переселил часть варваров в пределы Империи [Моммзен, 1997, с. 122; *Zawadzki*, 1961, с. 91]. Действительно, нам известно из эпиграфического материала, что бастарны уже проживали на территории Империи, а некоторые даже сумели занять относительно высокое положение в римском обществе [*Zawadzki*, 1961, с. 91].

В 101 г. н. э. при императоре Траяне (98–117 гг. н. э.) римляне начинают широкомасштабное наступление на усилившееся царство даков во главе с царем Децебалом. Крупные римские силы переправляются через Дунай. Бастарны выступают союзниками даков в их отчаянной борьбе с Римом в 101–107 гг. н. э. [*Zawadzki*, 1961, с. 91]. Завоевание Дакии и образование на этой территории провинции Империи еще больше усилило позиции Рима в Дунайском регионе.

Бастарны вновь противники Рима при императоре Марке Аврелии (161–180 гг. н. э.). «Все племена от пределов Иллирика до Галлии объединились» против Рима, среди них упомянуты бастерны и певкины [Юлий Капитолин 22, с. 44]. И действительно, этому императору пришлось вести жестокие и в результате успешные войны на германской границе, когда варвары начали достаточно планомерно прорывать ее, уже координируя свои действия. Одновременно с ударами других племен, бастарны прорываются в Малую Азию, где смело нападают на здешние города, один из которых даже установил «бастарнский налог» на оборону [*Zawadzki*, 1961, с. 92].

К этому времени бастарны для античных ученых стали неотъемлемой частью варварского мира к северу от нижнего течения Дуная. Их упоминают многие известные географы и энциклопедисты: бастерны у Плиния [Плиний IV, 12, 80]; у Клавдия Птолемея в середине II в. н. э. – «выше Дакии – певкины и бастерны» [Птолемей VIII, 7]; «жестокие бастерны» у Руфия Авиена [Руфий Авиен. Описание 435–440, с. 239]; многочисленные певкины в низовьях Дуная у Аммиана Марцеллина [Аммиан Марцеллин XXII, 8, 43]. Скорее всего в это время название племени даже входит в традиционную топонимику

этого региона. На Певтингеровой карте¹ указано название гор – Бастарнские Альпы к северу от Дуная, что безусловно отождествляет это название с Карпатами [Подосинов, 1994, с. 69]. Бастарны продолжают заселять территории Приднестровья и Карпатских гор, но античные авторы постепенно дают все меньше новостей из региона, практически они не добавляют ничего нового к старым описаниям. Из их сочинений пропадают подробности политической ситуации в регионе, и упоминания о бастарнах постепенно становятся все более невнятными [Евсевий. Хроника. Приложение VI, с. 221; Стефан Визант. Описание, с. 317; Юлий Гонорий. Описание А, 26, с. 275; Гай Соллий Аполлинарий Сидоний. Панегирик, с. 290; Присциан. Землеописание 228–312, с. 300].

И это жаль. Внутри варварского мира на востоке во II–III вв. до н. э. проходили важные изменения. Безусловно, что бастарны переживали нелегкие времена. Все новые племена из глубин германского мира приходили в движение и стремились к завоеваниям. Рим был еще достаточно силен, чтобы удерживать свою границу. Поэтому новопришедшие сталкивались со старожилами за пределами Империи. Хватало ли сил бастарнам сопротивляться пришельцам? Какое-то время да. Этим, видимо, объясняется и относительное замирение их антиримских походов, силы были перегруппированы на борьбу внутри варварского мира. Скорее всего вначале кризис затронул не только и, может быть, не столько само племя бастарнов, сколько контролировавшийся ими политический союз племен. Безусловно, что это было связано с вторжением новых завоевателей, но сама картина лишена для нас пока подробностей. Можно только предполагать, что первые удары нанесли сильные противники с востока – сарматы и другие ираноязычные племена, давление которых ощущалось все более явственно. В конце I в. н. э. в Поднестровье появляются сарматские могильники [Мачинский, 1976, с. 91]. Еще одним врагом бастарнов были даки, вновь окрепшие и в это время постепенно продвигавшиеся на восток за Карпаты, мстя бастарнам

¹ Певтингерова карта, изготовленная в XII–XIII вв. и названная по имени своего владельца в XVI в., по своему содержанию и внешнему виду относится к первым векам нашей эры, возможно ко II – началу III в. Карта представляет собой 11 последовательно склеенных листов пергамента, которые образуют ленту в 6,75 м длины.

за прежние унижения. Граница юго-восточного продвижения германцев становилась все более беспокойной. Недаром Тацит в начале II в. н. э. пишет, что Германия отделена «от сарматов и даков – обоюдной боязнью и горами» [Тацит. О происхождении германцев 1].

С конца II в. н. э. изменяется расстановка сил и на севере – здесь усилились готы, постепенно продвигавшиеся в сторону Причерноморья, где они вскоре оказались во главе мощного союза племен¹. С продвижением готов археологи уверенно связывают вельбарскую археологическую культуру, памятники которой есть и на землях Западной Беларуси и белорусского Полесья. Мы не имеем никаких сведений о взаимоотношениях готов и бастарнов, однако видно, что через некоторое время готы контролировали часть бывшей территории бастарнского союза.

Таким образом, бастарны оказались под давлением практически со всех сторон. Теперь античные авторы уже не называют бастарнов самым сильным племенем. В конце III в. н. э. последовало несколько скупых замечаний об их крахе. Империя переживала не лучшие времена, и набеги варваров в глубь ее территории становились все более успешными и настойчивыми. В 268–269 гг. н. э. варвары решили воспользоваться смутами после убийства императора Галлиена (253–268 гг. н. э.) в результате заговора. Несколько племен совершили продолжительный набег в далекий ее тыл. Среди них упомянуты и певки [Треbelлий Поллион. Божественный Клавдий VI, 2, с. 260; Зосим. Новая история I, 42, с. 269], которые, представляется, соответствуют певкинам у Страбона. Напомним, что Плиний и Тацит употребляли название певкинов для обозначения всех бастарнов. Среди вторгшихся упомянуты еще и кельты, которых некоторые ученые отождествляют с частью племенного союза бастарнов [Любжсин, 1992, с. 372, прим. 19].

По западному побережью Черного моря варварам удалось проникнуть достаточно далеко, вплоть до островов Родоса и Крита. Но римляне вскоре сумели сосредоточить силы для отражения напа-

¹ Готы предприняли переселение с острова Готланд в Балтийском море (совр. Швеция) и в I в. н. э. обосновались в низовьях Вислы. В III в. н. э. они уже дошли до Причерноморья, обосновавшись на Днепре. Их мощное политическое объединение на этих землях просуществовало до нашествия гуннов в середине V в. н. э., а отдельные группы проживали в Крыму вплоть до XVI в.

дения. Однако неизвестно как бы развивались события, но начавшаяся эпидемия катастрофически ослабила варваров. После стычек с римскими отрядами их остатки даже были приняты на службу в римские легионы [Зосим. Новая история I, 45, с. 278–279], а римские рынки рабов насытились «живым товаром».

Совсем скоро печальная участь постигла и некогда могучих бастарнов. Давление недавно появившегося в Причерноморье германского племени готов становилось все сильнее. Видимо это стало одной из причин важных перемен. Энергичный император Проб (276–282 гг. н. э.) «...вернулся во Фракию и поселил на римской земле сто тысяч бастернов, которые все сохранили верность Риму» [Флавий Вописк Сиракузянин. Проб XVIII, 1, с. 307] и по другому источнику «...приняв скифское племя бастарнов, изъявившее ему покорность, поселил их во фракийских местностях и они стали жить по римским обычаям...» [Зосим. Новая история I, 81, с. 280]. Произошло это в 280 г. н. э.

В какой-то момент давление Рима за Дунаем ненадолго вновь усилилось благодаря деятельности воинственных императоров. «Галлерий Максимиан и Диоклетиан¹ вели одну за другой разные войны и вместе и поодиночке, подчинили карпов и бастернов, победили сарматов и поселили в римских пределах огромные массы пленных из этих народов» [Евтропий. Бревиарий, с. 281]. Но скорее римские авторы преувеличивают размах побед, и о подчинении отмеченных племен говорить не приходится. Сложно говорить даже о глубоком проникновении римлян на их земли. Хотя удар видимо был силен и привел к замирению варваров. Видимо, в случае с бастарнами он оказался фатальным для племени как для этнического целого.

Переселенные бастарны, судя по всему, также утратили чувство этнического единства. В любом случае в отличие от других германских племен они действительно сохранили верность Риму, так как

¹ В конце III в. Империя все больше ослабевала и становилось трудно управлять ею. Это отразилось в дублированном руководстве. Император Диоклетиан (284–305 гг.) первым взял себе в соправители Максимиана (285–305 гг.), которому было поручено управление Западом. Сам Диоклетиан управлял Востоком. Характерно, что оба императора покинули Рим, чтобы успешнее отражать нападения на границы. В конце их правления соправителей стало даже четверо.

после этих событий войны с ними уже не упоминаются. Могучее некогда племя попросту растворилось в бездне истории.

Правда, есть вероятность, что войны с «грозными бастарнами» велись и при императоре Гонории (395–423 гг.) [Клавдий Клавдиан. Панегирик на 4-е консульство Гонория Августа 450, с. 255]. Однако источник сообщает об этом без подробностей и, может быть, просто перечисляет по традиции «самые грозные» враждебные Риму племена, подчеркивая несуществующие победы императора. Напомним, что именно в правление этого слабого императора в 410 г. вестготы вождя Алариха впервые захватили непобедимый ранее Рим¹.

Сейчас можно с достаточной определенностью связывать племя бастарнов с археологической культурой Поянешти-Лукашевки [Каспарова, 1981, с. 69–72; Пачкова, Романовская, 1983, с. 50, 74–77; Каспарова, Максимов, 1993, с. 85–86; Еременко, 1997, с. 105–119]. Ее территория, охватывающая Приднестровье, соответствует расселению бастарнов по данным античных источников. То же можно сказать и о времени ее появления в конце III – начале II в. до н. э. Культура Поянешти-Лукашевки имела очень яркий латенизированный облик. Кроме того, эта культура поддерживала тесные взаимоотношения с кельтами, проживавшими в близком соседстве в Закарпатье².

Если в отношении соответствующей бастарнам археологической культуре сомнений нет, то относительно их этнического происхождения идут жестокие споры. Еще античные авторы путались – к какому народу их причислить: к кельтам или к германцам. Бастарны являются отличным примером путаницы античных ученых в этническом отнесении народов под «кельтской вуалью».

Страбон, давший самое точное описание расселения бастарнов, пытается определить их этническую атрибуцию и делает это неуверенно: «бастарны, также, может быть, германская народность...»

¹ Хотя сохраняется определенная возможность, что остатки бастарнов вместе с другими германскими племенами и прежде всего с готами покинули Северное Причерноморье под давлением гуннов. Кстати, по мнению римского поэта, «Аларика воспитала варварская Певка» [Клавдий Клавдиан. Панегирик на 6-е консульство Гонория Августа 105, с. 255].

² Впоследствии остатки бастарнов могли быть составной частью черняховской археологической культуры, хотя здесь их этнический компонент не выявлен [Рикман, 1975, с. 329].

[Страбон VII, IV, 17]. Одновременно, упоминая, что бастарны неоднократно переправлялись через Дунай [Страбон VII, IV, 13] и стали в результате смешиваться с местным населением [Страбон VII, III, 2], он сравнивает их с уже знакомыми нам кельтскими племенами бойев, скордисков и таврисков.

Также путано, как и Страбон, но одновременно и очень схоже описывает бастарнов Тит Ливий. Он специально отмечает: «Скордиски должны были легко пропустить бастарнов: они были близки друг другу языком и нравами» [Ливий X, 57, 7]. Позже он говорит не о близости, а однозначно причисляет бастарнов к галлам [Ливий XLIV, 26–27]. На какое-то сходство бастарнов и кельтов намекает Полибий [Полибий XXV, 6, 2–4].

Плиний в своей энциклопедической книге сделал попытку классификации всех германских племен на пять групп. Племена певкинов и бастернов он относит к пятому совершенно отдельному роду германцев [Плиний IV, 100]. Поэтому несмотря на его однозначное причисление к германским племенам показательно выделение только их в обособленную и последнюю группу.

Не слишком уверен и Корнелий Тацит: «Отнести ли певкинов, вenedов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев» [Тацит. О происхождении германцев 46].

Этот старый спор продолжают и современные ученые. К. В. Каспарова говорит о полиэтничности бастарнов, не делая однозначного вывода о их кельтском или германском происхождении [Каспарова, 1991, с. 25]. С ней солидарен и О. Н. Трубачев, доказывая появление их названия в иноязычной среде Причерноморья [Трубачев, 1999б, с. 55–56; Трубачев, 1999в, с. 213–214]. С. Е. Рассадин и В. Е. Еременко отождествляют бастарнов в основном с германским элементом [Рассадзин, 1996, с. 57–84; Еременко, 1997, с. 23–24, 87–105]. А. Д. Мачинский также считает, что среди бастарнов «преобладало германоязычное население» [Мачинский, 1976, с. 88, 93]. Интересное предположение высказал венгерский ученый З. Мади, который подметил, что вначале античные авторы видят в бастарнах кельтов, а потом все чаще – германцев, что могло отражать проходивший процесс германизации [Мади, 1967, с. 180]. В самом деле, вплоть до II в. до н. э. греческие авторы именуют бастарнов галатами [Жарышковский, 1971,

с. 53, прим. 104]¹. Многие античные ученые, как, например, Страбон, по-настоящему хорошо разбирались в жизни племен варварской Европы, чтобы просто путаться. Поэтому, вероятно, буквально на их глазах шел процесс «германизации» некоторых групп кельтов в германской среде и все более явно выраженного проявления германских культурных особенностей из-под «латенской вуали». Сейчас мы хорошо знаем, что хотя археологическая культура Поянешти-Лукашевка и относится к «латенизированным», но не является именно латенской, т. е. кельтской.

Как бы то ни было, дать сейчас однозначный ответ на вопрос об этническом происхождении бастарнов очень сложно. Назвать их кельтами нельзя, но их культура была сильно латенизирована, а язык по свидетельству Страбона был похож на язык кельто-иллирийских скордисков. Безусловно у бастарнов был очень силен германский компонент, отраженный археологией.

Именно тут необходимо рассмотреть и проблему отношения бастарнов и зарубинецкой культуры. Напомним, что в последнее время можно услышать мнения о тождестве этих понятий. Думается, что такой однозначный вывод является преждевременным.

¹ Некоторые ученые небезосновательно указывают, что, когда у границ античного мира появились бастарны, обозначения для германцев еще просто не было [Lowmianński, 1964, I]. Но ведь путаются и позднейшие авторы, которым хорошо известны германцы.

Глава 10

К ВОПРОСУ О ПЛЕМЕННЫХ СОЮЗАХ

Выдвигается несколько аргументов, которые должны подтвердить соответствие зарубинцев и бастарнов. Ближайшей родственной археологической культурой для культуры Поянешти-Лукашевки, которую отождествляют с бастарнами, является именно зарубинецкая культура. Эти соответствия прослеживаются практически во всех сторонах жизни. Подобная материальная близость и дает возможность некоторым исследователям сопоставлять с бастарнами не только культуру Поянешти-Лукашевки, но и зарубинецкую.

Аналогии укрепляет устанавливаемая в современных работах связь походов бастарнов на Балканы в последней трети I тыс. до н. э. и массового поступления балканского «экспорта» в зону зарубинецкой культуры. Это касается происхождения многих фибул в зарубинецком регионе, ближайшие аналоги которых находят у кельто-иллирийских скордискос на Среднем Дунае и у иллирийского племени яповдов, обитавших по соседству [Каспарова, 1981, с. 74]. Российский археолог К. В. Каспарова суммировала все контакты зарубинцев с юго-западом Европы и пришла к выводу, что у них преобладали связи, если не считать близкородственную культуру Поянешти-Лукашевки, именно с кельто-иллирийским и кельто-дакийским миром Балканского полуострова [Каспарова, 1981, с. 75]. При этом она уверенно заявляет, что существовали и переселения с Балкан в зону зарубинецкой культуры. «Археологические свидетельства контактов зарубинецкой культуры ...невозможно объяснить лишь торговыми отношениями или культурными влияниями — «латенской модой»» [Каспарова, 1981, с. 76]. Аналогичное мнение высказывают З. Вожняк и В. Е. Еременко [Woźniak, 1974, с. 165; Еременко, 1997, с. 26–27].

Учитывая бурную политическую жизнь бастарнов с их постоянным участием в балканских конфликтах это представляется веским аргументом. Однако данные такого сопоставления никак не могут решить вопрос конкретного этнического отождествления зарубинцев и бастарнов. Нельзя не учитывать, например, то, что латенизация зарубинцев представляется значительно более слабой, чем у культуры Поянешти-Лукашевки. Зато это может напрямую свидетельствовать о каких-то политических взаимоотношениях бастарнов и зарубинцев. Но какой характер носили эти контакты?

Наконец, отождествляя бастарнов и зарубинцев, ссылаются на уже известное нам описание расселения бастарнов у Страбона [*Каспарова*, 1981, с. 79]. Ввиду его значимости повторимся: «В глубине страны (в глубине от побережья Борисфена (Днепра) и Истра (Дуная). – *А. П.*) обитают бастарны, граничащие с тирегетами и германцами; бастарны также, быть может, германская народность и делятся на несколько племен. Действительно, одни из них называются атмонами, другие сидонами; те, что владеют Певкой, островом на Истре, носят название певкинов, а самые северные, обитающие на равнинах между Танаисом и Борисфеном, – роксоланов» [Страбон VII, III, 17]. Цитата, на которую ссылаются сторонники отождествления зарубинцев и бастарнов, не убеждает. Нет сомнений, что расселение собственно бастарнов описано достаточно точно и накладывается на археологическую культуру Поянешти-Лукашевки.

Известны Страбону племена по морскому побережью и около Тираса (Днестра). А вот территории дальше на северо-восток от Карпат описаны в обобщенном плане, без глубоких знаний о племенах, проживавших там. Поэтому приходится признать, что сведения об удаленных от моря землях у Страбона неконкретны. Причем, в этом регионе Страбон уже не четко ориентируется и в этнической атрибуции, на что указывает и он сам, поднимая проблему: к какому народу отнести самих бастарнов.

Только после этого он приводит названия отдельных племен бастарнов, которые, по всей видимости, расселялись ближе к границам Римского государства. Но невозможно точно локализовать территорию проживания ни одного из них, исходя из данного фрагмента. Страбон причисляет к бастарнам атмонов и сидонов. Сидонов упоминает и Птолемей (правда, он никак не связывает это племя с бастарнами) [*Браун*, 1899, с. 44–45; *Lowmianski*, 1964, I, с. 211–213], и Валерий Флакк, по данным которых их возможно разместить даже

в верховьях Вислы и южнее [Zawadzki, 1961, с. 91]¹. Лингвистическая структура свидетельствует о большой вероятности германского происхождения названий этих племен.

Чаще всего у античных авторов упоминаются «те, что владеют Певкой, островом на Истре, носят название певкинов». Их название часто становится даже обобщающим для всех бастарнов, по-видимому потому, что они были лучше всего известны благодаря своему проживанию практически на границе римского государства. Но население острова Певка в археологическом плане не входит в ареал культуры Поянешти-Лукашевки. А само имя племени певкинов по древнему греческому названию острова – Сосновый [Безыменного автора, как полагают Скимна Хиосского]. Землеописание 788, с. 316]² – может свидетельствовать о его первоначальном искусственном разноэтническом характере.

Существуют в описании Страбона и откровенные этнические неувязки с точки зрения современной науки. Он относит к бастарнам племена и «самые северные, обитающие на равнинах между Танаисом и Борисфеном, – роксоланов» [Страбон VII, III, 17]. Роксоланы – это без всяких сомнений народ иранского происхождения, который вслед за сарматами появился в Северном Причерноморье из глубин степей Центральной Азии [Мачинский, 1974, с. 124]. Но не будем спешить уличать Страбона в некомпетентности. Он отлично знает, кто такие роксоланы, в том числе их этническую принадлежность: «За Борисфеном же обитают роксоланы, последние из известных скифов... области за страной роксоланов необитаемы вследствие холода» [Страбон II, IV, 7]. Или в другом месте: «Но что находится за Германией: нужно ли принять, что там живут бастарны (как думает большинство), что между ними обитают другие народности – язиги или роксоланы или какие-либо другие из кочующих в кибитках, сказать трудно» [Страбон VII, II, 4]. Почему же Страбон так однозначно в своем описании бастарнов относит к ним и роксоланов? Ничто не противоречит возможности, что в какой-то момент они могли быть частью бастарнского племенного союза. Вопрос только насколько интегрированной частью. Роксоланы, выступив в коали-

¹ В германской среде было и личное имя Сидон [Моммзен, 1997, с. 120].

² Греч. *ρεῖκη* 'сосна', что родственно названиям сосны в многочисленных индоевропейских языках [Buck, 1949, с. 528].

ции против Херсонеса в самом конце II в. до н. э., потерпели наиболее тяжелое поражение и на долгое время перестали быть реальной политической силой [Мачинский, 1974, с. 127]. Когда через полтора столетия (!) их имя вновь появляется в исторических документах в надписи римского легата Нижней Мезии Плавтия Сильвана, они вновь упомянуты вместе с бастарнами [Моммзен, 1997, с. 122; Мачинский, 1974, с. 127]. То есть, это как раз и было время их вхождения в племенной союз бастарнов.

Но роксоланов античные авторы и сам Страбон описывают как занимающих земли между Днепром и Доном [Мачинский, 1974, с. 125]. Это может указывать на то, что отождествлению зарубинцев и бастарнов тут противоречит сам Страбон, называя именно иранское степное племя роксоланов самым северным¹ племенем бастарнов.

Предполагают, что в какой-то момент и часть даков могла быть под политической властью бастарнов [Zawadzki, 1961, с. 91]. Можно добавить, что уже позднее совместно с бастарнами действуют какие-то галаты [Треbelлий Поллион VI, 2, с. 260], что может свидетельствовать и о наличии кельтов в племенном союзе бастарнов. Если соотнести с этими данными проживание в течение долгого времени кельтской группировки в Закарпатье, то это не столь уж неожиданно. Много сторонников и у мнения, что кельтское племя бритологов на Нижнем Дунае также было частью бастарнского союза [Woźniak, 1974, с. 23]. Археологические данные свидетельствуют, что культура Поянешти-Лукашевки поддерживала тесные отношения с кельтским анклавом на севере современной Румынии [Woźniak, 1974, с. 149].

Таким образом, хорошо видно, что, говоря о бастарнах, Страбон придает этому понятию то этнический, то политический смысл. Тогда, вполне возможно, что роксоланы, жители Певки, другие из упомянутых Страбоном племен по-разному соотносились с бастарнами в этническом плане, но были частью их политического союза на определенном этапе. Тацит упоминает о многочисленных смешанных браках у бастарнов [Тацит. О происхождении германцев 46], что может свидетельствовать об их активных межплеменных контактах. Тогда, представляется, стоит говорить не только о племени бастарнов в момент расцвета его могущества во II в. до н. э. – начале I в. н. э., но и о бастарнском племенном союзе как о неоднородном политичес-

¹ Даже если понимать этот пассаж как самые северо-восточные.

ком объединении, в которое входили разнотнические компоненты. Полиэтничность племенных объединений в период разложения родоплеменных и складывания предгосударственных отношений является обычной ситуацией.

Тогда логично допустить, что в момент своего политического расцвета бастарны были достаточно могущественны, чтобы иметь влияние на земли зарубинецкой культуры или на какие-то ее отдельные части: контролировали или, что скорее, были в тесных союзнических отношениях. Они не препятствовали и активной торговле зарубинцев с западом. Данные археологии вполне подтверждают такой подход. С этим могут быть связаны и разные уровни латенизации археологических культур данного круга. Причем на наиболее тесные связи претендует именно полесская группировка зарубинцев [Каспарова, 1981, с. 67–69]. Да и недаром впоследствии именно в Карпаты отходят зарубинецкие «полешуки».

Может быть некоторый свет на проблему разного уровня латенизации и политических взаимоотношений зарубинцев и бастарнов может пролить сопоставление данных античных источников о военной тактике варваров и найденные на территории зарубинцев предметы кельтского или «латенизированного» вооружения. С одной стороны, находки предметов вооружения не очень характерны для зарубинецких погребений. С другой стороны, часть захоронений содержит оружие. Указывает ли это на далеко зашедшую «специализацию» зарубинецкого общества или на различные похоронные обряды?

Именно предметы вооружения хорошо показывают латенизацию зарубинецкого общества. Эти находки могут указывать на сложную этническую ситуацию на зарубинецких землях. В любом случае – в их системе вооружения просматриваются новшества, которые появляются, судя по многим признакам, именно под влиянием внешних или привнесенных извне факторов. Правда, надо понимать, что в это время кельтское оружие стало популярно по всей Европе.

Среди кельтского типа оружия найдены наконечники дротика еще из милоградского периода Горошковского городища в белорусском Поднепровье, сходного с аналогом из Галиш-Ловачки в Закарпатье [Еременко, 1997, с. 44]. Наконечники копий также очень близки к латенским. Кельты носили боевые пояса-цепи. Остатки застежек от них также найдены у зарубинцев. В целом в зарубинецком вооружении преобладало оружие ближнего боя пехоты, гораздо реже нако-

нечники стрел. Это, конечно, важный маркер тактики ведения боя, которая не менее традиционна, чем бытовая область.

Сравним военную тактику при подобном вооружении в античных свидетельствах. Страбон описал вооружение варваров-роксоланов, которых в данном отрывке он причисляет к бастарнам: «У них в ходу шлемы и панцири из сыромятной бычьей кожи, они носят плетеные щиты в качестве защитного средства; есть у них также копья, лук и меч. Таково вооружение и большинства прочих варваров» [Страбон VII, III, 17]¹.

Галатов же Страбон описывает преимущественно как отличных всадников: «Хотя все галаты по натуре воинственный народ, все же они более искусные всадники, чем пехотинцы, и лучшая часть конницы у римлян состоит из этого племени» [Страбон IV, IV, 2]. То есть у галатов уже появились профессиональные конные воины, которые до подчинения Риму в своих племенах формировали военные дружины.

Блестящим археологическим примером могут служить памятники Падеа-Панагюрски Колония, которые охватывают придунайские территории современной Болгарии и Румынии. Здесь проживало смешанное кельто-фракийское, а возможно и более сложное по этнической картине население. Захоронения с большим количеством оружия однозначно свидетельствуют, что эти воины сражались в основном на коне [Woźniak, 1974, с. 136].

Схожая военная организация у бастарнов по описанию Ливия. Напомним: «Шло к Персею десять тысяч конников и столько же пехотинцев, быстрых, как конники, в сражении они вскакивали на коней, потерявших всадников, и продолжали бой» [Ливий XLIV, 26, 3]. Перед нами хорошо организованное, профессиональное войско, где многочисленные конные контингенты играли решающую роль. Это полностью соответствует тактике кельтов, описанной Павсанием, когда пехотинец в случае смерти наездника заменяет его [Павсаний X, 19, 6]. Другое дело, что бастарны не всегда воевали только такими «профессиональными» силами. Часто мы видим их передвижения целыми племенами, когда, надо думать, каждый мужчина

¹ Данное описание роксоланов у Страбона вновь приводит в изумление, так как роксоланы хорошо известны как ираноязычный кочевой народ, который активно использовал коня. Однако кого бы в данном случае Страбон не имел в виду, это обобщенное описание военной тактики варваров в регионе.

был воином. Таким образом, бастарнам известно две тактики: старая – общеплеменное ополчение; и новая – походы военных дружин. К сожалению, в отношении бастарнов нам практически не может оказать помощь археология, так как захоронения культуры Поянешти-Лукашевки почти полностью лишены предметов вооружения [Woźniak, 1974, с. 151]. В этом они очень схожи с зарубинцами, у которых находки оружия в могильниках крайне редки [Максимов, Русанова, 1993, с. 28–29].

По материалам зарубинецкой культуры находки латенского вооружения представлены часто именно предметами конского снаряжения, что может свидетельствовать о проникновении извне или формировании внутри сообщества профессиональных воинов-конников. Находки эти единичны и всегда сделаны из железа. Прежде всего, это шпоры латенского типа из захоронений [Кухаренко, 1959, с. 38; Егарэйчанка, 1999, с. 251]. В основном предметы конного вооружения сосредоточены в Верхнем Поднепровье. Вооружение всадника особенно характерно для Чаплинского могильника [Егарэйчанка, 1999, с. 251]¹, где также найдены шпоры латенского типа. Единственные остатки конской узды на зарубинецкой территории обнаружены в белорусских Велемичах [Егарэйчанка, 1999, с. 252]. Очень характерная конская псалия из Велемичей имеет свои близкие аналоги на широкой территории от Западной Европы до скифского мира. Подобные обнаружены на кельтских оппидумах в Махинге (совр. Германия) и в Страдонице (совр. Чехия), в кельтских погребениях северной Румынии, в Шампани, в латенских поселениях Румынии, Болгарии, Закарпатья. Однако источник появления такой формы связан с фракийской культурой, с Балканами, а не с собственно кельтами [Каспарова, 1981, с. 73–74]. Собственно с балканским, а не с кельтским влиянием надо связывать и саму псалию, которая совершенно нехарактерна для кельтских погребений, зато издавна конская узда является отличительным атрибутом погребений фракийцев и даков [Woźniak, 1974, с. 85]².

¹ Городище Чаплин, расположенное в современном Лоевском районе на правом берегу Днепра, одно из самых крупных милоградских и потом зарубинецких поселений.

² Указывают и на восприятие зарубинцами дакийских узоров, как, например, на некоторых керамических изделиях из Велемичей [Woźniak, 1974, с. 164].

Безусловно одно – использование зарубинцами верхового коня в военном деле было важнейшим новшеством для полесского лесного региона. На тот момент это безусловное свидетельство роста профессионализации военного дела и выделения профессиональных воинов. Единичность находок свидетельствует, что, вероятно таких воинов было еще не так много¹. Это указывает и на наличие военных предводителей-всадников, которые уже могли становиться во главе племен².

На территории современной северной Украины у зарубинцев найдены среднелатенские кельтские мечи или их части [Кухаренко, 1959, с. 38, 44]. Это также характерные находки, так как на то время качественный меч представлял собой достаточно редкое оружие в Северной и Восточной Европе и его имели практически только знать и профессиональные воины. Это еще один аргумент в пользу формирования военной верхушки у зарубинцев. А этническая атрибуция предметов вооружения может указывать и на этническую атрибуцию такой верхушки.

Настолько ли многочисленны находки конского снаряжения у зарубинцев, чтобы они могли свидетельствовать о наличии многочисленной конницы, которая могла бы выполнять практически самостоятельные задачи, как это описывает Тит Ливий. Или военная организация зарубинцев включала относительно небольшие конные контингенты, поддерживаемые в бою массой пехоты, которая и игра-

¹ Интересно, что на городище штриховиков Ивань недалеко от зарубинецкой территории, где, кстати, и ощущается их влияние, найдена железная шпора, видимо, местного производства [Егорейченко, 1996, с. 40–41]. Это говорит об успешном освоении и северными соседями зарубинцев некоторых новых навыков ведения боя.

² Воспитание верхового коня на тот момент, да и значительно позднее, было сложнейшим делом. Системы конного тренинга держались в строжайшем секрете. Освоение коня под верховую езду по этой причине было далеко не быстрым процессом [Ковалевская, 1977]. Появление всадника, который в буквальном смысле «возвышался» над пешим воином, стало также и важным социальным явлением. Поэтому у многих народов с древности существовал обычай называть привилегированное сословие именно как всадников: авест. *rataēštar* ‘колесничий’, *bāsar* ‘всадник’, микенс. *equeta* ‘колесничие’ [Кузьмина, 1994, с. 193], афинское *hippeis*, лат. *equites* ‘всадники’. В западноевропейском средневековье названия для социальной группы нобилитета обычно олицетворялись с всадником, конным воином: франц. *chevalier*, исп. *caballero*, нем. *Ritter* и т. д.

ла основную роль, как в описании роксоланов у Страбона. Все-таки, второй вариант представляется более предпочтительным. Таким образом, военная структура бастарнов и зарубинцев является схожей, но не аналогичной.

Краеугольным камнем этой военной организации уже была военная знать, профессионально занимавшаяся войной. У бастарнов она хорошо видна. Напомним как Тит Ливий пишет о прибытии к македонскому царю Филиппу посольства из знатных бастарнских юношей, среди которых были даже представители царского рода [Ливий XL, 5, 10]. Митридат в последний момент, ища политической поддержки в безнадежной ситуации, посылает своих дочерей к предводителям варварских племен и к знатым варварам как невест, но план провалился [Аппиан Алекс. XII, 108].

С немногочисленными конными воинами, становящимися военной и социальной элитой общества, формируются новые социальные отношения, выделяется знать. Причем выше мы уже говорили, что этот процесс социального расслоения хорошо фиксирует археология у зарубинецких племен. Вполне обоснованно говорить и о выделении в их среде отдельных вождей-предводителей. Конечно же, этот процесс должен был получить свое отражение и в религиозно-мифологической жизни зарубинцев.

Именно военная (может быть, было бы корректнее употреблять определение «дружинная») верхушка зарубинцев могла быть в значительной мере иноэтничной, формировавшейся в ходе далеких балканских походов, в которых, судя по всему, эта верхушка и принимала участие. Но именно верхушка и относительно профессиональные отряды, а не зарубинецкие племена в полном составе.

Суммируя, представляется, что предпочтительнее видеть в зарубинецкой культуре не собственно бастарнов, а часть их разноэтничного племенного союза во II в. до н. э. – начале I в. н. э.

Другое дело, есть ли иные пути, позволяющие хотя бы предположительно указать на связь зарубинцев с этником, известным античным авторам. Есть ли сведения, которые можно относить к территории Припятского Полесья во времена зарубинцев и хотя бы приподнять завесу тайны.

В I в. н. э. в сообщениях античных авторов появляется еще одно племя, которое отождествляется для них с землями на востоке от расселения бастарнов. В этом регионе начинают упоминать племена венедов, вокруг которых в славистике ведутся непрекращающиеся

дебаты, так как именно венеды очень часто сопоставляют с самыми ранними письменно известными нам славянскими племенами.

Сведения о венедах у античных авторов достаточно скудные и путанные. Первым из известных нам ученых это племя упоминает Плиний [Плиний IV, 13, 96–97]. Причем именно только упоминает. Бастарны у Плиния расселяются на своем обычном для античных ученых месте к северу от Дуная [Плиний IV, 12, 80]. Локализовать район расселения венедов сложно, фактически он может располагаться от северного черноморского побережья до Вислы [Шелов-Коведяев, 1994, с. 29–33, особенно с. 29 о принципах составления периплов].

Сам Плиний, судя по всему, не блестяще ориентировался в этнической и политической ситуации данного региона. Венеды у него почти полностью окружены племенами или уже легендарными, сведения о которых достались в наследство от прошлых эпох, или обитание которых в указанном районе невозможно. Поэтому приуроченность их расселения к Висле вызывает сомнения [Шелов-Коведяев, 1994, с. 32–33]. Таким образом, кроме упоминания самого этника, интересной информации по данному вопросу у Плиния мало.

Тацит, описывая обычаи и культуру венедов, привел даже некоторые детали, зато он фактически обошел стороной проблему места их конкретного расселения [Тацит. О происхождении германцев 46]. В данном случае он вовсе не ставит перед собой такую задачу. Для него венеды проживают как бы в пограничной области, где реальность встречается с мифом, и все здесь принимает полуреальные контуры. Причем это совсем не отрицает фактической основы сообщения о племени, о котором античные ученые получали сведения из «вторых рук». Такой принцип описания обитаемого мира – когда соседние народы описаны подробно, потом по мере удаления рассказы становятся все более неконкретными и нереальными пока, наконец, не приобретают и вовсе мифологический оттенок – практически повсеместно встречается у античных ученых, начиная еще с Геродота. Он, например, разместил за Скифией племя одноглазых людей. Так и у Тацита, о чем он сам и говорит – «все остальное баснословно» и повествует по чужим рассказам о племени существ с телами зверей и человеческими головами.

Такие описания венедов на границе реальности и мифа – это также показатель плохой осведомленности римлян о закарпатских землях. Для Тацита венеды – это народ, проживающий на востоке или северо-востоке от известного ему мира, но в ближайших пределах.

Поэтому воспринимает сам автор это племя безусловно как реальность, просто лишенную четкости в деталях, но которую можно все-таки представить читателю. Такое же мало внятное описание и для племени феннов, которых отождествить не менее трудно. Ясно одно – Тацит так же как и остальные античные авторы очень плохо представлял себе земли Восточной Европы за ближайшими придунайскими областями [Шелов-Коведяев, 1994, с. 40–41].

Тем не менее, именно описание Тацита наиболее содержательно¹. При всей расплывчатости он дает одну точную привязку. Тацит однозначно указывает на соседство бастарнов и венедов: «Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю» [Тацит. О происхождении германцев 46]. Это его концепция: локализация бастарнов была уже вполне устоявшейся в античной науке, и Тацит не мог не знать этого, хотя может быть и видел неизвестные нам проблемы. Тогда два остальных племени располагались где-то рядом, видимо, до конца неопределенно и для самого автора.

Укажем на интересное в отношении наших предшествующих рассуждений о военной тактике замечание Тацита о превосходстве у венедов пехоты. Ф. В. Шелов-Коведяев аргументированно предложил переводить место у Тацита «*pedum usu ac pernecitate gaudent*» не как «передвигаются пешими, и притом с большой быстротой» (по переводу А. С. Бобовича), а «имеют преимущество в тренированности и скорости пехоты» [Шелов-Коведяев, 1994, с. 39, 45]. В этом он видит указание на пехоту как на основную силу венедов на войне.

Маловразумительное описание Европейской Сарматии дает Птолемей, который собрал древнейшие и относительно недавние для его времени данные об этнонимии районов к северу и северо-востоку от Карпат [Птолемей III, 5, 7–10]. Птолемей приводит название загадочных Венедских гор [Птолемей III, 5, 5]. Он скомпилировал многие старые источники, по-энциклопедически плотно наполнив эти территории этнонимами [Браун, 1899, с. 28, 40; Lowmianński, 1964a, с. 39–43]. Часть этнонимов на самом деле уже ничего не отражали. Это даже

¹ Отрицание этого положения или, по крайней мере, сильное сомнение уже высказано [Шелов-Коведяев, 1994, с. 42–43]. Однако другие авторы относятся к сообщениям Тацита с гораздо большим доверием [Мачинский, 1976, с. 85; Wielowski, 1981, с. 11–12]. Д. А. Мачинский указывает на большую точность соответствия данных Тацита о местных племенах с археологической картой [Мачинский, 1976, с. 91].

искажило очертания региона в принципе [Браун, 1899, с. 40–47; Шелов-Коведяев, 1994, с. 55, 57]. Однако и у него есть немало интересной информации [Lowmiański, 1964, II, с. 39–42; Lowmiański, 1964a, с. 43–46].

Соседство венедов и бастарнов хорошо видно на Певтингеровой карте, где, как это не удивительно, оно представлено дважды. Одновременно эта карта дает исключительно важную и уникальную географическую проекцию тех часов. Надпись «венедо-сарматы» располагается к северу от горного кряжа под названием Бастарнские Альпы на север от Дуная, который без сомнений передает расположение Карпатских гор. В их южных отрогах карта располагает племя бастарнов (*Blastarni*), что считают ошибкой переписчика и видят в них бастарнов. Далее к югу указаны геты и даки и, наконец, в низовьях Дуная и Днестра опять вписано название «венеды» [Подосинов, 1994, с. 69–70, 72–75]. Создается впечатление, что в какой-то период племена венедов как бы охватывали территорию бастарнов на востоке с двух сторон¹.

Таким образом, с I–II вв. н. э. у античных ученых возникает стойкая традиция располагать некое племя венедов в ближайшем тылу тех племен, с которыми римляне были в непосредственном контакте. Правда, описания эти неконкретны, и хорошо просматривается, как каждый автор сам создает картину из предшествующих данных, при этом регион для них практически неизвестен.

Потом на несколько веков устанавливается молчание. Только в середине VI в. н. э. уже готский историк Иордан написал, что от истока реки Вислы на огромной территории расселяются «многочисленные» племена венедов, которые на тот момент уже меняют свои названия и теперь обычно называются славянами и антами [Иордан. О происхождении гетов 34, 119]. Собственно говоря, именно это замечание Иордана и дало возможность идентифицировать славян с венетами.

Значительная часть современных славистов готова ставить знак равенства между венетами и славянами или скорее с их предками. Правда очень аргументированно звучат и возражения противников такого отождествления².

¹ Есть предположения, что венедов знают и другие античные авторы, но под искаженными названиями [Lowmiański, 1964, I, с. 275].

² См. современное состояние проблемы и частичную сводку литературы: [Шелов-Коведяев, 1994, с. 33; Lowmiański, 1964, I, с. 59–62, 88–90].

В этой проблеме фактически главным аргументом как за, так и главным аргументом против является само название племени. И это совершенно не удивительно: просто по той причине, что больше и обсуждать нечего. Ни археологии, ни писателям того времени собственно славяне не были известны ранее самого конца V, или более традиционно до недавнего времени, – VI в. н. э.

Сторонники соотносительности этого названия со славянами ссылаются на широко распространенные ранее названия в германских языках для ближайших племен славян *Winidi*, *Wenedi*, *Winadi* откуда современное нем. *Wenden*, *Winden*, многочисленные топонимы на славянских территориях с основой *wend-/wind-*, на название славянских народов с основой *ven-* в финно-угорских языках: финс. *Venäja* 'Россия', прафинс. *Venät* из др.-герм. **wened*, др.-верх.-нем. *Winidā*, др.-исл. *Vindar* 'славяне' [Мавродин, 1945, с. 27–28, 36–37; Slawski, 1977, с. 373].

Противники отождествления славян и венедов указывают на полнейшую искусственность предположения автора гипотезы о тождестве венедов и славян В. Суровецкого и фактической бездоказательности доводов его последователей [Шелов-Коведяев, 1994, с. 33]. Этнокон *венеды* никогда не употреблялся славянами в виде самоназвания, хотя попытки обосновать это в научном мире были [Golab, 1975], но успеха не имели.

Указывают и на возможность простого механического соединения Иорданом или скорее его предшественником Кассиодором, труд которого использовал Иордан, названий двух племен, проживавших на одной территории, но в разное время: недавно расселившихся славян он якобы в исторической ретроспективе приравнял к прежнему населению региона – венедам [Анфертьев, 1994, с. 131–132].

А вот западноевропейской этнонимии это племенное название известно издавна. Считают, что самое раннее употребление этникона зафиксировано у Гомера в «Илиаде» на побережье Малой Азии в Пафлагонии [Гомер II, 851–852]. Такое же этническое название *Ἐνετοί* есть и у Геродота [Геродот I, 198; V, 9], но располагает Геродот его в Иллирии на побережье Адриатического моря. Этноним в этом районе встречается потом у Эсхила и Псевдо-Скилака [Скилак Карианд. 19]. Это племя принято отождествлять или видеть его тесную связь с венетами, которые расселялись позднее на северном побережье Адриатики. Полибий описывает их: «Очень древнее племя, носящее имя венетов; в отношении нравов и одежды они мало отличаются от кельтов, но языком говорят особым» [Полибий II,

17, 5]. Название этих венетов до сих пор сохранилось в названии итальянской Венеции.

Позднейшие античные авторы стали отождествлять и энетов Пафлагонии с адриатическими венетами. Тит Ливий, как известно, начинает свою историю с разгрома Трои и переселения оттуда побежденных народов. Энетов он упоминает как союзников троянцев, которые совместно предприняли переселение на север Адриатического моря и стали здесь называться венетами [Ливий I, 1]. С более подробным экскурсом в историю, но в целом практически аналогично у Страбона [Страбон XII, III, 8]. Правда, скорее, здесь мало истории, зато много мифологических отождествлений.

Позднее античные авторы хорошо знали племя венетов на территории Арморики (совр. Бретань) – *Veneti* [Цезарь. О галльской войне II, 34; III, 7–16; IV, 21; VII, 75]. В форме *Ouvénetoi* его знает Страбон [Страбон IV, IV, 1] и Дион Кассий. Эти венеты дали название современному городу Ванну в Бретани.

Кроме того, по всей Европе разбросано большое количество топонимов с основой *vent-*. Современное Боденское озеро в Альпах римляне называли *lacus Venetus*. По античным данным схожие топонимы располагались на территории современной Южной Германии и в Лациуме. Фиксируется ряд этнонимов и антропонимов с этой основой [Калыгин, Королев, 1989, с. 221; Шелов-Коведяев, 1994, с. 34]. Существовала тенденция видеть во всех венетах самоназвание одного племени, которое впоследствии расселялось полностью или частично. Но ни археология, ни лингвистика не дают аргументов в пользу подобного подхода. Поэтому вряд ли все эти племена, а тем более топонимы были связаны с одним переселявшимся племенем. Исходя из этого, все чаще возникает стремление объяснить появление названия венедов на востоке Европы его переносом на новое племя. Однако нет сомнения, что все эти грамматические греческие и латинские формы этниконов, включая венедов за Карпатами, генетически родственны. Часть этой топонимики сохранилась до сих пор. Традиционно указывают на большую активность этой основы в жизни кельтских и германских племен [Шелов-Коведяев, 1994, с. 34].

Чтобы разрешить действительно очень непростую и противоречивую ситуацию с использованием данного этникона, иногда создают достаточно сложные концептуальные построения. Один из последних структурных обобщающих анализов проблемы венедов в сообщениях авторов первых веков нашей эры сделал Ф. В. Шелов-

Коведяев [Шелов-Коведяев, 1994, с. 31–35, 41–44, 55, 57–59]. Им подытожен большой материал и дано множество интереснейших и важных наблюдений за использованием этнонима. С большинством комментариев необходимо согласиться. Он же предложил и свою концепцию появления этника в Восточной Европе у античных ученых [Шелов-Коведяев, 1994, с. 31–35, 42–43, 55, 57–59]. Вот тут принять некоторые его соображения совершенно невозможно.

Но по порядку. Истоки использования термина венеды в отношении населения Восточной Европы у античных ученых Ф. В. Шелов-Коведяев предлагает искать в античных полумифологических представлениях. Для раннего античного мира племя венетов на берегах Адриатики представлялось живущим на крайнем севере. Где-то там текла река Эридан и из этих дальних земель поступал янтарь¹. Ф. В. Шелов-Коведяев уверен в увязке для античного мира этника *венеты* с Янтарным путем². Но обитаемый мир для античной науки постепенно расширился и уже имел новые очертания. Ф. В. Шелов-Коведяев полагает, что сам Плиний или его источник самостоятельно переместил венедов на крайний север известного им на тот момент мира [Шелов-Коведяев, 1994, с. 34–35, 57]. Так они оказались почти на берегах Балтики. Способствовал этому янтарь и созвучие названий одной из рек древнему Эридану [Шелов-Коведяев, 1994, с. 57]. «Характерно, что Плиний поместил упоминание венедов в полусказочный контекст: он понимал, что венеды побережья Северного океана – один из элементов древних легендарных представлений, а не живой, современной ему реальности» [Шелов-Коведяев, 1994, с. 35].

Да, вполне можно утверждать, что венеды действительно часть полумифологической картины мира не только для Плиния, но и для других авторов до времени Иордана. Но если венеды и были для Плиния полумифологическим племенем, это совсем не означает, что они вовсе не существовали.

Построение концепции, исходя исключительно из деятельности античных историков, страдает значительными слабыми местами. Конечно, сразу бросается в глаза, что теория Ф. В. Шелова-Коведяева

¹ Ср., например, у Аполлония Родосского в его «Аргонавтике» [IV, 505–506, 558–613, 629–641] или у Диодора Сицилийского [Диодор Сицил. V, 23, 1–4] с великолепным мифологическим фоном.

² Собственно, это отчетливо видел еще П. И. Шафарик [Шафарик, 1837, с. 203].

полностью противоречит очень широкому распространению у германских и финских народов названий для славян с основой *wind-*, *wend-*, *vent-*. При любых условиях очень сложно заподозрить заимствование финно-уграми этникона из античной науки. В отношении финнов автор сразу сделал оговорку, что они переняли это название для славян от германцев [Шелов-Коведяев, 1994, с. 58], что сейчас является распространенным мнением. Однако не менее сложно поверить в то, что сами германцы заимствовали у античных книжников (*sic!*) этноним для обозначения народа, с которым они проживали в соседстве и который они должны были знать лучше, чем римляне, которые имели о нем совершенно туманные и смутные представления.

Тем более этому противоречит единая грамматическая линия, проявляющаяся у всех античных ученых, а именно разница в написании: для всех западноевропейских употреблений этникона *-t-*, для восточноевропейского *-d-*. Этноним восточноевропейского племени записан у Плиния – *Venedi* [Плиний IV, 13, 97], у Тацита – *Venethi* [О происхождении германцев 46], у Птолемея – *Ουενέδαι* [Птолемей III, 5, 7], у Иордана – *Venetha* [Иордан 34] и *Venethi* [119]¹. Первичной формой единодушно считается **veneto-*, аналогично звучанию европейских этнонимов. Влияние на изменение оказал общегерманский переход согласных *th > ð* [Браун, 1899, с. 333; Slawski, 1977, с. 373; Подосинов, 1994, с. 75]. Причем это характерно как для греческих, так и для латинских форм. Поэтому несомненно, что этноним попал к римлянам через германцев.

Это тем более вероятно, что в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э. произошло достаточно осязаемое соприкосновение римлян с германским миром, которое выразилось в нескольких дальних проникновениях римлян в глубь центральноевропейской территории, прибытии посольств германских племен, например, посольство короля семнонов Масия [Wielowiecki, 1981, с. 12; Шелов-Коведяев, 1994, с. 40–41]. И тут никак не обойти деятельность крупнейшей фигуры римской политики того времени – Марка Випсания Агриппы (64–12 гг. до н. э.), приближенного и зятя императора Октавиана Августа. Под его руководством были проведены геодезические промеры территории всей Империи. На основе этого в 12 г. до н. э. на

¹ Хотя существует аргументированное мнение, что Тацит писал *Venethi*, *Veneti*, а написание в его тексте *Venedi* появилось в XVI в. из-за ошибки переписчика [Wielowiecki, 1981, с. 13].

Марсовом поле в новопостроенном портике им была создана карта Империи и окружающих земель¹. Нельзя при этом забывать, что Агриппа, вероятно, вполне сносно знал и собственно германские земли, так как именно под его руководством римские легионеры переправились через Рейн и основали на правом берегу Колонию (совр. Кёльн), ставшую оплотом дальнейшего продвижения в Германию. Позже, продвинувшись до Эльбы, римляне ненадолго даже создали провинцию – Германия. Кстати, и Плиний служил в рейнской армии и написал отдельное несохранившееся сочинение по истории войн римлян и германцев. Поэтому представляется вполне логичным, что знания римлян о центральноевропейских землях значительно расширились. Это доказывает, что античные авторы не сами конструировали этническую карту, а пользовались полученными из разных источников сведениями.

Не слишком убеждает и утверждение, что римляне отождествляли с венетами любой пришедший с севера народ [Шелов-Коведяев, 1994, с. 43]. При всем своем высокомерном отношении к варварам, римляне достаточно быстро и осмысленно знакомились и отождествляли новых пришельцев на своих границах. Не будем забывать, что и Плиний, и Птолемей так же хорошо знали венетов Бретани [Плиний IV, 14, 107, 109; Птолемей II, 8, 6], как венедов на востоке.

При этом не надо забывать, что на описания народов у античных ученых могли влиять и принципы построения античных карт. «Для малоизвестных частей Европы севернее Дуная вытянутая в широтном отношении карта почти не оставляла места, и народы, и города, расположенные поблизости от Дуная, неизбежно оказывались на ней на берегу Северного океана» [Подосинов, 1994, с. 70].

Концепция Ф. В. Шелова-Коведяева не согласуется и с широким распространением этнонимов и топонимов почти по всей Европе, например, в Арморике (Бретани). Тут подобные построения в голову не приходят, так как здесь нет ни янтаря, ни реки Рудон. Да и название кельтского племени вполне аутентично. Правда уже античные авторы, вопреки всем нашим современным знаниям об этнической принадлежности племен Европы того времени, пытались объяснить столь схожие названия именно переселением части венетов на север [Страбон IV, IV, 1]. Но при этом никакие аллюзии янтарного изоби-

¹ Иногда считают, что карта Агриппы стала прообразом Певтингеровой карты [Подосинов, 1994, с. 65].

лия не присутствуют в их построениях. Скорее видно, что предметом сопоставления является созвучие или идентичность самого этнонима.

Не менее трудно согласиться с мнением Ф. В. Шелова-Коведяева, что описание Тацитом певкинов и венедов – это только «риторическая пара», которая реализует черты «идеального» германца, разделенные пополам между двумя народами [Шелов-Коведяев, 1994, с. 43]. То есть, он описал не реальную антропологию, а искусственный обобщенный образ. Однако надо сказать, что давая в начале своего произведения образ «идеального» германца, Тацит сделал очень много важнейших наблюдений, которые не отражают все реалии германского общества, но часть этих реалий передают безусловно.

Наконец, данная концепция не объясняет самого главного – зачем Плиний предпринял передвижку этнонима? Просто для завершенности картины? Полная немотивированность как таковая вряд ли может служить аргументом, когда мы говорим о таком ярком энциклопедисте как Плиний Секунд Старший.

Да и у Птолемея, при всей критике в отношении его бессвязной передачи этнонимов региона, сложного совмещения разновременных данных, нельзя не признать, что и за его компиляцией скрываются многие вполне реальные этносы. Даже еще дальше на восток от венедов этот автор приводит названия племен, которые для нас вполне историчны на Балтийском побережье – галинды, судины, те же фенны [Lowmianski, 1964a, с. 46–47].

Кстати говоря, Тацит единственный античный автор до Иордана в VI в., который попытался причислить венедов к какой-либо известной ему этнической общности. Он колеблется и ставит проблему – германцы или сарматы, так как античные ученые подразделяли все народы в этом регионе только на две эти этнические группировки. Поэтому вопрос Тацита вполне закономерен и научен: он пытается соотнести их со структурой этнических знаний античности. Оказывается, что напрямую ни венеды, ни фенны не принадлежат ни к одной из групп, что уже говорит о том, что венеды представляли собой отдельный этнос¹. Здесь же он сомневается в том, к какому народу отнести самих бастарнов, хотя отождествить их оказалось для Тацита гораздо легче. А вот для венедов он использует целое описание. Затем, приведя ряд аргументов этнологического плана, он

¹ Это подтверждается и отнесением венедов к «крупнейшим племенам» у Птолемея [Удальцов, 1946, с. 45].

отнес их «по сумме показателей» ближе к германцам и дал обобщенное описание жизни венедских племен.

Исследователи далеко не всегда уделяют внимание (видимо, из-за недоверия) одному пассажи Корнелия Тацита. Говоря о венедах, он пишет: «Венеды переняли многое из их нравов...» [Тацит. О происхождении германцев 46]. Под «их нравами» Тацит понимает нравы бастарнов¹. На наш взгляд, это важное свидетельство культурного влияния бастарнов на племена венедов. Не менее значимо прямое указание Тацита на перенимание венедами обычаев, что сделало их подобными германцам: «Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне» [Тацит. О происхождении германцев 46]. Поэтому как бы не решался вопрос об этнической принадлежности венедов, надо отметить, что Тацит дает важное указание на то, кто явился вероятным передатчиком германских обычаев для венедов – а именно бастарны².

Суммируя, можно утверждать, что античные авторы первых веков всегда так или иначе располагали венедов рядом с бастарнами. Если же верить Тациту, то бастарны влияли на венедов в культурном отношении. Таким образом, венеды вначале описаны на крайнем востоке собственно латенского мира, как перенимающие его обычаи, и тогда они были частью «латенского котла», влияние которого не шло дальше Днепра.

Активное перенимание обычаев может свидетельствовать об относительно более низком уровне культурного развития венедов по сравнению с германцами. Но отметим и то, что чаще всего перенимание идет прежде всего при тесных политических контактах. Вряд

¹ Часто считают, что по контексту речь идет о нравах сарматов [Мачинский, 1976, с. 86; Шелов-Коведяев, 1994, с. 43]. На самом деле контекст не говорит об этом: Тацит описывает бастарнов и пишет, что они приобретают черты сарматов. А от них, т. е. от бастарнов, нравы перенимают венеды.

² Правда, сам Тацит видит только неприглядную сторону жизни бастарнов и их «культурного влияния». О бастарнах: «Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов». О перенятых венедами обычаях: «...ради грабежа рыщут по лесам, какие только не существуют между певкинами и феннами» [Тацит. О происхождении германцев 46].

ли бастарны могли оказывать активное влияние после потери своего политического могущества в регионе. Поэтому можно полагать, что на этом этапе венеды имели какое-то отношение к племенному союзу бастарнов. Рассмотрение проблемы венедов на раннем этапе в тесной связи с бастарнами вполне резонно и обоснованно. Дополняя Тацита археологическими данными, мы можем с большой долей вероятности указать на тот регион, который подвергся культурному влиянию бастарнов в наибольшей степени. Это как раз и будет зарубинецкая культура.

Чаще всего этноним венедов связывают с археологической культурой на территории современной Южной Польши и Северных Карпат – пшеворской [Седов, 2002, с. 113–114]. Она возникает как раз в переломный момент развития Центральной Европы в середине или даже в начале II в. до н. э. Но только ли ее можно отождествлять с венедами?

Это отождествление основано прежде всего на привязке венедов в античных сочинениях к реке Вистуле (совр. Висла). Действительно, античные авторы и особенно однозначно Птолемей располагали венедов в регионе Вислы. Но достаточно давно показано, что сделал он это искусственно [Браун, 1899, с. 28–29, 118–119]. Замечено, например, что многие топонимы в Повисленье перенесены Птолемеем из региона Дакии и Карпат [Браун, 1899, с. 42–43; Lowmiański, 1964a, с. 43; Шелов-Коведяев, 1994, с. 55]. Как показывает скрупулезный анализ твердой соотнесенности именно с Повисленьем у расселения венедов нет.

Привязка к Висле, судя по всему, возникла достаточно просто – именно река Вистула была здесь единственным знакомым римлянам географическим объектом [Wielowiecki, 1981, с. 10]. Випсаний Агриппа вероятно именно ее определил как границу Дакии и Германии [Wielowiecki, 1981, с. 10]. Это мнение закрепилось, и поэтому именно к этой реке античные ученые привязывали все остальные объекты¹. А вот что они видели за этой восточной границей – Дакию, Сарматию или нечто другое – тут подход каждого автора был индивидуален [Lowmiański, 1964, I, с. 144–145, 151]. А это в свою очередь во многом влияло на то, как они атрибутировали самих венедов.

¹ Такое положение сохранялось еще долгое время: ср., например, описание англо-саксонского путешественника Вульфстана в самом конце IX в. [Орозий 12, с. 26].

Возможно сами принципы построения античных карт способствовали «перемещению» венедов на берега Балтики. Напомним, что вытянутые по форме, античные карты видоизменяли пространство и «выдавливали» некоторые племена к берегам Северного океана. Это вполне может объяснять такое северное расположение венедов и в описаниях на основе таких карт [Подосинов, 1994, с. 70].

Локализация венедов не всегда четкая. Певтингерова карта располагает их на территории Повисленья, около Карпат и в низовьях Дуная [Подосинов, 1994, с. 73–74]. Таким образом, перед нами достаточно размытая географическая привязка места расселения венедов – античные ученые видят эту группу племен от Балтики до Карпат, а то и до низовий Дуная, от восточных областей Германии до территории расселения сарматов. Многое говорит за гораздо более южную, чем Повисленье, локализацию, по крайней мере, части венедов.

Судя по всему, название *венеды* носила группа племен на широком пространстве [Lowmiański, 1964a, с. 44]. Это опять же может свидетельствовать о большом политическом союзе, который охватывал почти половину лесной Восточной Европы. Тогда такой союз могли составлять несколько археологических группировок. Разве говоря о контролируемых бастарнами или готами¹ землях, мы всегда видим перед собой только одну археологическую культуру или однотипную ситуацию внутри каждой? Теоретически зарубинецкая культура отвечает всем необходимым требованиям – перенимание латенских и германских обычаев, близость к региону Повисленья и к сарматам.

Главным препятствием для отождествления зарубинцев и венедов служит хронология – когда на страницах хроник появляются венеды, зарубинецкая культура уже находится в кризисе. Однако надо указать, что у нас нет надежных оснований датировать формирование этнонима венеды только с началом нашей эры. Сейчас уже убедительно показано, что весь географический контекст, в котором их впервые размещает Плиний Старший, он заимствовал из более ранних греческих по происхождению произведений [Wielowiecki, 1981, с. 11; Шелов-Коведяев, 1994, с. 31]. Тогда можно полагать, что не Плиний впервые назвал их. Да и начинается он свою фразу о венедах: «Некоторые рассказывают (передают)...». Это дает возможность теоретического сближения хронологий.

¹ Ср. интересный анализ черняховской культуры [Седов, 2002, с. 150–185].

Собственно, попытки связать венедов с зарубинецкой культурой и с Полесьем уже предпринимались. М. Ю. Брайчевский сопоставлял пшеворскую и зарубинецкую культуры с венетами, правда, просто на том основании, что обе считаются раннеславянскими [Брайчевский, 1968, с. 70, 72]. К региону Припятского Полесья относил Д. А. Мачинский территорию расселения венедов по античным источникам второй половины I в. н. э.: среднее течение Западного Буга – Подольская возвышенность, не достигая Верхнего Приднестровья с бастарнами – Днепр севернее впадения реки Рось [Мачинский, 1976, с. 88, 94–95]. Фактически это, с некоторыми вариациями граница зарубинецкой культуры, если учитывать движение полесской группировки к Карпатам. Проблема в другом – в это время произошел кризис у зарубинцев, и они оставили часть своих территорий и, видимо, Полесье в том числе. Это заставляет Д. А. Мачинского считать венедов новоприбывшими на бывшую зарубинецкую территорию [Мачинский, 1976, с. 91]. С другой стороны, на значительной части бывшего расселения зарубинцев пока не обнаружены материальные следы пришедшей им на смену новой археологической культуры. Прежде всего это касается именно полесского региона. Поэтому исследователь предложил отождествлять венедов с культурой, не оставившей материальных памятников и свидетельств [Мачинский, 1976, с. 93–96]. При этом он неизбежно определяет именно «безлюдное» и «безматериальное» Припятское Полесье как наиболее вероятный эпицентр венедов [Мачинский, 1976, с. 96]. В этом же регионе ищут венедо-славян и другие ученые [Щукин, 1976, с. 77–78].

Отметим и тесное взаимодействие на Волыни и в Подолье носителей пшеворской и позднезарубинецкой культур [Винокур, 1983, с. 112; Седов, 2002, с. 169], так как пшеворцы в первых веках нашей эры продвигаются на юг в эти районы [Козак, 1983, с. 104–105]. Впоследствии здесь распространяются и носители черняховской культуры (конец II – середина V в. до н. э.), которую достаточно единодушно связывают с разноэтничным союзом племен под предводительством готов с центром в Причерноморье. Вполне можно полагать, что часть зарубинцев участвовала в становлении черняховской культуры [Щукин, 1976, с. 78]. Черняховцы Прикарпатья также были очень близки пшеворцам [Dąbrowska, 1981, с. 281]. Поэтому, на наш взгляд, ничто не противоречит тому, что зарубинцы или их передвинувшаяся к Карпатам группа могли войти составной частью в союз венедов.

На наш взгляд многое определяет хронологический момент появления этнонима *венеды* на востоке. Обратим внимание на общие тенденции развития в I в. н. э., когда венеды появились на страницах исторических сочинений. Во-первых, это момент падения кельтского влияния. Одновременно пошатнулось могущество бастарнов, тесно связанных с кельтами. В результате произошло перекраивание всей этнической карты на левом берегу Нижнего Дуная под влиянием массовых изменений в расстановке этнических и политических сил. И практически одновременно появляется новый этникон в непосредственной близости от восточных границ расселения бастарнов. Кстати, появляется не в одиночку, а в окружении массы других новых названий.

Получив название *венеды* в латенском мире, какое-то племя, возможно ранее незначительное, приобрело теперь политический вес и постепенно распространило свою политическую власть, достаточно номинальную в условиях общественного развития того времени, на другие племена. Те, в свою очередь, вскоре стали обобщенно называться *венедрами* и в результате римлянам стало известно крупное племенное образование за Карпатскими горами. В свою очередь такое объяснение может хорошо проиллюстрировать ситуацию, почему иногда этникон венедов «сдвигался» у античных авторов – они применяли его к разным уровням племенного сообщества: то к самому общему – в виде союза племен, то к его частям. Это заметил уже Ф. Браун [Браун, 1899, с. 332; *Lowmianski*, 1964a, с. 45]¹.

Возможно, что вскоре произошли и военные столкновения венедов с Римом. Письменные источники молчат о таких фактах. И все-таки один аргумент привести можно. Император Волузиан (251–253 гг. н. э.) после своей кампании в Дакии принял титул – Венедикус, зафиксированный на монетах по гречески и по латыни «*Ουένδικος Ουολυστιανός*» и «*Vendico Volusiano Augusto*» [Мишулин, 1939, с. 300; Шелов-Коведяев, 1994, с. 43]. Венеды оказались достаточно значительной политической силой, чтобы император не «побрезговал» принять такой титул – от победы над слабым проку не много. Тем более, подобная титулатура попросту невозможна в применении к мифическому народу.

¹ Сравните четко подмеченный Аммианом Марцеллином пример такого распространения этнонимов применительно к аланам: «Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это персы» [Аммиан Марцеллин XXXI, 2, 13, 17].

Из дальнейшей политической истории венедского племенного союза мы знаем практически только краткое упоминание о войне с готами под предводительством короля Германариха в IV в. н. э. (около 350–370 гг.) [Иордан. О происхождении гетов 119]. Возможно это стало крахом данного племенного союза. Недаром в это время венеды вновь уходят в тень. Но по каким-то причинам часть племенного союза проявила этническую живучесть. Может быть, намек на разрешение проблемы дают Птолемей и Иордан, свидетельствуя многочисленность венедов.

Когда в результате удара гуннов готский союз в Причерноморье потерпел страшное поражение, влияние венедов в регионе постепенно вновь начало расти. Но по свидетельству Иордана они уже называли себя по-другому, и это вновь возвращает нас к славянской проблеме.

Надо признать, что этнонимы с основой *vent-* принадлежат древнеевропейской традиционной этнонимии [Lowmianński, 1964, I, с. 85]. Отрицать генетическую взаимосвязь фонетической формы этниконов с основой *vent-*, начиная от энетов Гомера до венедов в Восточной Европе не представляется возможным¹. Не вызывает возражений аргумент, что название венеды не было самоназванием праславян. Однако отрицать или полностью игнорировать свидетельство Иордана и другие аргументы тоже невозможно. Все чаще высказывается идея, что этникон венеды был перенесен на предков славян другими народами [Golab, 1975, с. 325; Трубачев, 2003, с. 98; Подосинов, 1994, с. 69; Русанова, 1993, с. 13]. Переход *t > d* может показывать участие германских племен или в процессе называния, или в процессе использования термина.

Повторяемая этнонимия достаточно популярна в определенный момент как раз в латенском и латенизированном мире². Повторяемость схожих этнонимов отнюдь не редкость в европейском *Varbaricum*'е и *венеды* не являются здесь чем-то исключительным. Мы

¹ См. обзор некоторых попыток этимологии [Мавродин, 1945, с. 28]. О начале исследования вопроса в новое время [Мылышков, 1999, с. 37–41].

² Обратим внимание, что со смертью латенского мира умирает и активное распространение этнонима *венеты*. Он фактически не вышел за хронологические и этнические рамки латенского мира. Исключение представляют как раз *венеды* на востоке, но и тут этникон сохранился ненадолго и скоро был преобразован, если верить Иордану.

видим, как многие названия, в том числе у кельтов, «кочуют» практически по всему ареалу их расселения. Аналогичная ситуация с этниконами с основой *neur-*, *nerv-*, *nur-*, которые также нередко встречались в варварской этнонимии Европы. Далее мы покажем совершенно схожую ситуацию с основой *taur-*, *tarv-*, *tur-*. Даже учитывая далекие переселения кельтов, все-таки с трудом верится, что мы имеем дело во всех этих случаях с передвижениями одного племени. Да и археология редко подтверждает это. Более того, часто за этими этнонимами видится разная этническая основа. Остается видеть в таких этниконах переносимые названия.

Если принять такое объяснение, то ситуация вполне адекватна. Название венедов на востоке возникло в латенском мире. Причем возникло не сразу, а на протяжении некоторого времени, пока эта этническая группировка постепенно формировалась за спиной активности бастарнов, и римляне не знали ее по имени. Вскоре группировка активизировалась и тогда попала в «зону видимости» римлян, но видимости отдаленной. Ее название римляне вполне логично узнали от варваров и только тут могли сработать уже их традиционные отождествления, подправляя полумифологическую картину. Но даже они не решились, как в случае с бретонскими венетами, напрямую сопоставить их с венетами адриатическими, как это иногда пытаются делать современные ученые.

Когда античные авторы на переломе эр впервые упомянули венедов, говорить о славянах еще просто невозможно. Археология не знает материальной культуры славян на тот момент. Ни одна археологическая культура того времени не имеет прямых линий соответствия четко атрибутируемой позднейшей славянской традиции¹. И это сильный аргумент.

Название *венеды* стало «латенским» названием для некоего этнического массива, который только начинал проявлять собственную идентичность на востоке Европы. Вполне возможно, что этноним носил собирательный характер, так как территория, отводимая ему,

¹ Хотя археологи находят «бесспорных» славян только с VI в., делаются попытки обнаружить корни гончарного мастерства славян в ранних культурных традициях, например, в пшеворской культуре. Такая генетически связанная с последующими славянами керамика существовала, но составляла очень малый процент от общего объема керамических изделий этой культуры [Шукин, 1976, с. 72–77].

отдельно обобщенно размыта. В их пленочной, разорванной на широком пространстве, происходили сложные этнические процессы кристаллизации.

Скорее это было праславянское состояние, протекавшее во взаимодействии с другими этносами. Здесь бурлили противоречивые процессы различных этнических влияний, в том числе германских, кельтских и иранских. Это подметил уже Ф. Браун: «Имя обнимает не одних славян в узком смысле, и антов» [Браун, 1899, с. 332]. Он вполне логично отмечает, что совершенно не ясно к кому относится этноним *венеды*, хотя ни в коей мере не отрицает славянскую (праславянскую – в современной терминологии) составляющую [Браун, 1899, с. 331–332].

Эта славянская идентичность сформировалась только к середине I тыс. до н. э., когда Иордан и пишет о славянах, когда они сами осознали свое своеобразие, и не ранее того. К этому же времени и археология решительно «прозревает» относительно бесспорно славянских культур¹.

Итак, если мы посмотрим на проблему венедов античных источников с точки зрения латенизации археологических культур всей Центральной Европы вплоть до зарубинецкой, мы должны с полной очевидностью отдавать себе отчет в том, что где бы мы не располагали славянскую прародину – от Лабы до Днепра или даже на Дунае, – в соответствии с любой серьезной современной концепцией она так или иначе оказывается в зоне предшествующей латенизации. Отсюда совершенно естественно рассматривать праславянский элемент как часть кипящего «латенского котла». Кельтская «латенская вуаль» оставила неизгладимый след в славянской духовной культуре, как считают многие ученые [Мавродин, 1945, с. 22; Трубаев, 2003, с. 45–47; Седов, 2002, с. 79–95]. Праславяне были составной частью этого мира, о чем уже давно говорит лингвистика, и поэтому германские или кельтские влияния не могут удивлять.

При этом отметим, что, все-таки, нет четких аргументов, чтобы полностью и без колебаний выбрасывать территории зарубинецкой и поздней зарубинецкой культуры из этой праславянской зоны. Мы находим в культурном влиянии на нее оба этих этнических компонента, причем германский компонент на то время еще ощутимо был «прикрыт» латенской вуалью. Но история уже готовила перемены...

¹ Д. А. Мачинский предлагает связывать со славянами уже венедов столкнувшихся с готами Германариха [Мачинский, 1976, с. 83, 95].

Глава 11

«ЛАТЕНСКИЙ ЗАКАТ» НА ВОСТОКЕ

Политическая судьба зарубинецкой культуры оказалась неразрывно связанной с бастарнами и кельтским миром. Об этом свидетельствует в том числе и то, что латенский мир и зарубинцы практически одновременно получили сильные удары, от которых уже не смогли никогда полностью оправиться.

В I в. до н. э. начинается неуклонное падение влияния кельтов. Римское государство, где на смену республике пришла империя, активизирует завоевательную политику. Начинается его территориальное продвижение и на земли варварской Европы. В самом конце I в. до н. э. легионы Октавиана Августа последовательно захватывают Иллирию, Норик, Рецию и Паннонию. Римская граница прошла по реке Дунай. После подавления римлянами яростного восстания местного населения на правобережье Дуная в 6–9 гг. н. э., в котором участвовали и племена кельтов, господство Рима стало здесь прочным и безусловным. К этому времени Римская империя владела практически всеми землями континентальных кельтов. Их новые завоевания стали невозможными. Приходит конец кельтскому господству и на другом берегу Дуная – в Восточно-Карпатском регионе. На севере современной Румынии окрепло государство даков во главе с талантливым царем Беребистой. Некогда даки потерпели несколько очень чувствительных поражений от кельтов и бастарнов. Теперь времена изменились. В 50 г. до н. э. даки под руководством Беребисты разгромили вначале скордисков, а боев и таурисков практически уничтожили [Страбон VII, III, 11]¹.

¹ Кельты терпели поражения и на севере. В 115 г. до н. э. пришли в движение германские племена кимбров и тевтонов. В своем движении с побережья северных морей, судя по всему, именно они разгромили кельтские поселения в районе Шлёнска (современная территория Польши), а потом продвинулись практически к Дунаю на земли современных Баварии, Чехии и Моравии. К ним присоединились многие побежденные кельтские племена, в том числе часть таврисков [Rosen-Przeworska, 1976, с. 206].

Однако и после этого удара даков Клавдий Птолемей знает в верховьях Днестра типично кельтское название города – Карродунон [Птолемей Клавдий III, 5, 15]. Аналогичное название он фиксирует и в других кельтских и иллирийских областях Европы. Возможно и некоторые другие местные топонимы также можно связать с кельтами [Madi, 1967, с. 182; Woźniak, 1974, с. 30]. Более того, некоторые исследователи считают, что под влиянием тяжелых поражений на Среднем Дунае небольшая часть кельтских племен как раз и продвигалась в Закарпатье [Woźniak, 1974, с. 26–27, 30]. Здесь, в холмистом и труднодоступном Прикарпатье, на северо-востоке современной Венгрии остатки кельтских племен котинов и теурисков еще на некоторое время удержались, но в их культуре уже ощущается заметное влияние даков [Szabó, 1971, с. 20, 21]. Дакийско-кельтский симбиоз в Верхнем Поднестровье во второй половине I–II вв. н. э. отмечает и археология [Мачинский, 1973, с. 59].

Даки, видимо, не стремились здесь или не имели сил к широкому продвижению и колонизации. Они заложили в Закарпатье на берегу Тисы крепость для контроля за захваченной территорией [Бидзиля, Шукин, 1993, с. 83; Еременко, 1997, с. 35]. Несомненно, что отдельные кельтские группировки продолжали существовать в регионе еще достаточно долго.

Хотя кельтское могущество было подорвано, но бастарны еще продолжали какое-то время вести активные действия. Однако ослабление кельтов сказалось и на их политическом положении. Один за другим на них обрушиваются сильные удары сарматов и даков. Все более жестокие поражения наносят римляне. Наконец вновь подошедшие с севера готы окончательно теснят их. Напомним также, что скоро сами бастарны выступили союзниками даков в их борьбе с Римом, что говорит о смене гегемона в регионе.

Тем не менее, продолжается сотрудничество каких-то групп кельтов с бастарнами в карпатском регионе. Мы уже говорили, что некие кельты приняли участие в далеком походе певкинов-бастарнов в 268–269 гг. н. э. в Малую Азию.

Ситуация на востоке на территории родственной бастарнам зарубинецкой культуры повторяла в определенном смысле ситуацию с самими кельтами и бастарнами на западе. Вновь мы видим, как исторические процессы на белорусских землях оказались тесно связаны с изменениями обстановки в Центральной Европе. Правда сами механизмы влияния нам пока в полном объеме неясны.

С середины I в. до н. э., одновременно с кардинальным изменением ситуации на западе в Карпатском регионе, поражениями кельтов и ослаблением бастарнов, начинается кризис зарубинецкой культуры. А уже в конце I в. до н. э. их ранее относительно спокойный и стабильный мир неожиданно приходит в движение. Почему это произошло – ясного и однозначного ответа пока нет. Поэтому дальнейшая судьба зарубинцев вызывает много споров.

Изменения тем более неожиданны, что чуть ранее ничто не предвещало осложнений. Еще в начале I в. до н. э. зарубинцы были в состоянии постепенно распространяться на юге вдоль Днепра вплоть до рек Роси и Тясмина. Однако реальным фактором политического расклада сил ближе к середине I в. до н. э. в Среднем Поднепровье стало давление сарматов. В связи с наступлением сарматов зарубинцы оставили недавно колонизированные земли. Видимо, это был первый сильный толчок. Скоро они были вынуждены покинуть и ряд своих давно обжитых земель в Среднем Поднепровье [Славяне, 1990, с. 19–21].

Они переселились в труднодоступные болотные и лесные районы, где сама природа препятствовала проникновению степных кочевников [Егарэйчанка, 1999, с. 263]. Но этого оказалось недостаточно и отступление продолжилось. Часть зарубинцев уходила дальше на восток за Днепр – в Подесенье [Славяне, 1990, с. 19–21; Егарэйчанка, 1999, с. 264].

Усиливаются контакты зарубинцев с днепро-двинской археологической культурой, которую исследователи связывают с предками балтов. Эта культура, стабильно обосновавшаяся в верховьях Днепра и на юге достигавшая Могилева, давно поддерживала с зарубинцами торговые контакты по реке Сож. Теперь начинается медленное движение зарубинецкого населения на север, в зону лояльных к ним местных племен. Одновременно на рубеже эр начинается стремительное перенимание зарубинецких достижений, которые днепро-двинцы творчески осваивают [Шмидт, 1992, с. 18–20]. Причем это влияние шло дальше и ощущается даже на Оке и Волге [Рассадзин, 1996, с. 74].

Казалось бы, что для населенного зарубинцами Припятского Полесья кочевая угроза не могла быть столь реальной. Однако и здесь проходили загадочные для нас процессы. Судя по всему, в середине – третьей четверти I в. н. э. Припятское Полесье обезлюдело по неясным причинам [Егарэйчанка, 1999, с. 264; Мядзведзеў, 1997, с. 24].

Неожиданно местное население также устремилось в новые районы¹. Характерно, что зарубинцы из западных районов Припятского Полесья продвинулись в верховья правых притоков Припяти как раз на Волынь и далее в Верхнее и Среднее Поднепровье. Здесь они образовали волыно-подольскую археологическую культуру, которую рассматривают как группу поздних зарубинцев [Винокур, 1983, с. 112, 129–131; *Славяне*, 1990, с. 21–22; *Егарэйчанка*, 1999, с. 265], разгромленную впоследствии вельбарцами [Козак, 1993, с. 65–66]. Это можно считать важным аргументом в пользу действительно тесных связей полесской группировки с бастарнами.

Поздnezарубинецкое население сохранило свои прежние районы только в Верхнем Поднепровье и на Березине, где оно плотно проживало до конца II в. н. э. [*Егарэйчанка*, 1999, с. 266], даже расширяя свою территорию.

Ранее полагали, что зарубинцы только с конца III – начала II в. до н. э. постепенно установили связи с кельтами [*Поболь*, 1969, с. 103], что только впоследствии стало во многом определяющим для развития их культуры. Теперь уже ясно, что такая яркая латенизация могла быть исключительно итогом изначального влияния кельтской культуры, и основные латенские особенности уже в готовом виде были привнесены латенизированными переселенцами с запада, которые потом и создали зарубинецкую культуру [*Еременко*, 1997, с. 23–24, 87–105]. Доказывают также положение, что глубокая латенизация могла существовать только при наличии продвижения групп этнических кельтов [*Каспарова*, 1991, с. 23]. В любом случае влияние латенской культуры на зарубинецкий регион было непосредственным и продолжительным [*Woźniak*, 1974, с. 165].

Весь юг и области белорусского Поднепровья в конце I тыс. до н. э. находились под кельтским культурным влиянием. Такое мощное культурное воздействие не могло быть порождено одномоментными и спорадическими контактами с отдаленными территориями. На про-

¹ Особняком стоит мнение Л. Д. Поболя, который считает, что зарубинецкая культура продолжала поступательно развиваться в поздnezарубинецкий период на территории современной Беларуси и даже начался период ее экспансии в верховья Немана, в белорусское Подвинье и в восточном направлении за пределы Поднепровья [*Поболь*, 1983, с. 37, 40, 429]. Одновременно южная граница этой культуры отступила на север в лесостепную полосу [*Поболь*, 1971, с. 178], что он также связывает с давлением сарматов.

тяжении нескольких столетий зарубинцы воспринимали импульсы, идущие из кельтского мира. У них менялась мода на фибулы от раннего до позднего латена параллельно с миром кельтов, даже когда сам зарубинецкий мир уже стоял на грани кризиса. Это свидетельствует о стабильности контактов с латенской ойкуменой. При этом археологи признают – собственно кельтских вещей в Припятском Полесье мало. Гораздо шире кельтский импорт в Среднем Поднепровье: шпоры, фибулы, браслеты, перстни [Егарэйчанка, 1999, с. 261]. Это свидетельствует о существовании в степях своих тесных связей с Западной Европой, которые имели столь же древнюю историю, как и припятский торговый путь. Но именно это еще раз убедительно доказывает, что зарубинцы обрабатывали именно культурные идеи и тенденции латенского мира, а не просто потребляли материальный импорт с запада.

Кельтские культурные воздействия продолжают просматриваться и у поздних зарубинцев. Несмотря на политические изменения и территориальные перемещения, даже самые дальние зарубинецкие группировки продолжали поддерживать отношения с Центральной Европой. Например, когда у кельтов появился новый тип позднелатенских фибул, эта мода достигла и отдаленного бассейна Березины [Мядзведзеў, 1997, с. 24]¹.

¹ В этой связи хочется обратить внимание на один характерный момент. Л. Д. Поболь утверждает, что зарубинцы достигли высот в изготовлении фибул в подражание среднелатенским образцам, поступавшим из Европы [Поболь, 1983, с. 31]. Именно в это время контакты зарубинцев и кельтов были наиболее тесные. А вот в позднелатенский период секреты мастерства понемногу терялись, изделия стали изготавливаться значительно более грубо [Поболь, 1983, с. 32]. Достаточно странно видеть такую неожиданную деградацию самих мастеров при относительной политической стабильности. А ведь именно в это время пресекаются контакты с терпящими все новые поражения племенами восточных кельтов, которые оказываются, за исключением небольших групп, отрезанными от зарубинецкого массива. Почему же в этом случае мы говорим о потере профессиональных навыков зарубинцами? Или вопрос требует более сложной постановки. Мы уже упоминали гипотезу о путешествующих кельтских ремесленниках. Вспомним и о кельтских оппидумах типа Новоклинова в Карпатах, которые обслуживали окрестные территории, изготавливая ремесленные изделия. Профессиональных высот зарубинецкие мастера могли достичь под непосредственным влиянием кельтских. Когда же связи с кельтским миром были нарушены, то началась и деградация зарубинецкого производства. Характерно,

В конце I тыс. до н. э. отражением падения политического влияния кельтов стало затухание яркого кельтского стиля в искусстве на континенте. Кельты больше не являлись генератором культурных идей. Начался позднелатенский период, отразивший политический и культурный упадок кельтского мира. Кельтское культурное влияние на племена варваров упало. Ему на смену приходит влияние римской культуры и римский или провинциально-римский¹ импорт вещей и римское культурное влияние на племена *Barbaricum'a*.

Как это не удивительно, торговые связи с Римом устанавливают даже их заклятые враги. Так, несмотря на частые военные конфликты бастарны и другие враждебные племена карпатского региона наладили с римлянами достаточно стабильные торговые отношения, о чем свидетельствует археология. Жесткая конфронтация постепенно отступала перед формирующимися торговыми и культурными связями. Это отразилось и на сопредельных территориях, оказав влияние и на современные белорусские земли, причем не только на Полесье.

С уменьшением кельтского влияния, в I–II вв. н. э. на современные белорусские земли с Запада начинают проникать предметы нового импорта – римского. Появились на территории Беларуси первые предметы римской роскоши – вещи с эмалью [Поболь, 1969, с. 105; Дучыц, 1997, с. 100]². В целом, в I – начале III в. н. э. внешние связи белорусских земель, судя по предметам импорта, испытывали расцвет.

Но уже в III–V вв. н. э. внешние контакты замирают [Мядзведзеў, 1996, с. 57]. Безусловно это связано с упадком Римской империи, границы которой начали медленно сокращаться под давлением варва-

что подобное положение наблюдается позднее в пшеворской культуре, когда сюда прекратился приток изделий провинциально-римского ремесла. Здесь это также привело к общей деградации и падению качества местных ремесленных изделий [Седов, 2002, с. 324]. Схожие процессы произошли и в других регионах *Barbaricum'a* [Jaskanis, Okulicz, 1981, с. 239]. Надо думать, что для зарубинцев это была не простая потеря навыков, а разрыв непосредственных связей с кельтским ремеслом.

¹ Такое название получил созданный в римских провинциях относительно разнородный художественный стиль, где еще продолжали ощущаться местные традиции и особенности.

² Одна из провинциально-римских фибул I–II вв. н. э. найдена непосредственно около Турова [Поболь, 1994, с. 29].

ров. В условиях политической нестабильности замирает и европейская торговля. Одновременно с началом новой волны переселений, ломавшей устоявшиеся на некоторое время контуры варварской Европы, мы уже не видим и зарубинцев. Пенящаяся пучина Великого переселения народов на время почти полностью отрезает белорусские земли от других центров европейской цивилизации.

Период зарубинецкой культуры стал периодом наивысшего расцвета внешних контактов для южнобелорусских земель. Фактически зарубинецкая культура была частью центрально-европейского культурного пространства и поддерживала теснейшие контакты с Западной и Центральной Европой и с миром Причерноморья. Необходимо подчеркнуть, что в материальном плане влияние кельтов и латенского мира на зарубинцев выглядит не менее весомо, чем прежде скифское влияние на милоградцев.

Теперь, когда благодаря исследованиям археологов более или менее прояснилась материальная сторона взаимосвязей зарубинецкой культуры, ключевым вопросом остается проблема этнической атрибуции зарубинцев. Мы уже несколько раз показывали, что, несмотря на значительные успехи последнего времени, вопрос этнической принадлежности зарубинецких племен остается нерешенным¹. Прямое соотнесение зарубинцев и бастарнов выглядит упрощением. То же самое можно сказать и о непосредственном соотнесении их исключительно с венедами или праславами, хотя определенные данные, как мы пытались показать это выше, вполне могут свидетельствовать о наличии венедского компонента у зарубинцев, который еще невозможно сопоставлять со славянами. Безусловно в зарубинецкой среде были разные этнические элементы.

Учитывая подобную этническую пестроту и включенность зарубинецкой культуры в общие процессы активного европейского взаимодействия в латенском мире, ее необходимо рассматривать как итог

¹ Принципиальную сложность споров хорошо иллюстрирует высказывание В. В. Седова: «Определить этнос носителей зарубинецкой культуры Припятского региона по данным археологии не представляется возможным» [Седов, 2002, с. 126]. Но сделав такое признание, автор тут же говорит о балтском этническом компоненте, который лежал в основе у зарубинцев. Этот пример хорошо показывает относительную гипотетичность научных предположений на данный момент.

многочисленных миграционных процессов и зону активных этнических контактов.

В принципе мы постоянно замечаем полиэтничность с ее последующей постепенной нивелировкой в построении племенных объединений в условиях частых и массовых этнических миграций и переселений, в период становления вождеств. На примере бастарнов мы уже обращали внимание, как постепенно менялось восприятие античными авторами этнической принадлежности этого племени: сначала чаще их относили к кельтам, потом – к германцам. Причем и тот и другой компонент явно присутствовал в племенном союзе бастарнов. Мы уже указывали, что под бастарнами предпочтительно видеть не только этникон, но в какой-то момент и политическое объединение, с различными этническими компонентами. Все-таки, постепенно у них побеждала германская составляющая.

Может быть аналогичной была и ситуация с венедами в первые столетия нашей эры – мы также можем подозревать постепенное формирование здесь этнического славянского компонента.

Такая постановка вопроса требует посмотреть на проблему этнической атрибуции археологической культуры под другим углом – насколько этнически единой представляется нам археологическая культура. Долгое время, говоря об этнической принадлежности любой археологической культуры, чаще всего пытались дать однозначный ответ об этносе ее носителей. Но важной характеристикой всех предгосударственных племенных объединений, что практически всегда отражают письменные источники, была их полиэтничность. Поэтому любой однозначный ответ об этнической атрибуции крупных племенных объединений выглядит, на наш взгляд, упрощенным. Так и зарубинецкая общность вполне могла быть полиэтнической, о чем в последнее время все чаще заговорили археологи [Каспарова, 1991, с. 25; Еременко, 1997, с. 119]¹. Да и в принципе накопление множества данных и прогресс в археологической науке по отдельным культурам все чаще ставит вопрос о существовании внутри многих из них достаточно обособленных группировок.

¹ Кстати, сложение милоградской культуры из нескольких племен предполагала уже О. Н. Мельниковская [Мельниковская, 1967, с. 151], правда, не указывала на разницу этнических компонентов, да и вряд ли пока возможно ставить такой вопрос в случае с милоградцами.

Это заставляет обратиться к вопросу о роли языка, как важнейшего этнического атрибутивного фактора. Действительно, когда мы говорим об археологических культурах и соответствующих им племенах, мы должны понимать, что вряд ли на этом пространстве существовал единый язык. Надо отчетливо представлять себе, что лингвистические определения типа «праславянский», «индоевропейский» никогда и никем не фиксировались и только искусственно реконструируются лингвистами. Употребляя эти определения мы конструируем обобщенную картину процессов исторического развития языков, но такая картина лишена хронологических привязок. Само же понятие «праязык» носит условный характер и используется для выделения предшествующей стадии развития языка до его письменной фиксации¹.

Собственно эти проблемы уже очертил О. Н. Трубачев [Трубачев, 2003, с. 65]. Он назвал их «мифами сравнительного языкознания», но может быть еще чаще их используют историки. К мифам он отнес: «додialeктное» единство праязыка, небольшую территорию прародины его формирования, одновременность появления этноса и этнонима. Действительно, сейчас не вызывает сомнений, что для строения языковых массивов, особенно в древности, присуще яркое и пестрое диалектное членение. Этому посвящены работы школы итальянских неолингвистов, давшей начало школе «ареальной лингвистики», — Г. Асколи, В. Пизани, Г. Девото, Г. Бонфанте, которая доказала диалектную основу любого языка. Нивелировка начинается только при возникновении письменной культуры и набирает силу в момент становления литературного языка. Господство же диалектов характерно тем, что все говорят немного иначе, но понимают других. Это может происходить при взаимодействии разных, но генетически родственных языков².

Пример очень интересного сосуществования языков приводят на основании эпиграфики Галлии. «В течение нескольких столетий разговорный язык в Галлии был «смешанным» в прямом смысле слова, где латинский элемент постоянно усиливался, одновременно изменяясь сам. Типичным в этом отношении могут быть, например, такие надписи: *nata vimpi curmi da* 'девушка хорошенькая, пиво дай!', где

¹ Хорошая сводка лингвистических взглядов [Иванов, 1990].

² О роли диалектов см., например: [Хабургаев, 1979, с. 14–21].

все слова, кроме последнего, галльские, и *nata vimpi pota vi(nu)m* 'девушка хорошенькая, пей вино!', где половина слов галльская, а половина латинская. Понимание носителями обоих языков обеспечивалось также формальным сходством гал. *(g)nata* 'девушка' и лат. арх. *gnata* 'дочь' и всеобщим пониманием слова *curmi*. Дальнейший этап виден в надписи на прялке *veadia tua tenetu* 'пряжу твою пусть она (со)держит!', в котором лишь первое слово – чисто галльское, а глагольное окончание кельтизировано (чисто латинское *teneto*). Примечательна также свобода, с которой составители даже официальных записей использовали галльские слова, лишь слегка латинизируя их в морфологическом отношении» [Калыгин, Королев, 1989, с. 100–101].

Кстати, полиэтнический характер нестабильных племенных объединений особенно в ходе миграций часто существовал не только между близкородственными языковыми группами. Примером может служить объединение гуннов под главенством Аттилы в середине V в. н. э. Если в XIX – начале XX в. о нем говорили как о практически чисто гуннском союзе, то постепенно стало ясно, что вряд ли в Европу вторглась такая масса гуннов, которая могла контролировать ее значительные и плотно населенные районы. Поэтому скоро возобладало мнение, что гунны объединили значительную полиэтническую племенную конфедерацию. В ней очень значителен был германский компонент. Описание же похорон Аттилы у Иордана заставляет подозревать, что немалую роль играла и славянская составляющая. Во время похорон «...они устраивают наверху его кургана великое пиршество, которое они сами называют *страва* (*stravam super tumulum eius*)» [Иордан. О происхождении гетов 258]. Славянскую атрибуцию термина *strava* поддерживает то, что оно зафиксировано впоследствии только в славянской языковой среде, причем с точным семантическим значением [Трубачев, 2003, с. 89; Гундин, Шелов-Коведяев, 1994, с. 161–169]. Значит славянское слово *strava* было знакомо и употребляемо во всем объединении, по всей видимости, отражая аутентичное религиозное понятие.

Встает вопрос насколько в таком полиэтническом союзе со столь разными языковыми традициями было возможно лингвистическое взаимодействие разных этнических группировок. Но сама активность высокоэффективного политического объединения, успешно, хоть и относительно недолго функционировавшего на политической арене Европы, говорит о том, что такое понимание существовало. Другой вопрос, что оно явно не было всеобщим, но безусловно достаточным,

чтобы поддерживать единство. Такая постановка вопроса помогает нам лучше понять и механизмы языковых заимствований¹.

Неоценимым историческим примером для нас может быть свидетельство автора середины V в. н. э. Приска, который участвовал в имперском посольстве к вождю гуннов Аттиле. Он прямо не называет этникон славян, но употребляет местное название напитка, которое сейчас однозначно сопоставляют со славянским – *б'медос* 'мед' [Приск, с. 85]. Слово данного корня известно практически всем индоевропейским языкам, но при этом по формальным соображениям лингвисты готовы выводить его только из славянского или кельтского, отдавая предпочтение славянскому [Гиндин, Иванчик, 1994, с. 93]. Опираясь на такое использование Приском слова «мед», сейчас считают, что именно он впервые дал описание славян [Гиндин, Иванчик, 1994, с. 80].

Одновременно Приск охарактеризовал лингвистическую ситуацию у посещенного им народа, что особенно интересно, так как именно такими перед нами предстают первые славяне. Итак, слово Приску, который во время путешествия посольства описал людей, напоивших его «медом», и назвал их скифами. «Ибо [скифы] будучи смешанными, сверх собственного варварского языка ревностно стремятся [овладеть языком] или гуннов, или готов, или даже авсониев², у кого из них сношения с римлянами. Но никто из них не говорит свободно по-гречески, кроме пленников, которых угнали из Фракии или с иллирийского побережья» [Приск 46, 5–10, с. 87]³.

Современная лингвистика также свидетельствует активное взаимодействие праславянского языка с несколькими языковыми груп-

¹ Все последние работы показывают сложность процессов этнического формирования. Например, упомянем гипотезу российского археолога В. И. Кулакова, который обосновал идею, что часть воинов из гуннского союза, причем разнотническая, но не гуннского происхождения, после разгрома гуннов в битве при Недао в 454 г. ушли в Прибалтику и стали костяком будущего племени пруссов [Кулаков, 1997, с. 153; Кулаков, Скворцов, 2000, с. 43, 46–48]. Это еще раз, на мой взгляд, должно подчеркнуть далеко не прямые, или лучше – не прямолинейные, пути этнического взаимодействия.

² Авсонии – в данном случае жители Италии.

³ Причем тут важно пояснение термина 'смешанные' – в дословном значении 'намытые волнами', что издавна употреблялось у греков для обозначения смешанного населения или сброда [Гиндин, Иванчик, 1994, с. 94].

пами. И все чаще возможности подобного взаимодействия подтверждают и археологические исследования над материальной культурой.

Мы уже говорили о свидетельствах контактов с иранскими языками. Все активнее поднимается проблема обсуждения взаимодействия праславянского и кельтских языков. Некоторые ученые даже считают, что «кельто-славянские связи... относятся уже к периоду обособленного существования кельтских и славянских языков» [Калыгин, Королев, 1989, с. 37]. При исследовании кельто-славянских лингвистических контактов возникает немало трудностей, так как восточно-кельтские языки и диалекты не дошли до нашего времени и письменно не зафиксированы. От них сохранились только отдельные слова, обычно имена собственные, что не всегда репрезентативно. А сравнение с западнокельтскими диалектами далеко не всегда показывает близкий контакт¹.

Однако определенные соответствия лингвистам удастся находить. Так, В. В. Мартынов предлагает относить к кельто-славянским контактам праслав. **bruxo* 'брюхо', **jama* 'яма, пещера, могила', **sadlo* 'сало', **tragъ* 'нога, шаг', **klěť* 'хижина, шалаш, подсобное помещение', **korsta* 'короста, струпья', **sěta* 'скорбь' (преимущественно южнослав.) [Мартынов, 1982, с. 22–28]. Также кельтские корни видят в словах **korva* 'корова', **konь* 'конь' с кельт. **konko-* 'конь'². Также сравнивают праслав. **lutъ*, валлийс. *llid* от кельт. **lāto* 'злоба' и некоторые другие [Калыгин, Королев, 1989, с. 37; Седов, 2002, с. 28, 94–95].

Укажем и на отмеченные О. Н. Трубачевым многие сходения в племенных названиях и этнической атрибуции у кельтов и у славян. У этих народов существовало много описательных племенных названий, много названий племен по названиям рек и т. д. Характерной деталью в области этнонимии для славянских народов является наличие обобщающего названия для всей совокупности народов. Такой обобщающий этноним появился далеко не у всех индоевропейских групп. Он характерен для кельтов, иллирийцев, фракийцев, индоиранцев [Трубачев, 1974, с. 57, 60; Калыгин, Королев, 1989, с. 37], доба-

¹ Ситуация сравнима с положением, если для исследования исторического русско-чукотского лингвистического взаимодействия использовать чешский и чукотский, а не русский язык.

² Автор согласен с последним соотношением только частично, с учетом славянских религиозных представлений, которые наложились и создали сложное семантическое поле.

вим еще греков. В значительной мере это способствовало выработке идеи этнического единства у этих народов.

Таким образом, кельтское влияние в лингвистике, хоть и не столь ярко, однако достаточно явно просматривается. При этом отметим, что индоиранское влияние на язык и религиозную сферу славян в соответствии с современным уровнем наших знаний представляется предпочтительнее.

Следы славяно-германских лингвистических контактов гораздо более многочисленны и отличаются характерной близостью. В этом отношении бастарны давно привлекали внимание исследователей. Лингвисты *a priori* обычно безоговорочно поддерживают бастарно-славянские контакты [Meiye, 2000, с. 409], хотя и не приводят никаких конкретных примеров, так как язык бастарнов нам практически не известен за исключением нескольких слов, да и то только предположительно относимых к бастарнским.

Зато чаще указывают на готов, как на хрестоматийный пример раннего взаимодействия с праславянским. Пример действительно наиболее показательный, так как готский хорошо засвидетельствован письменными источниками. В результате соотносят гот. *waldan* и слав. *vlastь* с единым значением; гот. **kuniggs* и праслав. **кънѣзь*; гот. *mēkeis* 'меч' и слав. *meč*, *тъчь*; гот. *hilms* 'шлем' и праслав. **šelmь*; гот. *gabei* с прилагательным *gabigs* и рус. *гобино* 'богатство, изобилие' и *гобьзь* 'богатый'; гот. *hlaifs* 'хлеб' и праслав. **xlěbь*; гот. **katils*, **katilus* 'котел' и праслав. **kotьль* [Meiye, 2000, с. 408–409; Фасмер, 1986, т. 1, с. 423; т. 2, с. 612–613; Топоров, 1984, с. 137–138].

Приводят немало других ранних германо-славянских языковых соответствий. Интересными примерами, показывающими тесные контакты общественного развития, являются прагерм. *sadula* и праслав. *sedьlo* 'седло'; прагерм. *skatta* и праслав. *skotь* 'скот' [Мартынов, 1982, с. 15–20]. Причем, судя по всему, это был процесс не одностороннего влияния, а именно обоюдного взаимодействия. Белорусский лингвист В. В. Мартынов недавно предложил разработку заимствований из праславянского в германские и как важный аргумент рассмотрел ранние славяно-западногерманские (древнеанглийские) параллели. К таким заимствованиям из славянского он отнес прагерм. *plōga*, др.-англ. *plōg*, др.-в.-нем. *pfluog* из праслав. *plugь*;

¹ Семантический ряд в славянских языках связан со значением 'луч, молния'.

др.-англ. *straela* 'стрела', др.-сакс. *strāla* 'стрела, молния' из праслав. *strěla* 'стрела'¹ и т. д. [Мартынаў, 1998, с. 17–18, 22–23; Lowmiański, 1964, I, с. 389–390].

Указывают на участие в славянском этногенезе также даков, гетов и многих других племен [Мавродин, 1945, с. 19–22]. Можно даже говорить о том, что римская культура в определенный момент оказала вполне определенное влияние на славян [Рикман, 1975, с. 327]. Характерно, что во многом восприимчивой оказалась как раз религиозно-мифологическая сфера. Считается, что из Рима к славянам пришли названия нескольких популярных языческих праздников [Мавродин, 1945, с. 19], таких как Коляды от лат. *kalendae* 'первый день каждого месяца', Русалии от лат. *Rosalia*, *Rosaria* 'название праздника роз', который справлялся, когда расцветали розы от середины мая до середины июля.

Влияние было и материальным, о чем свидетельствуют ранние образцы керамики пражского типа на территории современной Чехии и включая потом период Великой Моравии, когда керамика изготавливалась в полном соответствии с римской системой мер [Трубачев, 2003, с. 86]. Впоследствии мера сыпучих тел на Руси четверть точнее образом соответствовала римской мере *квадранту* – 26,24 литра [Мавродин, 1945, с. 19], а меры длины соотносились с пергамскими мерами, использовавшимися в восточной части империи [Вернадский, 1996, с. 118–119].

Таким образом, славянский этногенез происходил в зоне тесного общения с иранцами, кельтами, германцами и рядом других индоевропейских народов Балканского полуострова и Северного Причерноморья. Поэтому попытки искать зону ирано-славянских, как и всех славяно-иноязычных контактов исключительно в пределах современной Польши [Мартынов, 1982; Мартынаў, 1993, с. 5], как и в других относительно небольших регионах, представляется некоторой натяжкой. Это же можно сказать и о поиске зоны славяно-германского взаимодействия на западных границах расселения славян в междуречье Одера и Вислы [Мартынов, 1982; Мартынаў, 1993, с. 3, 5].

Яркий диалектолог Г. А. Хабургаев уже высказывал идеи о формировании праславянского языка не в пределах ограниченного пространства ядра-прародины, а в широком взаимодействии на значительной территории [Хабургаев, 1979, с. 74–78]. Тогда вполне можно говорить о широкой территории от Балтики до Черного моря, где шло активное этническое взаимодействие.

Схожую контактную зону вынуждены искать и специалисты в изучении иранских языков, которые также указывают на достаточно сильные ирано-кельтские и ирано-германские контакты. Показательно то, что попытки определения такой зоны вполне обоснованно пытаются делать именно в регионе Северного Причерноморья или поблизости.

Так, В. И. Абаев привел скифо-кельтские и скифо-германские лингвистические и мифологические параллели [Абаев, 1965, с. 12, 25, 98–109, 131–133]. Именно бастарно-скифские контакты он считал началом тесного взаимодействия иранского и германского миров [Абаев, 1965, с. 105, 131–133]. Вспомним в этой связи, что уже Страбон в описании бастарнов отнес к их племенной группировке и племя ираноязычных роксоланов. Эти германо-североиранские контакты были плодотворными вплоть до гуннского нашествия в IV в. н. э. Их военный союз хорошо иллюстрирует судьба части ираноязычных аланов, которые прошли с германскими племенами через всю Европу, дойдя в своем походе до берегов Атлантического океана.

В. И. Абаев указал на ближайшие мифологические параллели образов осетинского Сирдона, ирландского Брикriu и германского Локки, повторяющиеся даже в деталях [Абаев, 1965, с. 98–109]. Нельзя обойти стороной и отличный пример кельто-осетинских мифологических схождений, приведенный исследователем: описание приближающегося скачущего богатыря в ирландском и осетинском эпосах. Осетинский вариант: «...Над головой его кружится стая черных воронов, перед ним клубятся облака ...Черные вороны над ним – это комья земли, вылетающие из-под копыт его коня; облака клубящиеся перед ним, – это дыхание коня...». Ирландский вариант: «Словно все вороны Ирландии носятся над нами, а перед ним будто от хлопьев снега пестреет равнина // То, что тебе кажется птицами, носящимися над ним, – это комья земли, кидаемые копытами его коня, а то, что кажется хлопьями снега, от которых пестреет перед ним равнина, – это пена с морды коня...» [Абаев, 1965, с. 100].

Таким образом, в регионе простершемся практически от Балтики до Черного моря на переломе эр существовал огромный этнический «плави́льный котел». Именно в этом регионе проходил и славянский этногенез. Причем нельзя рассматривать славянскую традицию – культурную, религиозную, лингвистическую – как нечто замкнутое, оторванное от других традиций и самодостаточное. Славяне формировались в тесном и плодотворном взаимодействии с соседними народами.

Факты тесных этнических взаимодействий показывают, что необходимо отходить от представлений, что племена и народы древности жили замкнуто и изолированно. Скорее можно говорить о почти постоянном движении в зоне *Barbaricum*'а. На примере бастарнов мы видели, что регион их движения охватывал территорию от Адриатики и возможно до Дона, доверяясь Страбону, что и роксоланы входили в племенной союз бастарнов. Нельзя не видеть и торговых отношений, которые в определенные периоды принимали очень активные формы. А такое положение диктует и признание быстрого перенесения идей – культурных, религиозных и т. д.

Важнейшей и неотъемлемой частью «плавильного котла» ирано-кельто-германо-славянских и других взаимодействий было и белорусское Припятское Полесье. В числе других зарубинецкая культура испытывала все культурные и этнические импульсы, которые были характерны для этой контактной зоны: латенские из кельтского мира, германские, степные иранские, другие карпатские и балканские. Здесь ощутимо влияние всех этих традиций.

Зарубинецкая культура, оказавшаяся теснейшим образом связанной с общеевропейскими культурными и, надо полагать, политическими процессами, стала важнейшей вехой на пути становления цивилизации на современных белорусских землях. В тот период произошло много важнейших и кардинальных изменений в общественном развитии. Скрупулезное изучение зарубинецкой культуры несомненно поможет нам решить многие проблемы ранней белорусской истории.

Зарубинцы безусловно приняли участие в становлении цивилизационной парадигмы на южнобелорусских территориях. Как бы ни решался вопрос их этнической принадлежности, они имеют отношение и к становлению славянской культуры. Зарубинцы были одним из тех этнических сообществ, в котле которых уже закипал «славянский бульон». Совершенно прав известный белорусский археолог Э. М. Загорульский: «Как бы ни решился вопрос об этническом характере зарубинцев, влияние их на этническую историю населения Белоруссии значительно, особенно в южных районах» [Загорульский, 1977, с. 67]¹.

¹ Чтобы сохранить объективность, необходимо привести и последующее положение: «Вместе с тем, по-видимому, не следует преувеличивать их роль в целом» [Загорульский, 1977, с. 67].

На задачу поиска зарубинецкого наследия в лингвистической области настраивал еще Г. А. Хабургаев: «Независимо от того, какой был вклад зарубинецкой культуры в формирование культурно-этнографических особенностей восточнославянских группировок исторического времени, существует возможность сохранения диалекта «зарубинцев» в отдельных секторах распространения собственно зарубинецких памятников или памятников, отразивших отдельные зарубинецкие черты, если не забывать о несовпадении культурно-этнографической и языковой преемственности» [Хабургаев, 1979, с. 87]. Представляется, что подобная задача была бы вполне актуальна и в области изучения религиозно-мифологических представлений, чему будет посвящена отдельная часть работы.

Глава 12

КЕЛЬТСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ

Наш пространный исторический очерк в далекую историю Европы и белорусского Полесья призван показать, что европейское пространство никогда не было замкнуто и здесь постоянно происходили передвижения племен и народов. Это дает возможность рассматривать Припятское Полесье как важную контактную зону в процессе миграций и активного взаимодействия культур. Материальные следы таких контактов изучают археологи. Гораздо сложнее выявить следы движения идей и представлений, в том числе религиозных и мифологических.

И все-таки их поиск необходимо вести в том числе и в данном регионе. Нельзя недооценивать милоградский и особенно зарубинецкий периоды в истории белорусских земель. Возможно именно в тот период были заложены некоторые традиции, которые потом мы видим в белорусской и шире в славянской культурах. Стоит, по-видимому, внимательнее присмотреться и по-новому оценить вклад в это связанного с латенским миром племенного союза бастарнов, влияние которых на политическую ситуацию в этом регионе оценивают пока далеко не на должном уровне.

Мы уже обосновывали наличие на границах полесских земель индоевропейских мифологических традиций, в которых существовали персонажи с именами, образованными от основы *taur-*, *tur-* и этимологически воспринимавшимися производными от названия быка. Эта основа была продуктивна и при создании племенных названий. Мы уже говорили об иранских примерах. Теперь настала очередь многочисленных кельтских параллелей – мифологических, топонимических и эпонимических.

Кельтские языки сохранили общеиндоевропейскую основу для крупного рогатого скота – **g(ow)ou* [Калыгин, Королев, 1989, с. 22].

Но многочисленные названия у кельтов представлены как раз интересующей нас основой *taur-*: галл. *tarvos*, *tauro* 'бык', ср.-ирл. *tarb* 'бык', сев.-ирл. *tarbh*, валлийс. *tarw*, бретонс. *tarw* 'бык' и *tirvi* 'быки'¹.

У кельтов было достаточно широко распространено почитание быка. Кельтские воины уподобляли себя наряду с другими животными и быкам. Есть упоминание, что некоторые кельты приделывали рога к своим шлемам [Диодор Сицил. V, 30, 2]. Он ведет речь, по всей видимости, о шлемах князей и привилегированных воинов².

Иногда видна прямая связь культовых представлений о быке с царскими культами. В Ирландии еще в раннем средневековье засвидетельствован обряд *tarbfeis* – дословно «бычий праздник (или сон)» [Калыгин, 1986, с. 18]. Описание тарбфейса и мистическое его осознание сохранил средневековый ирландский эпос. «Между тем умер король Этерскел. Собрались тогда ирландцы на праздник быка. По обычаю, на нем убивали быка, и один из мужей наедался досыта его мясом и пил отвар, а потом над его ложем произносили слово правды³. Тот, кого случилось ему увидеть во сне, должен был стать королем. Помертвели бы губы его, лишь осмелся сказать он неправду» [Разрушение дома Да Дерга, с. 104]. Похлебка из жертвенного быка делала сон жреца-филида вещим. В этом важнейшем празднике интронизации ирландских королей был важен воинский аспект [Шкунаев, 1991, с. 259].

Кельтский мир знал немало имен, которые могут нас заинтересовать. Во время Галльской войны Цезарь пишет, что проживающее около реки Родан племя гельвиев было разбито соседями и потеряло «...много человек убитыми, в том числе и своего князя Г. Валерия Доннотаура (*Donnotaurus*), сына Кабура» [Цезарь. О галл. войне VII, 65, 2]. Это имя кельтского правителя представляет огромный интерес, так как его, видимо, можно напрямую связать со знаменитым эпическим произведением ирландских кельтов «Похищение быка из Куальнге». Речь в нем идет об отчаянной борьбе ирландских героев из разных племен за магического быка, олицетворявшего само

¹ Надо отметить еще одну лингвистическую особенность кельтских языков V в. В некоторых из них произошел переход *-t-*: в бриттском *t > d*, в гойдельском *t > θ* [Калыгин, Королев, 1989, с. 11].

² Интереснейшие образцы шлемов, богато украшенных изображениями птиц, найдены археологами в Румынии.

³ Имеется в виду специальное заклинание.

сакральное плодородие. Звали быка Дон (Донн). «Это слово, употребленное как прилагательное, означает «коричневый, бурый», в качестве же имени существительного – «судья, аристократ, король» [Широкова, 2000, с. 222]. Вторую часть имени сопоставляют с ирландскими названиями быка *tarb* или *taruos*. Н. С. Широкова приводит мнение известного кельтолога Дарбуа де Жюбенвилля, который, предлагая читать имя гельвийского вождя из Южной Франции как *Donno-taruos*, считал, что свое имя он получил в честь эпического быка [Широкова, 2000, с. 222].

Иногда «бычьи» имена носят и кельтские божества, правда, плохо нам известные. Сохранился алтарь в честь Тарвоса Тригарануса (*Tarvos Trigaranus*) – «бык с тремя журавлями», на котором это божество изображено в виде быка [Диллон, Чедвик, 2002, с. 28–29]. Алтарь был воздвигнут во времена императора Тиберия по заказу корабельщиков города Лютеции (совр. Париж), главного города племени паризиев. Рядом были расположены алтари еще нескольких богов. Считается, что изображение сопоставимо с какими-то кельтскими мифами [Широкова, 2000, с. 286–287]. Безусловно одно – алтарь указывает на поклонение изображению, кого бы оно не представляло¹.

Интересное предание о происхождении кельтов передал римский историк Аммиан Марцеллин. Он предпринял попытку разобраться в легендах о происхождении этого народа и привел несколько вариантов, которые, видимо, связаны с разными племенными группировками и даже с разными социальными группами. Среди них одно интересно в контексте нашего исследования: «А местные жители более всего склоняются к другому преданию, и я сам читал его в виде надписей, высеченных на памятниках в Галлии. Сын Амфитриона, Геркулес, спешил, чтобы сразиться со свирепыми тиранами Геррионом и Тавриском, из которых первый терзал Испанию, второй – Галлию. Победив обоих он сходил с благородными женщинами и имел много детей, которые и называли страны, где они повелевали, своими именами» [Аммиан Марцеллин XV, 9, 6].

Изложенный Аммианом Марцеллином миф достаточно противоречив. Бросается в глаза, что в мифе действуют многие греческие

¹ Интересной параллелью к кельтскому изображению могут служить армянские вишапы – древние каменные стеллы в горах около источников с изображением быка (иногда барана) и двумя журавлями или аистами [Капанцян, 1975 г].

мифологические герои (или имена героев грецизированы). Для классической мифологии представленные образы сопоставлены необычно. Дело в том, что Амфитрион действительно считался отцом Геракла (в римской мифологии Геркулес). Остается загадкой, упомянул ли Аммиан об отцовстве Амфитриона в соответствии с местным мифом или же попытался объяснить своим читателям, по его мнению, упущенное.

Образ Гериона также был хорошо известен греческой мифологии. Образ поистине ужасный: Герион был рожден от чудовищных созданий и имел три головы и три сросшихся туловища. Жил он на острове на крайнем западе, который был красным от заходящего солнца. Герион был владельцем необычайных коров, которых и должен был привести Геракл. Геракл застрелил Гериона из лука и забрал коров, совершив, таким образом, свой десятый подвиг. В данном случае в глаза бросаются расхождения мифов – традиционного греческого и приведенного Аммианом. У греков Герион никак не правитель, если, конечно, не считать коров и их пастуха, и с Иберией никак не связан. Тавриска же греческая мифология не знает вовсе, как и путешествия Геракла в Галлию. Это свидетельствует о сложном совмещении греческой и кельтской мифологии в отрывке Аммиана. Поэтому особенно важно, что сам историк однозначно высказался о его местном происхождении. Ничто не противоречит тому, что Аммиан Марцеллин действительно донес до нас аутентичный кельтский миф.

Другая актуализация этого мифа, возможно, зафиксирована в отрывке из Диодора Сицилийского: «В древности в Кельтике царствовал, как говорят, выдающийся муж, у которого была дочь сверхъестественного роста, значительно превосходившая всех красотой». Она отказывала всем женихам, пока во время похода против Гериона в Кельтику не прибыл Геракл, основав город Алезию. От их связи родился сын Галат, давший имя всему племени» [Диодор Сицил. V, 24, 1].

Такие комбинированные мифы вполне могли быть итогом целенаправленной деятельности местного жречества для инкорпорирования локальных преданий в оформившуюся античную средиземноморскую традицию. Сопоставление имен кельтских и античных богов было давней традицией еще со времен Цезаря, когда он всем кельтским божествам придал римские имена. Аммиан решил использовать такой же принцип, чтобы его рассказ был доступен многим читателям в разных уголках Империи.

Основными действующими лицами в мифе выступают три персонажа – Герийон, Тавриск и Геракл, сын Амфитриона. Причем двое названы тиранами. В данном случае это может свидетельствовать, что, по мнению авторов мифа, их власть была незаконной. В любом случае ясен негативный характер их образов. Каждый из них властвовал на определенной части расселения кельтов. Ситуация напоминает иранский пример: вся территория расселения иранских племен разделена между братьями. Присутствует и мифологический мотив называния народов по именам прародителей. Только в иранском мифе – в честь трех братьев, сыновей Тразтаоны, а в кельтском мифе – в честь детей Геркулеса от «благородных женщин». Правда кельтский миф не упоминает об общем родстве трех этих персонажей. Однако некая актуальность образа отца для мифа проявляется при упоминании Аммианом «сына Амфитриона, Геркулеса». Как и в иранском мифе также присутствует и мотив убийства для восстановления справедливости. Правда он мотивируется только косвенно.

Образы Герийона и Тавриска имеют непосредственное отношение к быкам. Если связь Герийона с быками опосредована его владением бычьим стадом, то для Тавриска или не нашлось прямой греческой параллели или был использован прямой перевод, благодаря созвучию с греческим. Имя Тавриск означает просто «Бычий». Его образ иногда сопоставляют с мифом о Минотавре, подозревая у него некую часть тела быка [Широкова, 2000, с. 211], что представляется совсем не обязательным, если учитывать популярность подобных имен. О том, что в мифе это могло быть аутентичное имя, свидетельствует эпиграфическая фиксация имени *Teuriscus* у кельтов [Woźniak, 1974, с. 26]. Внешняя грецизированность звучания вполне вписывалась в концепцию Аммиана и потому могла быть сохранена.

Все это может свидетельствовать о существовании у кельтов очень схожего с иранским мифа о происхождении различных племен от предков-эпонимов, в котором принимал участие и персонаж под именем Тавриск. При этом Аммиан Марцеллин специально указывает, что местное население (за исключением друидов) отдавало предпочтение именно этому мифу. Правда, скорее всего данный миф мог быть локальным и связанным с отдельными племенами, которые почитали определенных эпонимов.

Кельтский мир насыщен этнонимами, соотносимыми с названием быка. Иногда можно увидеть и эпонимическую основу таких названий.

Название бельгийского города Турнэ (*Tournai*)¹ предание связывает с именем его основателя Турна (*Turnus*) [*Cherpillood*, 1986, с. 465]. Предание считает его римлянином. Такие римские имена действительно знает ранняя италийская история. Однако, учитывая доримское время основания города, это маловероятно. Тем более, что имя Турн известно и у галлов. Легенда повествует, что Турн был вождем или царем в этой местности и основал городское поселение на землях племени менапиев². Правда предлагается не только эпонимическая этимология названия города, а выведение от кельтского *turno*- 'высота' и далее со значением «укрепленное место», «обрывистая скала» [*Pokorny*, 1959, с. 1101; *Cherpillood*, 1986, с. 465]. Такие названия были популярны у кельтских укрепленных поселений³.

Схожая ситуация с французским городом Турно (*Tournon*) (лат. написание XII в. *Tornonis*), основателем которого предание считает галла Турна (*Turnus*). Город возник в земле племени лемовиков. Еще одной возможной этимологией признается долатинское *turno* 'возвышенность' [*Cherpillood*, 1986, с. 465]. Впоследствии область получила название по имени города – Турнэ (*Tournès, Tornès, Turenne*) [*Moreau*, 1972, с. 272, 276, 397].

Как параллель приведем имя загадочной богини *Turantias* на надписи на камне из Корка в Ирландии [*Королев*, 1984, с. 65, 193].

В среднем течении реки Лигер (совр. Луара) армия Гая Юлия Цезаря встретила и вела войну с племенем туронов – лат. *turoni, turones* [Цезарь. О галл. войне II, 35]. Неоднократно они выступали против римского владычества [Тацит. Анналы III, 41]. Впоследствии на их землях было основано римское поселение Цезароду-

¹ Доримское название *Turnacus*, римское *civitas Turnacum*, или *Tornacum*, или *Turnacensium*. Название города дало и название области – Турнези (*Tournaisis, Tournésis*) [*Moreau*, 1972, с. 272, 366, 377, 393].

² Кстати, еще одно древнее имя города было Нервий (*Nervius*), а рядом проживало племя нервиев (*nervii*). Возможно первоначально это было именно их племенное поселение. Вообще надо отметить, что кельтские города и укрепленные опшидумы обычно формировались именно как племенные центры. Традиционно название такому племенному поселению давали по названию племени [*Циркин*, 1974, с. 26].

³ Интересно, что для населения города *Turnacus* и *civitas Turnacensium* закрепился отдельный этникон – *Turnacenses* [*Moreau*, 1972, с. 276], в то время, когда этникины презентовали в основном племенное деление.

нум – «крепость Цезаря» [Cherpilloud, 1986, с. 465]. Община же сохранила наименование *civitas Turonorum* или *civitas Turonum*¹. Но уже в период поздней Римской империи мы знаем этот город – столицу племени туронов под новым названием в честь племени, которое возможно издавна было неофициальным, – Турон (*Turones*), а потом Тур (*Tours*). Вся область в позднеримское время носит имя *Turonicus*, потом при падении римского влияния – *Turonia* [Moreau, 1972, с. 276, 375, 388], а в средневековой Франции – *Touraine*, которое традиционно употребляется и до сих пор [Moreau, 1972, с. 271]². Название же племени туронов обычно сравнивают с кельтским *tur* ‘вода’ [Cherpilloud, 1986, с. 465]. Действительно, этот корень был достаточно употребим у кельтов в названиях рек. Но тут необходимо уточнение. Подавляющее большинство названий у кельтских племен, которые поддаются переводу, отражают прежде всего идею силы и воинственности. Поэтому в данном случае значение термина скорее можно переводить не просто «водные», а «сильные и неустойчивые как текущая вода».

С кельтским *dur*, *tur* ‘вода’ связано огромное количество кельтских топонимов практически по всей территории их расселения: р. Дурий в Иберии (совр. Дуэро), г. Дурикорта (совр. Реймс), г. Дуррион в Кельтике (совр. Малосен), г. Дувр на побережье, французская область Дордонь и т. д. К этому же кругу относят и швейцарский Цюрих (нем. *Zurich*, итал. *Zurigo*), ведущий начало от кельтского поселения Турику (кельт. *Turicu*, лат. *Turicum*, средневековое *Turi*, *Turich*) [Cherpilloud, 1986, с. 512; Moreau, 1972, с. 366]. Возможно, схожее название от индоевропейского **dur* ‘быстро текущая вода, водный поток’ образовалось немного восточнее основного кельтского массива, отразившись в названии германского племени тюрингов

¹ После захвата какой-либо территории римляне проводили административную реформу – они сгруппировывали местное племенное население, обычно достаточно однородное и, конечно, свободное, в новые территориальные единицы. Такие единицы и получали название *civitas*. Первоначально этот термин применялся чаще к сельским общинам, но со II в. н. э. он стал общеупотребительным и ко всем городским общинам.

² Это хороший пример, как иногда казалось бы напрашивающаяся этимология не является правильным решением. Например, в данном случае бросается в глаза полное соответствие названия города *Tour* и фр. *tour* «башня», но оно оказывается бесплодным.

и их страны – Тюрингии (лат. *Thoringia*, нем. *Thüringen*) [*Cherpilloud*, 1986, с. 458].

Пиренейский полуостров также насыщен интересующими нас антропонимами и топонимами. В период его завоевания римлянами в Кельтиберии известен «царек» города Алка – Турр, который сражался с римлянами, был взят в плен, а потом стал их союзником [Ливий XL, 49, 4]. Здесь же на Пиренеях еще один «чистый» пример – город Туробрига [*Калыгин, Королев*, 1989, с. 70], где второй корень двусоставного слова очень часто встречается в названиях кельтских укреплений на холме и прозрачен: *briga* – «холм». Именно в Иберии основы *Turo-*, *Tura-* были широко распространены в личных именах: *Turos*, *Turaius*, *Turavus*, *Turainus* [*Королев*, 1984, с. 193]. На востоке Пиренейского полуострова протекала река *Tyrius* (совр. *Turia*) [Авиен Руф. Описание 480–483, с. 234, 231].

Еще один регион, где встречаем насыщенную интересующую нас топонимику, – это западные прибрежные области Италии. Здесь, в альпийских предгорьях, обращенных к Италии, проживало лигурийское племя тавринов (*Taurínov*) [Полибий XXXIV, 10, 18, 3; Страбон IV, VI, 6, 2]. У тавринов был силен кельтский компонент.

Земли тавринов располагались в стратегическом для всего Апеннинского полуострова месте. Таврины вместе с кельтскими племенами участвовали в походе 296 г. до н. э. на Рим, который Полибий назвал самым страшным из кельтских вторжений [Полибий II, 31, 7]. В решающем сражении таврины в первых рядах кельтской армии проявили удивительную стойкость: «сколько их не избивали, они не падали духом» [Полибий II, 28, 4, 2; 30, 6, 2]. Но сражение было проиграно, что перевесило силы в пользу Рима во всем регионе.

Район расселения тавринов был насыщен топонимами, коррелирующими с названием самого племени. Горы в районе проживания лигурийских тавринов носили название Таврских [*Соломоник*, 1976, с. 47]. В этих горах располагалось важное в стратегическом отношении Тавринское ущелье [Ливий V, 31, 9], по которому галлы Бренна прошли в Италию. Об этом же ущелье в земле тавринов упоминает Страбон, как о самом близком к Тирренскому морю проходе через Альпы, которым воспользовался Ганнибал, прорвавшись в Италию [Страбон VI, VI, 12].

Полибий не знает названия ущелья, по которому армия Ганнибала прошла в Италию. Зато он подробно рассказал о взаимоотношениях Ганнибала и тавринов [Полибий III, 60, 9–10]. После тяжелого

перехода через Альпы Ганнибал, заинтересованный в укреплении стратегического тыла, попытался наладить хорошие отношения с населением, проживавшим «у подошвы гор», в том числе с тавринами. Те не пошли на союз и тогда Ганнибал осадил их главный город, после 3 дней осады взял его и жестоко расправился с сопротивлявшимися. Полибий не упомянул название города, но оно есть у Аппиана – Таврасия (*Taurasia*) [Аппиан Алекс. VII, II, 5].

Впоследствии император Август основал на месте столицы племени тавринов город Августа Тавринов *Augusta Taurinorum* [Тацит. История II, 66; Моммзен, 1997, т. 1, с. 559]. Потом этот город стал крупным центром – лат. *Taurini*, *Turin*, итал. *Torino*, рус. Турин [Moreau, 1972, с. 311]¹.

Обратим также внимание, что Тавринское ущелье в Лигурии располагалось в долине реки Дурии [Ливий V, 31, 9]. В реку Пад (совр. По) впадало две реки с таким названием – Большой и Маленький Дурий, которые брали начало в Альпах.

Таким образом, перед нами этнонимическо-топонимический комплекс, который тесно связан с названием племени. Наличие подобного комплекса затрудняет определение этимологии названия племени тавринов, тем более, что кельтские языки дают богатые возможности. Название племени и соответственно города можно выводить из кельтского *tauro* ‘гора’, *tur* ‘вода’, *tauro* ‘бык’ [Cherpilloud, 1986, с. 471]².

Аналогичный этнонимическо-топонимический комплекс мы находим и на другой, восточной оконечности Альп в Норее, где проживало племя таврисков. Страбон относит племя таврисков (*Taurískoi*) к иллирийскому племени нориков [Страбон IV, VI, 9, 12]. Судя по всему, именно смешение нориков с кельтами и привело к созданию нового племени – таврисков³. В земле нориков-таврисков в Альпах

¹ Интересно сохранение семантики. В средневековье гербом туринской армии был золотой разъяренный бык на голубом поле [Cherpilloud, 1986, с. 471].

² Интерес представляют и кельто-греческие переключки из этого района с берегов Средиземного моря. Мы уже упоминали греческое пограничное укрепление массалиотов Тавроентий (*Tauroention*) [Страбон IV, I, 5, 9], позднее превратившееся в галло-римское поселение Тауроент (*Tauroentum*) [Moreau, 1972, с. 364].

³ Некоторые авторы, как, например, Полибий называли их точно так же, как и племя на западе Альп – тавриски (*Taurískoi*) [ср.: Полибий II, 28, 4, 2; 30, 6, 2 и XXXIV, 10, 18, 3].

существовал и город Теврина (Теурния) [Моммзен, 1997, т. 4, с. 107, 634–635; Кюмон, 2000, с. 97], в котором также угадывается племенной центр.

Норик – область между Восточными Альпами и Дунаем. Здесь также существовало название Тавр для гор, отделявших долину Дравы от севера [Моммзен, 1997, т. 4, с. 106]¹. Здесь же река Дура впадает в Истр [Страбон IV, VI, 9, 33].

Мы уже упоминали, что в III – середине I в. до н. э. в Восточно-Карпатском регионе с западной стороны гор проживало кельтское племя таурисков (*Taurisci*) [Страбон V, I, 6; VII, II, 2; VII, III, 2, 11; VII, V, 2]. Напомним, что именно в то время установились тесные контакты зарубинецких племен по Припяти с кельтами.

Происхождение названия племени таурисков связывают с названием быка *tauro* [Szabó, 1971, с. 30]. Названия племен кельтов в Среднедунайской низменности возникли, видимо, уже после их прихода в этот регион [Szabó, 1971, с. 15]. Исключением является одно из самых больших кельтских племен – бойи, давно засвидетельствованные в западном ареале распространения кельтов. Разгромленные римлянами в Северной Италии, они, оставив свое поселение Медиоланум, проживали вместе с таурисками [Страбон V, I, 6].

Тауриски доминировали на востоке Среднедунайской низменности вплоть до их разгрома даками Беребисты. После этих событий и падения гегемонии кельтов в регионе: «С ними (даками. – А. П.) смешались кельтские племена – бойи, скордиски и тауриски (*Taurískoi*)» [Страбон VII, II, 2, 8–12].

Страбон называет еще одно племя. Он однозначно отнес к кельтам таурисков (*Taurískoi*) и теуристов (*Teurístoi*), одновременно отличая эти племена одно от другого [Страбон VII, II, 2, 8–12]. Племя теуристов проживало в северной Трансильвании и первоначально входило в федерацию таурисков [Szabó, 1971, с. 17]. Они сумели сохранить свои позиции даже после разгрома таурисков даками Беребисты [Szabó, 1971, с. 20, 21]. Возможно теуристы проживали в Карпатском регионе еще на рубеже I–II вв. н. э., если правы те ученые, которые именно так восстанавливают написание названия одного из племен

¹ Интересно в этом отношении замечание того же Страбона, что именно в восточной части Альп, судя по описанию: «В Альпах водятся дикие лошади и быки» [Страбон IV, VI, 10, 23–24].

в сочинении уже знакомого нам александрийца Клавдия Птолемея [Птолемей Клавдий III, 8, 3]; [Мачинский, 1973, с. 60]. Считается, что теуристы после разгрома кельтов на Среднем Дунае даками царя Беребисты могли отступить к своим соотечественникам в Закарпатье [Woźniak, 1974, с. 26–30].

Кельтская топонимика встречается и в районах, где проживали или куда совершали свои походы бастарны. Как раз в регионе скордиск, недалеко от Сирмия, там, где, судя по всему, бастарны Клондика переходили Дунай, «где Сава смешивается с Данувием», располагалось поселение Таурун (*Taurunum*) [Плиний III, 25, 148]. Характерно и наличие совершенно кельтского топонима реки Дурий (*Duria*) (совр. Мара), которая являлась границей расселения бастарнов [Плиний IV, 12, 80]. Пограничное положение реки не дает ясного ответа, чье это было название – кельтов или бастарнов.

Надо отметить, что широкое распространение одинаковых названий племен не должно нас смущать, так как это явление было широко распространено на территориях проживания кельтов. Племя бойев античные авторы упоминают от Галлии до Среднего Дуная. Белги проделали путь от родных северных территорий современной Бельгии до границ Греции. Явная переключка племенных названий существовала у континентальных и островных кельтов [Диллон, Чедвик, 2002, с. 40–41]. Племя бритологов встречаем от Британии до Карпат и низовий Дуная. Причем этот процесс не всегда определялся расселением одного племени.

Все современные исследователи отмечают, что несмотря на воинственность кельтов, они были очень лояльны к местному населению. «Из всех древних народов прежде всего кельты не уничтожали и не изгоняли покоренные племена, а селились на территории этих племен и смешивались с ними. Они воспринимали различные влияния, и вследствие этого оригинальный кельтский тип все более и более терял свои характерные черты, растворяясь в окружающих его народах» [Мади, 1967, с. 180]. Кельты легко вступали в различные союзы и перемешивались с местным населением. Это создавало возможности для культурного и политического влияния и этнического смешения, что происходило неоднократно, и возникали новые племенные объединения.

Интересно, что в регионах смешения как раз и выступают «бычьи» названия племен, призванные отражать силу и воинственность и устрашать врага. Однако хорошо заметно, что интересующая нас

основа *taur-*, *tur-*, развивавшаяся в кельтских языках по разным направлениям, принимала и другие значения: 'водный поток', 'возвышенное, обрывистое место'. Поэтому зачастую сложно точно вывести этимологию.

Говоря о мифологии кельтов надо отметить, что на тот момент она была уже «активно социальной», то есть закрепила социальное деление общества. Эпонимическая основа преданий, связанная с предводителями и основателями, была уже популярной.

Эта «социальная мифология» вполне могла проникать и в менее развитые регионы, как, например, в регион зарубинецкой культуры, где, судя по всему, в то время шел процесс выделения знати, начавшийся у милоградцев. Он должен был получить и свое религиозно-мифологическое обоснование – формировались первые представления о правителе.

В результате утверждение о раннем проникновении неких первичных мифологем с основой *taur-*, *tur-* на южнобелорусские полесские земли во время существования здесь зарубинецкой или даже милоградской культур могут быть вполне обоснованны. Этот процесс происходил в условиях близкого культурного переживания, что создавало возможность для быстрой и натуральной адаптации близкородственной мифологии.

Кельтские реалии схожи с греческим и индоиранским материалом, а также со славянским, к краткому рассмотрению которого мы переходим.

Глава 13

«БУЕСТВУЮЩИЕ» КНЯЗЬЯ

Попробуем еще раз рассмотреть вопрос о возможной этимологии имени князя Тура. Напомним, что в славянской традиции существовало почитание тура, в том числе религиозное. Этот образ стал основой для устойчивой метафоры. В восточнославянских эпических произведениях воины часто во время сражения уподоблялись рыкающим турам.

В «Слове о полку Игореве» «храбрая дружина, рыкаютъ, акы тури, ранены саблями калеными на поле незнаеме» за обиды своего князя [Слово: с. 48]. В «Задонщине» сравнение с турами тоже присутствует: «Не тури взрыкали у Дону великаго на поле Куликове. То ти не тури побеждени у Дона великого, но посечены князи руские и бояры и воеводы великаго князя Дмитрея Ивановича» [Задонщина, с. 113]. В «Задонщине» образ тура в принципе становится олицетворением русского войска: «Уже бо ста тур на оборонь!» [Задонщина, с. 116], т. е. уже встал тур на битву.

Если с турами сравнивают воинов, то такое сравнение в эпических произведениях носит обобщенный характер и никогда индивидуальный. Совсем другое дело, если сравнивается с туром князь. В этом случае сравнение носит исключительно индивидуальный характер.

Галицко-Волынская летопись сравнивает с туром воинственного князя Романа Мстиславича Галицкого (1155–1205 гг.): «Устремил бо ся бяше на поганья яко и лев, сердит же бысть яко и рысь... храбор бо бе яко и тур» [цитата по: *Творогов*, 1995, с. 141]. К этому князю уже автор «Слова» патетически обращается: «А ты, буй Романе» [Слово, с. 48]. Чешская Краледворская рукопись приводит аналогичное сравнение по отношению к местному славянскому князю «tu Vratislau jak tur jari scoři» [Афанасьев, 2002, с. 633–634].

Но самые яркие сравнения, конечно же, дает «Слово о полку Игореве». Прежде всего они относятся к образу Всеволода Свято-

славича (ум. 1196), князя трубчевского и курского – брата главного героя произведения князя Игоря. «Слово» трижды называет его «Буй Тур» [Слово, с. 40, 48] и дважды – «Яр Тур» [Слово: с. 42]. Причем именно Всеволод выведен в «Слове» символом боевой доблести и лучших качеств воина: «Ярь туре Всеволоде! Камо, турь, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвечивая, тамо лежать поганья головы половецкыя, поскенаны саблями калеными шеломы оварьскыя, отъ тебе, ярь туре Всеволоде!» [Слово, с. 42].

Летописное сообщение об этих событиях в полном согласии со «Словом» вторит ему [Робинсон, 1980, с. 274]. Здесь также описано героическое поведение в сражении именно Всеволода. Игорь, которого уже отрезали от основных сил и скоро захватят, видит как сражаются оставшиеся отряды: «добри бо вси бяхуться, идуци пеши, и посреди их Всеволод не мало мужество показа... Игорь виде брата своего Всеволода крепко борющася, и проси души своей смерти, яко дабы не видел падения брата своего. Всеволод же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста. И бяху бо ся, идуще в круг при езере» [Летописная повесть, с. 24]. Не совсем понятно дословное значение сравнения летописца, что Всеволоду даже оружия в руке не хватило, однако совершенно ясно, что этот фразеологизм употреблен для показа отчаянного характера сечи князя. Археологические раскопки свидетельствуют, что Всеволод Святославич действительно отличался мощным сложением и должен был обладать немалой силой [Робинсон, 1980, с. 278].

Образ уподобляющегося туру князя-воителя имеет, как представляется древние языческие корни. Это подтверждают характерные для былин превращения князей в туров [Сумцов, 1887, с. 83–84; Липец, 1972, с. 100–102]. Это еще языческие образы воинственных князей, которые можно сравнить с тем же языческим уподоблением волку, которое так характерно, например, для Всеслава Чародея. Это та языческая воинская «наука» сакрального свойства для военных предводителей, которая и делает их выше остальных воинов.

Втапоры поучился Вольх ко премудростям:
А и первой мудрости учился –
Обвертоваться ясным соколом,
Ко другой-та мудрости учился он, Вольх, –
Обвертоваться серым волком,
Ко третьей-та мудрости учился Вольх –
Обвертоваться гнедым туром-золотыя рога...

[Волх (В)сеславьевич 43–49, с. 33].

Собственно именно эти «науки» потом и помогают герою былины знать противника и предугадывать его действия. Таким образом, тур входит в «триаду» воинственных животных древнерусского фольклора, уподобление и вселение в которых делало князей непобедимыми.

Иногда в славянском фольклоре проглядывает и обычай называть туром богатырей, как в эпических песнях сербов встречаем Туре Влахине – «богатырь Валах» [Сумцов, 1887, с. 72–73].

Обратим внимание еще на одну тонкость. Ведь даже к эпитету *тур* в «Слове» применяются дальнейшие эпитеты *‘буй’* и *‘яр’*. Без понимания этого нюанса невозможно охватить проблему в целом.

А. Н. Робинсон очень точно отметил, что «ни в одном произведении древнерусской литературы нет такого внимания к понятию “буйство”, какое присутствует в небольшом по объему тексте “Слова”» [Робинсон, 1980, с. 275]. В «Слове» немало языческих мотивов, которые до конца не были изжиты на то время из поэтического творчества. Возможно и этот образ «буих» князей пришел из язычества.

Поэтому интересно, что обозначает понятие *‘буй’* в данном случае, что заставляет сопоставлять его с понятием *‘тур’*¹. Обращение *‘буй’*, как и *‘тур’*, по предположению А. Н. Робинсона, подразумевало некую особую характеристику таких князей. Проработав значения семантического поля *‘буй, буеть, буйный, буйство’* и т. д., он высказал идею, в чем могла быть особенность таких князей. По его предположению они впадали в воинственное бешенство на поле боя наподобие скандинавских берсерков [Робинсон, 1980, с. 275–287]. С этим вполне можно согласиться.

Понятие *‘буети’* противопоставлялось христианским ценностям смирения перед Богом, что хорошо отражено в Поучении Мономахом: «Отъими от убогаго сердца моего гордость и буеть...» [ПВЛ, с. 99].

Как это ни странно устные туровские предания могут дать нам и тут новые аргументы. Прямо под Туровом располагается деревня Буразь. Легенда о происхождении ее названия также соотносится с деятельностью князя Тура: «Ездзіў Тур на паляванне ў тое месца, дзе цяпер Буразь. І было там балота, лясы і многа звяроў. Рубіў Тур звяроў, седзячы на кані, і назваў гэтае месца «Буй-раз» (разіў бую)» [Легенды і паданні, 1983, с. 281]. Как видим *‘тур’* и *‘буй’* выступают в данном случае синонимической парой. При этом сразу необходимо добавить, что основа *bi-* в значительной мере дублирует топоними-

¹ Надо отметить совершенную аналогичность сопоставлений – *буй-тур* и *буй-вол*.

ческое употребление основы *tur-* на восточнославянской территории. Да и в других семантических употреблениях основы *buj-*, *bu-* в большинстве случаев оно практически перекрывает семантическое поле основы *tur*¹.

Тогда можно предполагать, что в славянских языках форму прилагательного, определяющего действие тура или быка, приняло на себя еще одно, достаточно распространенное у индоевропейцев название быка. Речь может идти о многочисленной группе лексем от индоевропейского **g(ω)ou*, из которой наибольший интерес представляют кельтские примеры: ирл. *bo* 'корова', *biar* 'крупный рогатый скот', валлийс. *buwch* 'корова', бретон. *bioc'h* 'корова', *biou* 'крупный рогатый скот' [Buck, 1949, с.152]. Как видим, кельтские языки чрезвычайно богаты этой основой.

Таким образом, в архаическом значении 'буй' перед нами только еще одно индоевропейское обозначение для быка. Тогда в сочетании 'Буй Тур' или 'Яр Тур' фактически полный набор синонимичных понятий, любое из которых может выполнить роль прилагательного или существительного.

Образы славянских «буествующих» князей повторяют воинственную составляющую общеиндоевропейских образов носителей имени Тур. Но оказывается, что до конца не исчерпаны в этом отношении и возможности собственно славянской мифологии, где можно обнаружить еще один схожий с полесским персонаж.

Речь идет об очень популярном чешском летописном предании, изложенном Козьмой Пражским в своей «Чешской хронике». Относит его чешский летописец к древнейшим мифологическим временам до правления исторических чешских князей, когда чехи сражались за гегемонию в регионе с соседним племенем лучан. Дело шло к решающему сражению.

«В то время был один человек, который выделялся красивым телосложением и высоким ростом. Имя его было Тыр (*Tyra*), и по власти он был вторым после князя. В сражении, когда на него напали тысячи врагов, он никого не боялся, ни перед кем не отступал. Князь тайно призвал к себе [Тыра] и приказал ему надеть княжеское вооружение. Сказав об этом лишь немногим слугам, князь велел Тыру сесть на княжеского коня и вместо князя повести воинов на поле битвы» [Козьма Пражский I, 12]. Перед сражением Тыр ободрил

¹ Здесь же можно указать еще несколько очень архаических сходжений: *ыр-* и *юр-* [Ларин, 1963].

армию мужественной речью, взятой у римских историков, что вполне характерно для труда Козьмы Пражского. Но конец речи не имеет аналогий: «Неустрашимый Тыр прервал свою речь и сказал воинам: “Если мне придется скоро умереть в бою, похороните меня на холме и воздвигните мне гробницу, предназначенную на вечные времена”» [Козьма Пражский I, 12]. В яростном сражении Тыр убил множество врагов и погиб в самой гуще их мертвых тел.

Предание относится к древнейшему устному чешскому фольклору, существовавшему еще в языческие времена, о чем совершенно недвусмысленно пишет и сам Козьма: «Мы не признали за лишнее вставить на этом месте в наш труд краткое описание того, что нам известно по слухам о битве, которая произошла задолго до этого ...на поле, называемом Турзко, между чехами и лучанами» [Козьма Пражский I, 10].

Название поля с очевидностью перекликается с именем погибшего на нем героя, и это дает нам возможность пристальнее взглянуть на написание имени в летописи – *Tyra*. Дело в том, что буква *y* в средневековой европейской латыни могла передавать очень широкую гамму звуков – *ы*, *и*, а иногда и другие. Поэтому само древнее звучание имени останется загадкой. Другое дело, что подсказкой для нас является название самого поля – Турзко, которое может свидетельствовать, что можно отдать предпочтение гласной *y*¹.

Предание о битве чехов было очень популярно в народе. До сих пор известно то место, где по преданию и произошло сражение. Поле Турзко расположено недалеко от Праги на северо-запад на берегу реки Влтава. Здесь находится большой курган, известный в народе как «Честмирова могила». В Краледворской рукописи имя Тыра было заменено на Честмир [Санчук, 1962, с. 254].

Интересно, что еще одну Турову могилу мы находим уже у восточных славян на украинском Полесье под Луцком. Эта Турова могила упоминается в жалованной грамоте луцкого и владимирского князя Любарта Гедиминовича от 8 декабря 1321 г. как один из знаков межевой привязки [Др.-рус. уставы, 1976, с. 175].

Как видим, все сохранившиеся описания славянских князей, которые сравниваются с туром или носят имя Тур, очень схожи. Они дают нам вполне четкую характеристику приписывавшихся качеств князьям, носившим имя или прозвище Тур. Все эти сравнения полностью перекликаются с иранским эпосом, когда отец давал имя та-мошнему эпическому Туру.

¹ Топонимы типа Турзко представлены во многих славянских регионах.

Глава 14

ТУРОВСКИЕ ПРЕДАНИЯ

В период создания первых восточнославянских летописей у славян уже существовали многочисленные устные предания. Собственно об этом пишет и сам летописец: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ» [ПВЛ, с. 10]. Когда христианские летописцы приступили к написанию связной истории «откуда есть пошла Руская земля», то, не находя зачастую сведений о Восточной Европе у византийских историков, они были вынуждены внимательно отнестись к местным преданиям, чтобы описать начало собственной славянской истории. В результате в их трудах появились древние языческие мифы.

Мнение о наличии в древнерусских летописях многочисленных собственно народных преданий было высказано давно [Шахматов, 2001, с. 340], и теперь его разделяет большинство ученых. Может быть лучше всех обосновал идею сохранности эпического фонда, дружинной поэзии в «Повести временных лет» Д. С. Лихачев [Лихачев, 1999, с. 280–283]. Он очень дальновидно отметил, что «исторические события больше чем через столетие могли вспоминаться народом с такими деталями, которые свидетельствуют о наличии подобных устных сказаний или песен о них» [Лихачев, 1999, с. 282]. Постепенно попытки исследования этого древнего устного народного творчества становятся все более масштабными [Рыбаков, 1963]. Это заставляет использовать новые методы, искать другие возможности для реконструкции.

Летописный образ полесского князя Тура вполне соответствует образам других князей, которых славянский книжник нарисовал как первых правителей и основателей городов. Самый яркий в этом ряду – Кий. В отношении таких фигур в рассказах летописцев зна-

чительно больше легендарного, чем исторического. Практически мы ничего о них не знаем, и часто их рассматривают как легендарные, фольклорные персонажи. Тем не менее не стоит отказываться от попыток найти в этих сообщениях частицы реальных событий. «Как показывает история славистических исследований, многие сообщения нашей летописи, основанные на народных преданиях, как правило, имеют реальную историческую основу, хотя иногда и сильно искаженную, приобретшую легендарный характер; более разумным в таких случаях является поиск этой реальной основы, а не отрицание сообщения» [Хабургаев, 1979, с. 138].

Свидетельство летописца о князе Туре давно предложили рассматривать как предание [Грушевский, 1901, с. 22–24]. Д. С. Лихачев указывал, что даже сам фразеологический оборот, употребленный летописцем, очень характерен для его стиля, когда он рассказывал о выведении названий племен или городов от имени князей: от Рюрика и его братьев «и от те прозвася Руская земля...», Радим сел на реке Сож «и прозвашася радимичи», а его брат Вятко по Оке «от него же прозвашася» вятичи [Лихачев, 1999, с. 392–393, 404]. Аналогично и в нашем случае о Туре: «от него же и туровци прозвашася», т. е., возможно, это указывает на использование летописцем трафарета [Лихачев, 1999, с. 404]. Однако во всех перечисленных случаях летописец уже пользовался историческими преданиями. В случае с Рюриком в этом сложно сомневаться.

Туров один из немногих белорусских городов, история которого окутана плотной дымкой таинственных и романтических преданий. Еще в середине XIX в. П. Шпилевский писал во время своего путешествия по Полесью, которое показалось ему буквально усеянным курганами: «каждый из этих курганов имеет свою легенду, свою летопись, повесть, сохранившиеся в устах народа, придавшего, впоследствии, некоторым из них колорит фантастический, сказочный» [Шпилевский, 1859, с. 1]. Исторические события воссоздаются в народе «теми несчетными в этих местах песнями, в которых воспеваются то или другое событие, тот или другой герой, оставившие следы свои в названных нами селищах» [Шпилевский, 1859, с. 2].

Туровские предания так или иначе отражают почти все самые важные моменты истории города. Конечно же, важнейшим событием, заинтересовавшим предания, было основание города, с чем легенды и связывают князя Тура. Но есть и рассказы о последующих временах, нашествиях врагов и о борьбе с ними, о распространении

нии христианства и его упорной, раскрашенной чудесами борьбе с язычеством.

Они достаточно давно привлекли внимание любителей древности и краеведов. Впоследствии многие материалы повторялись и перепечатывались. [Калайдович, 1821, с. XI–XIII, XXI–XXII; Штилевский, 1859, с. 42–43; Гаусман, 1873, с. 19–21; Воспоминание, 1994, с. 114–118; Описание церквей, 1879, с. 172–179; Очерк истории, 1880, с. II; Киркор, 1993, с. 379; Батюшков, 1890, с. 18; Довнар-Запольский, 1891, с. 59–60; *Słownik geograficzny*, 1892, с. 649–652; Случевский, 1897, с. 513–514; Грушевский, 1901, с. 17; Россия, 1905, с. 560–563; Минская старина, 1911, с. 214–218; Поездка, 1911, с. 257–260; Дневник раскопки, 1911, с. 264; Крукоўскі, 1928, с. 51–55; Легенды і паданні, 1983, с. 232–233, 280–282, 348; Бяздоннае багацце, 1990, с. 227–232; Памяць, 1994, с. 178]¹.

В плане научного интереса туровским преданиям явно не повезло. Записаны они были в XIX – начале XX в., и в лучшем случае их рассматривали как подтверждение глубокой народной памяти, которая через тысячелетие пронесла рассказ об основании города. При этом внимательного разбора сделано не было. Более того, они практически никогда не были сведены воедино. Единственным исключением является уникальное для Беларуси издание – сборник «Легенды і паданні» [Легенды і паданні, 1983].

Может быть подобное невнимание ученых связано с очень поздней фиксацией устной традиции². Однако есть несколько факторов, которые позволяют отнести к данной устной традиции с вниманием и считать ее языческой и дохристианской. Во-первых, это утверждение об основании города князем Туром, о чем единодушно свидетельствует и устная традиция, и знаменитый отрывок «Повести временных лет» под 980 г. В данном случае не важно: считать ли князя Тура историческим лицом или легендарным персонажем. Во-вторых, фактически все отдельные мотивы устной традиции представляются достаточно архаическими, не имеют ни малейшего христианского влияния, зато имеют аналогии в сказочных мотивах. И, наконец, третьим, что заставляет доверять древности устных преданий, является

¹ Это не весь перечень изданий, остальные, к огромному сожалению, остались пока недоступными автору.

² Действительно для этих преданий характерно отражение и относительно поздних реалий, накладывавшихся на древние мотивы.

то, что некоторые объекты, упоминаемые преданиями, еще в начале нашего века местные жители показывали на конкретной топографии.

Таких объектов с названием Тур или даже Туры (!) фиксировалось несколько буквально в пределах или в непосредственной близости от города. Причем надо отметить интересную особенность: чем более раннее сообщение, тем четче выступают в них подобные изначальные названия. Это безусловно свидетельствует о древности формы. Позднее появляются скорес определения «Туровы», что уже свидетельствует о переосмыслении.

Самое первое известное пока упоминание топографического объекта с названием Тур, относится к описанию начала XIX в. При чем название Тур носит урочище, где расположен и колодец Тур [Калайдович, 1821, с. XII]. Впоследствии такое название урочища больше не упоминается.

Иногда указывается, что в пределах Турова протекала река Тур или известная сейчас другая река именовалась Тур [Очерк истории, 1880, с. XXI; Тураўскі слоўнік, 1982, с. 7–8, 241; Крывіцкі, Саскевіч, 1994, с. 73–75].

Интереснейший, но только единожды упомянутый топоним – Турин Рог [Описание церквей, 1879, с. 179].

Но самые популярные и устойчивые топонимы предания связывают непосредственно с деятельностью князя Тура. Название Тур-гора или Турова гора носит гора, на которой располагался укрепленный центр средневекового Турова. Предание упорно говорит о том, что эта гора была насыпана по приказанию князя Тура [Шпилевский, 1859, с. 42; Описание церквей, 1879, с. 173; Słownik geograficzny, 1892, с. 629, 650; Случевский, 1897, с. 513; Грушевский, 1901, с. 17; Россия, 1905, с. 560].

Также колодец Тур по преданию получил свое название от имени выкопавшего его князя [Калайдович, 1821, с. XII; Гаусман, 1873, с. 20; Воспоминание, 1994, с. 116; Описание церквей, 1879, с. 176; Киркор, 1993, с. 379; Słownik geograficzny, 1892, с. 629, 650; Случевский, 1897, с. 513; Грушевский, 1901, с. 17; Россия, 1905, с. 560; Поездка, 1911, с. 257; Легенды і паданні, 1983, с. 281].

М. Довнар-Запольский, к сожалению, просто упомянул, что в черте города было несколько топографических названий со словами тур, князь [Довнар-Запольский, 1891, с. 59–60]. Некий топографический объект носил имя Тур еще в середине 80-х гг. XX в. [Памяць, 1994, с. 90–91].

Дошедшие до нас устные предания об основании города князем Туром сохранили достаточно четкую структуру. Приведем наиболее подробные и важные варианты, чтобы показать сохранение устойчивой схемы. В некоторых вариантах насыпание горы и рытье колодца следуют прямо одно за другим.

Это предание было записано еще в 1872 г.: «Калі князь прыбыў на тое месца, дзе цяпер Тураў, было там шмат вужоў. Баючыся гэтых гадаў, загадаў сваім воінам насыпаць гару. Яе насыпалі ў адзін вечар» [*Легенды і паданні*, 1983, с. 348].

«В народе об основании Турова существует следующее сказание: когда князь, имени не упоминается, прибыл с многочисленным своим войском в дремучие леса, где теперь расположен Туров, то велел своей дружине насыпать гору (гора эта и теперь существует), и когда заснул на этой горе, то увидел во сне высоко поднятым себя, а вокруг горы большой город. Приняв такой сон за хорошее предзнаменование, не отлагательно велел строить дома и созывать жителей, для населения нового города» [*Описание церквей*, 1879, с. 173]. «Колодезь Тур. Колодезь этот сделан был по повелению самого основателя Турова – Тура, потому и носит его название» [*Описание церквей*, 1879, с. 176].

«Гэта было ўжо даўно. Там, дзе цяпер Тураў і бліжэйшыя вёскі, былі драмучыя лясы. Рака называлася тады Струменню. Прыпяці зусім не было. Цякла Струмень там, дзе і цяпер, але была вялікая. Язда таксама была вялікай ракой, цяпер ад яе засталася невялічкая жываточынка.

У гэты час прыйшоў князь Тур з вялікім войскам. І прыйшоў ён сюды таму, што былі тут вялікія выгоды — звяры, рыба і рознае птаства.

Аднойчы князь Тур лёг спаць на гары. Заснуў ён і бачыць, быццам ляжыць ён на паднятым возе, а кругом яго — гарады. Ён быў тады самы хітрэйшы і не было яму з кім параіцца. Ён зразумеў, што трэба яму будаваць вялікі горад.

Князь Тур пачаў будаваць горад. І быў горад такі вялікі, што і Верасніца, і Рычоў, і Дварэц, і Азяраны, і іншыя вёскі былі пад ім. Будаваў князь Тур гэты горад не абы-як: спачатку, насыпаў Тур рачнога пяску тоўсты слой. Пасля пачаў паліць лес і насыпаў пласт дробнага вугалю ў тры аршыны. Потым надралі і палажылі пласт бярозавай кары; пасля кары насыпалі бітых гаршкоў; пасля – звярыных касцей. У канцы засыпалі пласт сленю (чашуі) з пароды язя – і ўсё гэта засыпалі зямлёю.

Уезные вароты были каля Азяран. У асяродку горада выкапалі калодзеж, які называецца Тур-калодзеж» [*Легенды і паданні*, 1983, с. 280–281].

В туровских легендах о строительстве города мы сталкиваемся с ярко выраженными космологическими мотивами, которые говорят об архаичности предания. Прежде всего повествование начинается с самых древних времен, когда даже природа была иной: другие реки с другими названиями, дрсмучис и непроходимые леса, господство враждебных человеку существ – змей.

Поэтому прибывший в этот дикий край князь Тур выступает как настоящий творец космического, т. е. сакрально упорядоченного пространства. Дикость преодолевается актами культурного строительства – горы и колодца, а затем городского поселения. Строительство города на месте успешной охоты является очень частым сюжетом во многих мифологических традициях. Мы уже говорили выше, что княжеская охота часто имела ярко выраженный сакральный оттенок и этим сакральность переносилась и на строительство поселения.

Создание космоса в преданиях происходит по оси верх – низ, верхнюю часть которой олицетворяет насыпанная князем гора¹, а нижнюю – вырытый за один день колодец с золотым, серебряным и медным дном. Причем как в каждом космологическом мифе речь идет о том, что это создание космоса отнюдь не является раз и навсегда данным. При разрушении этой структуры, в нашем конкретном случае – если прорвется последнее золотое дно, то мир ждет гибель – полное затопление. Космологический смысл сюжета не вызывает сомнений. Одновременно хорошо видно, что миф привязан к конкретным условиям проживания в болотистом Полесье с его весенними разливами.

Удивительно, но факт: на самом деле в преданиях никогда не говорится, что название города пошло от князя Тура. Его именем названы другие топонимы, которые как раз наиболее традиционно и носят названия Тур – гора и колодец.

Сакральность действий князя еще раз подчеркивается вещим, пророческим сном, который является божественным оракулом. На первый взгляд, мотив сна князя именно на возе, который в предании представляется поднятым в воздух, кажется загадочным и непонят-

¹ Предания постоянно говорят об искусственном характере горы. Интересно, что первоначально многие исследователи шли за этой уверенностью легенды.

ным, входящим в противоречие с образом князя. Но тут надо вспомнить рассказ арабского путешественника Ибрахима ибн Якуба (середина X в.) о том, что короли славян, правда славян западных, путешествовали на больших четырехколесных повозках [ibn Jakub, с. 123].

Идея связи воза и телеги с богами и царями пошла еще из причерноморских степей, где собственно повозка и была изобретена. Лексика для обозначения повозки имеет общеиндоиранское, а возможно, и общеиндоевропейское происхождение [Кузьмина, 1994, с. 194]. Е. Е. Кузьмина считает, что у индоиранцев даже существовал культ повозки [Кузьмина, 1986, с. 85].

Геродот писал, что скифы перевозили на повозках свои жилища [Геродот IV, 46, 3]. Археологи обнаружили немало их глиняных изображений. Хорошо известен скифский и шире индоиранский обычай хоронить умершего правителя в повозке, которую тянула почти через всю страну запряженная пара быков, впоследствии приносимых в жертву [Бессонова, 1983, с. 61–62; Кузьмина, 1986, с. 85]. Одна из таких повозок найдена около входа в Мелитопольском кургане, еще одна в прекрасном состоянии в пятом Пазырыкском кургане в азиатской степи [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 260].

Расположение бога и царя на повозке характерно и для Центральной и Западной Европы с древности [Gediga, 1979, с. 330, 340]. В Трундхольме в современной Дании обнаружено изображение солнечной повозки, запряженной лошадью, поистине шедевр того времени, датируемый XII в. до н. э. У кельтов, как и у скифов был обычай возить на специальных возах изображения богов или мертвых королей [Rosen-Przeworska, 1976, с. 200]. Захоронения князей с гальштаттского времени осуществлялись вместе с повозкой. Знаменитое изображение гальштаттского времени из Штреттвега (Грац, Австрия) презентует образ богини на повозке в окружении каких-то образов [Рыбаков, 1981, с. 346–348].

Германские племена в устье Эльбы почитали богиню Нертус, которая ежегодно объезжала свои владения на повозке, запряженной коровами [Тацит. О происхождении германцев 40]. Изображения скандинавских богов перемещали на специальных повозках [Пенник, Джонс, 2000, с. 259, 262–264].

Повозка являлась важным элементом атрибутики франкских королей Меровингов. «Куда бы король не отправлялся, он ехал в двуколке, которую влекли запряженные быки, управляемой по сельскому

обычаю пастухом. Так он имел обыкновение приезжать ко дворцу, на публичные собрания своего народа, куда ежегодно для пользы государства стекалось множество людей, и так же он возвращался домой» [Эйнхард I]. Такая двуколка или повозка (*carpentum*) была одним из символов царского достоинства Меровингов [Петрова, 1999, с. 224], доставшихся им с глубокой древности, наряду с обычаем носить длинные волосы и бороду, что запрещалось простому народу.

Таким образом, сон князя Тура на повозке, к тому же парящей, приобретает вполне однозначный смысл его связи с высшими силами, от которых он и получает оракул.

В результате, можно полагать, что у славян или у их части в языческий период действительно существовали представления о князьях, как сакральных творцах упорядоченного космического пространства, которое выражалось в строительстве городов – центров мироздания и космических установлений.

Косвенно об этом может свидетельствовать широко распространенный у восточных славян обычай называть города по имени князей. К этому могла подтолкнуть известная греческая форма названия города – Константинополь ‘город Константина’. Но вероятнее истоки обычая крылись в славянских языческих традициях. Мифология, в которой князь предстал основателем миропорядка в виде города, расположенного в центре мироздания, возможно предопределила обычай именования городов по именам князей.

В IX–X вв. мы знаем только три города, названных по именам князей, хотя количество известных городов в целом очень невелико. Это – Киев, Туров и Василев. В XI в. из 56 новых упомянутых городов образованных от имени – 8, а в XII в. из 119 – 12 [Тихомиров, 1946, с. 9, 21, 22–23]. Есть прямые указания: «...поставил град Борисов в свое имя и людьми населил» [ПВЛ, с. 36]. Названия городов по именам князей – второе по популярности после названий по топографическим объектам [Нерознак, 1983, с. 12–13]¹.

¹ Хотя существовала и обратная тенденция, когда из существующего названия поселения «народная этимология» выводила имя основателя. С. Роспонд считал, что эта тенденция проявлялась уже в период Киевской Руси и приводил в виде примеров легенды о Кие и Туре [Роспонд, 1979, с. 40–41]. Такое мнение представляется пока недоказанным, хотя в более поздний средневековый период такие «народно-этимологические» предания в Беларуси мы встречаем сплошь и рядом, достаточно открыть сборник «Легенды і паданні».

И все-таки стоит еще раз обратить внимание на тот факт, что и у славян основа *tur-* связана не только с названием животного. Семантическое поле в славянских языках включает целый ряд понятий, которые во многом соотносятся, например, с кельтской традицией.

Достаточно напомнить, что даже в тесном кольце собственно городской территории самого Турова несколько объектов носили или могли носить название Тур – гора, колодец, река, урочище. И это окончательно запутывает дело. Оказывается, что есть далеко не одна и не две возможных этимологии названия города. А если прибавить другие употребления основы *tur-*, то список топонимических объектов будет значительно более разнообразным¹.

Давно отмечено, что названия с основой на *tur-* на восточнославянской территории наиболее плотно располагаются именно в западном и юго-западном регионах. Потом это мнение неоднократно поддерживали разные специалисты [Липец, 1972, с. 96–97]. Нельзя не упомянуть в нашем исследовании об интересной гипотезе, предложенной белорусским археологом Л. Дучиц, которая обратила внимание на то, что многие археологические объекты в относительно компактном районе Беларуси к югу от реки Припять носят в народе название Тур, Туры или родственные им. [Дучиц, 1993, с. 22]. Одно из самых долго существовавших и крупных зарубинецких городищ на территории Беларуси Велемичи-I расположено в урочище с характерным для нашего исследования названием Турско [Поболь, 1983, с. 116, № 252]. Рядом с ним, также в Столинском р-не находится и болотное городище Туры [Поболь, 1983, с. 118, № 289]. Однако нужно отметить, что есть примеры, которые выходят за рамки очерченного региона. Например, курганная группа, расположенная в урочище Туры около дср. Верхмесь Смолевичского района [Поболь, 1983, с. 382, № 417–418].

Приведем интереснейший пример полесского предания, которое по некоторым параметрам близко к кельтскому фольклору. «Не так даўно ў выніку меліярацыі знікла тарфянае, а калісьці лясное, вельмі маляўнічае возера каля вёскі. У даўнія часы яно было значна большым і глыбокім, на старадаўніх картах значылася як Тур-возера. Паводле падання, каля яго адбылася бітва паміж тураўцамі і іншаземнымі захопнікамі. Рэшткі разгромленага непрыяцеля перапраўляліся

¹ Недостаток места заставляет отказаться от подробного разбора этой темы, которая достаточно проблемна сама по себе и требует отдельной разработки.

праз возера, і ў час пераправы военачальнік захопіў апынуўся ў вадзе і згубіў сваю залатую зброю. Залатая шабля, напэўна, і цяпер недзе ляжыць у торфе» [Памяць, 1994, с. 178]. Затонувшее в озере золотое оружие не является очень частым мотивом славянской мифологии, зато кельтская мифология просто насыщена такими примерами.

Рассмотрев общую космологическую схему туровских преданий, необходимо обратить внимание, что они очень близко, вплоть до отдельных мотивов перекликаются с хронологически более поздней структурой предания об основании города Вильни. Мифологическая основа виленского предания была уже подробно исследована В. Н. Топоровым [Топоров, 1980].

Летописи повествуют, что князь Гедемин поехал на охоту на место впадения реки Вильни в Вилию, где было святилище Швинторога¹. «Там пострелил тура великого с куша², сам и забил его на той горе, где тепер Вышний замок Виленский» [Хроника Лит. и Жам., року 1323, с. 39]. В другом варианте летописи указано, что гора, на которой Гедемин убил тура, потом носила название Турьей [Хроника Быховца, с. 137]. Из-за наступившей ночи Гедемин заночевал прямо на этой красивой горе, и во сне ему привиделся железный волк. Никто не мог разгадать смысл сна, пока верховный жрец криве-кривейто Лиздейко не объяснил князю, что явление железного воющего волка пророчит всемирную славу построенному на этом месте городу. Летописец специально упоминает, что язычники очень верили в разные предсказания, соответственно и Гедемин немедленно решил заложить город [Хроника Лит. и Жам., року 1323, с. 39–40].

Общими мотивами обоих преданий являются охота князя в диких и обильных дичью местах, убийство тура, название потом горы Тур или Турова, пророческий сон на месте охоты на горе или на поднятом возе, предсказание во сне великого будущего построенному на этом месте городу, строительство города во исполнение предсказания. В обоих случаях строительство идет по вертикальной структуре объединяющей понятие верха и низа: Тур-гора – Тур-колодец, Верхний замок – святилище Швинторога.

Необходимо отметить еще один интересный мотив. Одно из туровских преданий, которое мы привели, отмечает, что князю Туру не с кем было посоветоваться о смысле своего сна, но, будучи самым

¹ Сравните упоминание топонима Туров рог около реки в Турове.

² Старинный тип огнестрельного оружия.

«хїтрѣйшым», он сам разрешает эту проблему. Роль советника князя Гедемина в виленском цикле выполняет жрец Лиздейко «найвышні паганскі біскуп». Это может указывать на совмещение князем Туром военных (княжеских) и религиозных (жреческих) функций.

Возможно, что популярность сюжета способствовала его дальнейшему бытованию, когда в других регионах он приобретал местные особенности. Речь идет о Молдавии. Молдавские летописи возводят начало Молдавской земли к 1359 г. [Буганов, Грекул, 1976, с. 7] и связывают его с именем воеводы Драгоша. Обычно в местных летописях встречается краткий рассказ об этом событии [СМЛ, с. 24, 60, 105, 117]. Наиболее широкую редакцию со многими подробностями мифа содержит Славяно-молдавская летопись 1359–1504 гг. Именно по ней мы и приведем легенду [СМЛ 1359–1504, с. 57–58].

Легенда обращается к изначальным историческим временам братьев Романа и Влаха, которые построили Старый Рим. Четко выступает идея возведения рода еще к римлянам, что характерно для валашской (румынской) традиции. Потом начинается борьба старых (православные) и новых (католики) римлян. Как видим, тут миф уже стремится объяснить причины борьбы двух направлений в христианстве. Старые римляне из-за вероломства проиграли борьбу и вынуждены уйти к венгерскому королю Владиславу¹.

«...Бе человек разумен и мужествен именем Драгожь и поиде себе со дружиною на ловь зверинь и наидоша под горами высокими следь туров и поидоша следом за туром чрез горы высокие и перейдоша высокиа планины², сии рече горы и преидоша за туром на место долние и краснейшие и наехаша тура у реки на берегу под вербою и его убиша и насытишеся от лова своего. И прииде имъ от бога в срьдце мысль, дабых разсмотрили себе на жительство место и вселися ту и съвокупишася единомыслено и восхотеша все пребыти ту...» Драгош с дружиной возвращается к соотечественникам и описывает красоты здешних земель, которые остались пустые после татар. «...и биша челом Владиславу, королю угорьскому, дабы их отпустить пойти. Владислав же король отпусти их с великою милостию». На-

¹ Интересной параллелью в данном мифе является и название местности, где старые римляне поселились в Венгрии на реке Маромуреш – Крижи или Крижетур [СМЛ 1359–1504, с. 55]. Название никак не мотивируется и никак не объясняется.

² Планины – карпатское название гор.

«...прейдоша горы божиею помощью и прийдоша на место, где Драгошь тура уби...». Народ выбирает тут Драгоша господарем и воеводой и «...начашася божиемъ произволениемъ Молдавская земля». Драгош строит первый город на реке Молдове, а потом и многие укрепления. «...И учиниша себе печать воеводскую во всю землю¹ турью голову, и господствовал на воеводстве лета два».

Как видим, сюжет уже упростился, хотя сохранил все основные компоненты. Зато возникло много новых местных сюжетных построений, как-то: происхождение от римлян, религиозный раскол и т. д. Кроме того, в нем уже ясно видна христианская составляющая. Вместо мотива пророчества выступает божье провидение. Подозревая в данном примере не просто типологическую связь², а дальнейшее развитие знакомого нам сюжета, важно отметить, что именно в середине XV в. Великое княжество Литовское активно действовало в предгорьях Карпат. Витовт основал здесь мощный укрепленный форпост – крепость Хотин. Представители Гедиминовичей время от времени оказывались на местных престолах северо-восточной Румынии, например, в Сучаве.

История ВКЛ еще один раз самым неожиданным образом переплелась с системой исследованных преданий в тот момент, когда князь Витовт начал борьбу за королевскую корону. В этой борьбе многое зависело от позиции императора Священной Римской империи, короля Венгрии Сигизмунда, с которым у Витовта вначале были натянутые отношения. Но, видимо, осознание некоторых общих интересов, удерживавших Польшу от чрезмерной активности, заставило их сблизиться. Последовал обмен богатыми подарками. Одним из ценных подарков Витовта императору стал турий рог, добытый на охоте его предком Гедимином на месте будущей Вильни. После долгих переговоров Сигизмунд дал согласие на коронацию. Корона для нового короля уже была в пути. Но это не входило в расчеты польских правящих кругов. По одной из версий польские аристократы, якобы по собственной воле, устроили засаду в местности Турья гора (*Turzagora*) [Меховский, с. 104], чтобы перехватить корону. Послы императора, узнав об этом, повернули назад. Один из ключевых моментов истории Великого княжества окончился не в его пользу.

¹ Имеется в виду поле герба.

² Хотя в данном случае может сохраняться вероятность, что сюжет самостоятельно формировался в местных условиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Устные туровские предания представляют нам древний славянский миф о создании городского поселения. Заметную роль в них играет образ «исторического» князя Тура. Фактически предания описывают космогонический сюжет, в котором тесно переплелись идеи о возникновении упорядоченного космического пространства через творение горы и колодца, города как символа этого состояния, и князя как создателя и хранителя этого миропорядка. В результате была реализована мифологическая схема места города в системе Вселенной, города, который играл роль медиатора между мирами, воплощая в себе сакральные начала этого мира. Одновременно это отражало мифологическое обоснование сакральной составляющей власти вождей-предводителей.

Сохранившиеся устные туровские предания являются неоценимым источником по духовной культуре белорусского Полесья. В том числе они донесли до нас очень древние мифологические представления.

Очень часто языческую религию какого-либо народа, а для славянской традиции это достаточно характерно, привыкли рассматривать как замкнутое целое, присущее только самому этому народу. Это отражает и постановка задачи описания – религия славян, религия кельтов.

Такие предания, как о князе Туре, с их богатой мифологической и лингвистической семантикой, как правило, не являются продуктом единовременного действия. Обычно это конгломерат идей, формировавшихся на протяжении длительного исторического развития, впитавший разноэтнические и разновременные мотивы. Отдельные компоненты предания могли складываться долгие столетия, переосмысливая старые идеи, переплетаясь, постепенно обогащаясь новыми идеями.

В древности белорусское Припятское Полесье тесно взаимодействовало в политической и, возможно, духовной жизни с северопричерноморским регионом, имело налаженные политические и торговые связи с Центральной Европой. Археологи показали картину многочисленных переселений и материальных контактов.

Гораздо сложнее увидеть общение в сфере духовной культуры. В работе с устными народными традициями почва слишком уж зыбкая. Поэтому изучение мифологии всегда отстает от изучения материальной культуры. Но уже мало кто сомневается, что и в этой сфере шло постоянное взаимодействие и взаимообогащение. Изучая историческое прошлое даже не народов, а отдельных регионов, необходимо попытаться уловить момент, когда могли распространиться те или иные представления.

Взаимодействие в разное время греческой, степной иранской, кельтской, германской и формирующейся позднее праславянской традиций должно было наложить отпечаток на духовную культуру Припятского Полесья. Впоследствии часть этих мифологических компонентов вошло составной частью в локальные варианты мифологической традиции периода Киевского государства.

Исследование легендарных и мифологических представлений о полесском князе Туре, зафиксированных в древнерусских летописях и в устных туровских преданиях, помогло нам наметить параллели этому образу в других мифологических, лингвистических и культурно-исторических индоевропейских традициях. Подобное сходство образов могло быть не только итогом самостоятельного развития генетически родственных культур, но и результатом их взаимодействия в историческое время.

У ряда индоевропейских народов существовали мифы о прародителях народов и эпонимах стран или городов с именами, производными от основы *taur-*, *tur-*. Генетически родственные мифологические образы мы находим в иранской и кельтской мифологических традициях. Они же, как и некоторые другие индоевропейские регионы репрезентуют и этнонимические и топонимические схождения.

Все индоевропейские образы мифологических героев с именем Тур объединяет несколько деталей. Такое имя получали воины, отличавшиеся безудержной храбростью и шальной воинственностью, выдающейся силой. Так или иначе всегда рядом стоит образ могучего дикого быка.

В случае с исследованием легенды о князе Туре огромную помощь оказывает лингвистический материал. Основа *taur-*, *tur-* была очень продуктивна в Европе и нередко использовалась в топонимических названиях, которые связаны с широким семантическим полем названий водных объектов, гор, холмов и т. д. Такое единство семантики в разных индоевропейских традициях может свидетельствовать, что подобные названия принадлежат к пласту, относящемуся еще к древнеевропейскому единству. С одной стороны, это указывает на общие этимологические корни, зато с другой – препятствует определению точного источника этимологии.

Сравнение с другими традициями, где такое название тоже было популярным, дает возможность очертить хронологически тот момент, когда стали популярными такие названия. Первые подобные названия на современных славянских территориях могут относиться к середине или второй половине I тыс. до н. э. Это удревает формирование славянской или, скорее, праславянской мифологии и переносит начало ее формирования в достаточно отдаленный исторический период.

Хочется предупредить упрощенное понимание книги читателем. Когда мы говорим о князе Туре и его «мифологических тезках» у других индоевропейцев: иранцев, кельтов, то надо понимать, что это ни в коем случае не означает, что сам князь Тур был иранцем или кельтом. Это означает только, что тесное родство индоевропейских народов в области языка и мифологии вело к общим переживаниям мифологических и лингвистических процессов.

Когда создавался славянский миф о родоначальнике и основателе города Турова, зафиксированный в летописи, личность князя Тура уже вполне могла быть легендарной. Даже если существовал и реальный образ в славянской истории, к нему уже могли быть применены мифологические конструкции, возникшие в Европе значительно раньше.

Таким образом, полесский князь Тур оказывается совсем не одинокой фигурой на фоне индоевропейской мифологической и лингвистической традиций, не единичным и оторванным явлением.

И может быть самый важный вывод, который можно сделать: образ летописного князя Тура – легендарный или исторический – это не начало белорусской истории, а итог ее долгого тысячелетнего предшествующего исторического развития, символ длительного формирования ее традиционной духовной культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

Античные источники

- Авиен Руф. Описание морского берега Испании // ВДИ. 1939. № 2.
- Агатархид. Об Эритрейском море // ВДИ. 1947. № 3. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].
- Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 2000.
- Анакреонт // ВДИ. 1947. № 1. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].
- Апполодор. Мифологическая библиотека / Авт.-сост. В. Г. Борухович. М., 1993.
- Аполлоний Родосский. Аргонавтика / Пер. Г. Ф. Церетели. Тбилиси, 1964.
- Аппиан Александрийский. Римская история / Под ред. С. А. Жебелева, О. О. Крюгера, Е. С. Голубцовой, Л. Л. Кофанова. М., 2002.
- Аристотель. О чудесных слухах // ВДИ. 1947. № 2. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].
- Бакхилид. Победные оды // ВДИ. 1952. № 2. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].
- Безыменного автора [как полагают Скимна Хиосского]. Землеописание // ВДИ. 1947. № 3. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].
- Гай Плиний Секунд. Естественная история // ВДИ. 1949. № 2. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].
- Гай Плиний Цецилий Секунд. Панегирик // ВДИ. 1949. № 3. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].
- Гай Соллий Аполлинарий Сидоний. Панегирик // ВДИ. 1949. № 4. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].
- Гай Юлий Солин. Сборник достопримечательностей // ВДИ. 1949. № 3. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].
- Геродот. История / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1993.
- Гесихий Александрийский. Лексикон // ВДИ. 1948. № 4. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].
- Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича; Авт.-сост. А. И. Зайцев. Л., 1990.

Деяния божественного Августа // ВДИ. 1949. № 1. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Дионисий Митиленский. Аргонавты // ВДИ. 1947. № 3. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Греческая мифология / Пер., ст., ком. и указ. О. П. Цыбенко. М., 2000.

Диодор Сицилийский. Библиотека // ВДИ. 1947. № 4. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Дионисий Перизетт. Описание населенной земли // ВДИ. 1948. № 1. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Еврипид. Ифигения в Авлиде // Еврипид. Трагедии. Т. 2. М., 1999.

Еврипид. Ифигения в Тавриде // Еврипид. Трагедии. Т. 1. М., 1999.

Еврипид. Ифигения в Тавриде // ВДИ. 1947. № 2. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Евсевий. Хроника. Приложение VI // ВДИ. 1948. № 3. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Евстафий. Комментарии к «Землеописанию» Дионисия // ВДИ. 1948. № 1. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Евтропий. Бревиарий от основания города // ВДИ. 1949. № 3. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Зосим. Новая история // ВДИ. 1949. № 4. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступ. ст., пер., ком. Е. Ч. Скржинской. СПб., 1997.

Каллимах. Гимны // ВДИ. 1947. № 3. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Клавдий Клавдиан. Панегирик на 4-е консульство Гонория Августа // ВДИ. 1949. № 4. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Клавдий Клавдиан. Панегирик на 6-е консульство Гонория Августа // ВДИ. 1949. № 4. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Клавдий Элиан. О животных // ВДИ. 1948. № 2. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Сост., пер., ком. Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989; 1991.

Лев Диакон. История / Вступ. ст., пер., ком. М. Я. Сюзюмова. М., 1988.

Ливий Тит. История Рима от основания города / Под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе. Т. 1. М., 1989.

Никаандр. Превращения // ВДИ. 1947. № 3. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Павел Оросий. Истории против язычников // ВДИ. 1949. № 4. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Павсаний. Описание Эллады / Пер. С. П. Кондратьева; Под ред. Е. В. Никитюк. Т. 1–2. СПб., 1996.

Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.) / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994.

Плиний. Естественная история III, 25, 148 // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.) / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994.

Плутарх. О судьбе римлян // ВДИ. 1947. № 4. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. 1–3. СПб., 1994–1995.

Помпоний Мела. Землеописание // ВДИ. 1949. № 1. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Приск. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.) / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994.

Присциан. Землеописание // ВДИ. 1949. № 4. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. Т. 1–2. М., 1996.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., вступ. ст. и ком. А. А. Чекаловой. СПб., 1998.

Прокопий Кесарийский. О постройках // Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. Т. 2. М., 1996.

Птолемей. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.) / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994.

Птолемей Клавдий. Географическое руководство // ВДИ. 1948. № 2. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Публий Овидий Насон. Печальные песни // ВДИ. 1949. № 1. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Публий Овидий Насон. Письма с Понта // ВДИ. 1949. № 1. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Руфий Фест Авиен. Описание земного круга // ВДИ. 1949. № 4. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря / Пер. Ф. В. Шелова-Коведяева // ВДИ. 1988. № 1–2.

Стасин. Кипрские сказания // ВДИ. 1947. № 1. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Стефан Византийский. Описание племен // ВДИ. 1948. № 3. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского; Под ред. С. Л. Утченко, О. О. Крюгера. М., 1994.

Схолии к Аполлонию «Походу аргонавтов» // ВДИ. 1947. № 3. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Схолии к «Землеописанию» Дионисия // ВДИ. 1948. № 1. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Схолии к «Илиаде» Гомера // ВДИ. 1947. № 1. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Тацит Корнелий. Анналы // Тацит Корнелий. Сочинения / Авт.-сост. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко. Т. 2. М., 1993.

Тацит Корнелий. История // Тацит Корнелий. Сочинения / Авт.-сост. Г. С. Кнабе, М. Е. Грабарь-Пассек, И. М. Тронский, А. С. Бобович. Т. 2. М., 1993.

Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит Корнелий. Сочинения / Авт.-сост. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко. Т. 1. М., 1993.

Тиберий Каций Силий Италик. Пуническая война // ВДИ. 1949. № 2. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Требеллий Поллион. Божественный Клавдий // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. И. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура. М., 1992.

Филарх. История // ВДИ. 1947. № 3. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Флавий Веспасиан Сиракузский. Проб // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. И. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура. М., 1992.

Фукидид. История / Авт.-сост. Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский. М., 1993.

Цезарь Гай Юлий. Галльская война // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1991.

Юлий Гонорий. Описание мира // ВДИ. 1949. № 4. [Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе].

Юлий Капитолин. Жизнеописание Марка Антонина философа // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. И. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура. М., 1992.

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа» / Пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского; Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек // ВДИ. 1955. № 1.

Эсхил. Прикованный Прометей // Эсхил. Трагедии. М., 1989.

Средневековые источники

«Авеста» в русских переводах (1861–1996) / Сост. И. В. Рака. СПб., 1997.

Волх (В)сеславьевич: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.

Герберштейн: Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Задонщина: Задонщина / Пер. Л. А. Дмитриева // Повести ратной славы Древней Руси. Воронеж, 1986.

Козьма Пражский. Чешская хроника / Вступ. ст., пер. и ком. Г. Э. Санчука. М., 1962.

Летописная повесть: Летописная повесть о походе князя Игоря на половцев // Повести ратной славы Древней Руси. Воронеж, 1986.

Меховский: Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. и ком. С. А. Аннинского. М., 1936.

Орозий: Орозий короля Альфреда // Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979.

ПВЛ: Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и ком. Д. С. Лихачева. СПб., 1999.

Разрушение дома Да Дерга: Предания и мифы средневековой Ирландии / Сост., пер., вступ. ст. и ком. С. В. Шкунаева. М., 1991.

Слово: Слово о полку Игореве / Пер. Д. С. Лихачева // Повести ратной славы Древней Руси. Воронеж, 1986.

СМЛ: Славяно-молдавские летописи (XV–XVI вв.). М., 1976.

СМЛ 1359–1504: Славяно-молдавская летопись 1359–1504 гг. // Славяно-молдавские летописи (XV–XVI вв.). М., 1976.

Титмар Мерзебургский. Хроника // Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993.

Устава на волокни господаря короля е. м. во всем великом князьстве Литовском лета 1557 апреля 1 // Законодательные акты Великого Княжества Литовского XV–XVI вв. Л., 1936.

Фирдоуси, т. 1: Фирдоуси. Шахнаме / Изд. Ц. Б. Бану-Лахути, А. Лахути, А. А. Стариков. Т. 1. М., 1993.

Фирдоуси, т. 2: Фирдоуси. Шахнаме / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути. Ком. А. А. Стариков. Т. 2. М., 1993.

Хроника Быховца: Хроника Быховца // ПСРЛ. Т. 32. М., 1975.

Хроника Лит. и Жам.: Хроника Литовская и Жамойтская // ПСРЛ. Т. 32. М., 1975.

Эйнхард: Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. с лат. М. С. Петровой // Историки эпохи Каролингов. М., 1999.

ibn Jakub: ibn Jakub I. Relacja z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekriego // Labuda G. Słowiańszczyzna starożytna i wczesnośredniowieczna. Poznań, 1999.

Исследования

Абаев, 1949: Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. 1. М.; Л., 1949.

Абаев, 1962: Абаев В. И. Культ семи богов у скифов // Древний мир. М., 1962.

Абаев, 1965: Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.

Абаев, 1979: Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3. М., 1979.

Анфертьев, 1994: Анфертьев А. Н. Комментарии // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.) / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994.

Афанасьев, 2002: Афанасьев А. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 2002.

Барцева, 1981: Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени. М., 1981.

Батюшков, 1890: Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва. Историческая судьба Северо-Западного края. СПб., 1890.

Белан, 1977: Белан Н. Г. До історії мисливства і тваринництва у племен Правобережної України у I тис. н. е. // Археологія. 1977. 24.

Беликов, 1997: Беликов А. П. Третья Македонская война // ВДИ. 1997. № 3.

Бессонова, 1983: Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.

Бибииков, 1984: Бибииков М. В. Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.

Бибииков, 2000: Бибииков М. В. Византийские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000.

Бидзиля, Щукин, 1993: Бидзиля В. И., Щукин М. Б. Памятники латенской культуры на территории Закарпатья и к востоку от Карпат // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. М., 1993.

Боголюбский, 1959: Боголюбский С. Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959.

Бойс, 1987: Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. М., 1987.

Брайчевский, 1968: Брайчевский М. Ю. Паходження Русі. Киев, 1968.

Браун, 1899: Браун Ф. Разыскания в области готско-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V в. // Сборник русского языка и словесности Имп. АН. Т. LXIV. № 12. СПб., 1899.

Буганов, Грекул, 1976: Буганов В. И., Грекул Ф. А. Введение // Славяно-молдавские летописи (XV–XVI вв.). М., 1976.

Будыко, 1981: Будыко М. И. Эволюция биосферы. Л., 1981.

Бяздоннае багацце, 1990: Бяздоннае багацце. Легенды, паданні, сказы / Склад. А. І. Гурскі. Мн., 1990.

Вакуленко, 1983: Вакуленко Л. В. Поселение поздне римского времени у с. Сокол и некоторые вопросы славянского этногенеза // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983.

Ван-дер-Варден, 1991: Ван-дер-Варден Б. Пробуждающаяся наука. 2. Рождение астрономии. М., 1991.

Верещагин, 1956: Верещагин Н. К. О прежнем распространении некоторых копытных в районе смыкания европейско-казахских и центральноазиатских степей // Зоологический журнал. Т. 35, вып. 10. 1956.

Верещагин, Барышников, 1985: Верещагин И. К., Барышников Г. Ф. Вымирание млекопитающих в четвертичном периоде Северной Евразии // Млекопитающие Северной Евразии в четвертичном периоде. Л., 1985.

Вернадский, 1996: Вернадский Г. В. История России. Т. 1. Древняя Русь. Тверь; М., 1996.

Вернадский, 2000: Вернадский Г. В. История России. Т. 2. Киевская Русь. Тверь; М., 2000.

Вильхельм, 1992: Вильхельм Г. Древний народ хурриты. М., 1992.

Виноградов, 1997: Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет о «Несении Диониса» IOSPE II 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3.

Виноградов, Марченко, Рогов, 1997: Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. 1997. № 3.

Винокур, 1983: Винокур И. С. Черняховские племена на Днестре и Дунае // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983.

Воспоминание, 1994: Воспоминание о древнем православии Западной Руси // Памяць. Жыткавіцкі раён. Мн., 1994.

Гамкрелидзе, Иванов, 1984: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тбилиси, 1984.

Гаусман, 1873: Гаусман М. Исторический очерк местечка Турова, прежней столицы удельного туровского княжества. Мн., 1873.

Гептнер, Насимович, Башников, 1961: Гептнер В. Г., Насимович А. А., Башников А. Г. Млекопитающие Советского Союза. Т. 1. М., 1961.

Гильфердинг, 1950: Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. 1. М.; Л., 1950.

Гиндин, Иванчик, 1994: Гиндин Л. А., Иванчик А. И. Комментарии // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.) / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994.

Гиндин, Шелов-Коведяев, 1994: Гиндин Л. А., Шелов-Коведяев Ф. В. Strava // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.) / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994.

Грантовский, Раевский, 1984: Грантовский Э. А., Раевский Д. С. Об ирано-язычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.

Гриббин, Лэм, 1980: Гриббин Дж., Лэм Г. Г. Изменение климата за исторический период // Изменения климата. Л., 1980.

Громова, 1931: Громова В. И. Первобытный бык или тур (*Bos primigenius* Вој.) в СССР // Ежегодник зоологического музея. 1931. Т. 32, вып. 3.

Грушевский, 1901: Грушевский А. Очерк истории Турово-Пинского княжества (XI–XIII вв.). Киев, 1901.

Дашевская, 1989: Дашевская О. Д. Поздние скифы (III в. до н. э. – III в. н. э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М., 1989.

Диллон, Чедвик, 2002: Диллон М., Чедвик Н. К. Кельтские королевства. СПб., 2002.

Дневник раскопки, 1911: Дневник раскопки в местечке Турове Мозырского у. Минской губернии // Минская старина. Вып. 2. Мн., 1911.

Доватур, Каллистов, Шишова, 1982: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота / Тексты, пер., комментарии. М., 1982.

Довнар-Запольский, 1891: Довнар-Запольский М. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст. Киев, 1891.

Доленга-Ходаковский, 1844: Доленга-Ходаковский З. Донесение о первых успехах путешествия в России // Русский исторический сборник. Т. 7. 1844.

Др.-рус. уставы, 1976: Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

Дробушевский, 1992: Дробушевский А. И. Новые данные о земледелии племен зарубинецкой культуры // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Мн., 1992.

Дробушевский, Лошенко, 1995: Дробушевский А. И., Лошенко М. И. Шепотовичское городище эпохи раннего железа // ГАЗ. Т. 6. Мн., 1995.

Дучыц, 1993: Дучыц Л. У. Археалагічныя помнікі ў назвах, вераваннях і паданнях беларусаў. Мн., 1993.

Дучыц, 1994: Дучыц Л. У. Тураўскія крыжы // Памяць. Жыткавіцкі раён. Мн., 1994.

Дучыц, 1997: Дучыц Л. Касцюм на тэрыторыі Беларусі ў I тыс. н. э. (паводле археалагічных дадзеных) // ГАЗ. Т. 11. Мн., 1997.

Егарэйчанка, 1999: Егарэйчанка А. А. Зарубінецкая культура // Археалогія Беларусі. Т. 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мн., 1999.

Егарэйчанка, 1999а: Егарэйчанка А. А. Культура штрыхаванай керамікі // Археалогія Беларусі. Т. 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мн., 1999.

Егорейченко, 1996: Егорейченко А. А. Древнейшие городища белорусского Полесья (VII–VI вв. до н. э. – II в. н. э.). Мн., 1996.

Елинек, 1983: Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1983.

Еременко, 1997: Еременко В. Е. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. (Опыт реконструкции этнополитических процессов III–I вв. до н. э. Центральной и Восточной Европе). СПб., 1997.

Еременко, Залашко, 1995: Еременко В. Е., Залашко Г. М. Киселевский клад бронзовых браслетов // ГАЗ. Т. 9. Мн., 1995.

Ермаловіч, 1990: Ермаловіч М. І. Старажытная Беларусь. Полацкі і Навагродскі перыяды. Мн., 1990.

Жебелев, 1935: Жебелев С. А. Херсонесская присяга // ИАН. VII сер., отд.-ние обществ. наук. 1935. № 10.

Завитневич, 1886: Завитневич В. Область дреговичей, как предмет археологического исследования // Труды Киевской духовной Академии. 1886. Т. 2, № 5–8.

Загарульскі, 1998: Загарульскі Э. М. Заходняя Русь IX–XIII ст. Мн., 1998.

Загорульский, 1977: Загорульский Э. М. Древняя история Белоруссии. Мн., 1977.

Загорульский, 1996: Загорульский Э. М. Начало формирования населения Белоруссии (дославянский период). Мн., 1996.

*Зайкоўскі, 1998: Зайкоўскі Э. Астральная і календарная сімволіка на нека-
торых археалагічных знаходках Беларусі // ГАЗ. Т. 13. Мн., 1998.*

*Зайкоўскі, Цыркунова, 1995: Зайкоўскі Э. М., Цыркунова В. А. Металічныя
прылады бронзавага веку Цэнтральнай і Паўночнай Беларусі // ГАЗ. Т. 9. Мн.,
1995.*

*Зализняк, 1962: Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых от-
ношений древнего периода // ВСЯ. Вып. 6. М., 1962.*

*Иванов, 1990: Иванов В. В. Праязык // Лингвистический энциклопедичес-
кий словарь / Под ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.*

*Ісаенка, 1997: Ісаенка У. Ф. Днепра-данецкая культура // Археалогія Бе-
ларусі. Т. 1. Каменны і бронзавыя вякі. Мн., 1997.*

Исаенко, 1976: Исаенко В. Ф. Неолит Припятского Полесья. Мн., 1976.

*Казанскене, Казанский, 1986: Казанскене В. П., Казанский Н. Н. Предметно-
понятийный словарь греческого языка. М., 1986.*

*Калайдович, 1821: Калайдович К. Введение // Памятники российской сло-
весности XII в. М., 1821.*

*Калыгин, 1986: Калыгин В. П. Язык древнейшей ирландской поэзии. М.,
1986.*

*Калыгин, Королев, 1989: Калыгин В. П., Королев А. А. Введение в кельтскую
филологию. М., 1989.*

*Капанцян, 1956: Капанцян Гр. Хайаса – колыбель армян // Капанцян Гр.
Историко-лингвистические работы. К начальной истории армян. Т. 1. Ереван,
1956.*

*Капанцян, 1956а: Капанцян Гр. Малоазийские (азианские) боги у ар-
мян // Капанцян Гр. Историко-лингвистические работы. К начальной истории
армян. Т. 1. Ереван, 1956.*

*Капанцян, 1975: Капанцян Г. А. Историко-лингвистическое значение
топонимии Древней Армении // Капанцян Г. А. Историко-лингвистические
работы. К начальной истории армян. Т. 2. Ереван, 1975.*

*Капанцян, 1975а: Капанцян Г. А. К происхождению грузинского нацио-
нального имени Kharthveli // Капанцян Г. А. Историко-лингвистические
работы. К начальной истории армян. Т. 2. Ереван, 1975.*

*Капанцян, 1975б: Капанцян Г. А. Халдская надпись Русы I из Келанкрана
// Капанцян Г. А. Историко-лингвистические работы. К начальной истории
армян. Т. 2. Ереван, 1975.*

*Капанцян, 1975в: Капанцян Г. А. Об одном хеттском мифе в связи с жу-
равлем и божеством весны // Капанцян Г. А. Историко-лингвистические рабо-
ты. К начальной истории армян. Т. 2. Ереван, 1975.*

*Капанцян, 1975г: Капанцян Г. А. О каменных стелах на горах Армении //
Капанцян Г. А. Историко-лингвистические работы. К начальной истории ар-
мян. Т. 2. Ереван, 1975.*

*Карышковский, 1971: Карышковский П. О. Истрия и ее соседи на рубеже
III–II вв. до н. э. // ВДИ. 1971. № 2.*

Каспарова, 1969: Каспарова К. В. Могильник и поселение у дер. Отвержици // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. МИА. 1969. № 160.

Каспарова, 1981: Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА, 1981. № 2.

Каспарова, 1991: Каспарова К. В. К вопросу о происхождении и этнической принадлежности зарубинецкой культуры // Гомельщина: археология, история, памятники. Гомель, 1991.

Каспарова, Максимов, 1993: Каспарова К. В., Максимов Е. В. Культура Поянешти-Лукашевка // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. М., 1993.

Киркор, 1993: Киркор А. К. Живописная Россия. Литовское и Белорусское Полесье. Мн., 1993.

Ключевский, 2002: Ключевский В. О. Русская история. Т. 1. М.; Мн., 2002.

Книпович, 1966: Книпович Т. Н. К вопросу о датировке Ольвийского декрета в честь Протагена // ВДИ. 1966. № 2.

Кобищанов, 1995: Кобищанов Ю. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995.

Ковалевская, 1977: Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М., 1977.

Козак, 1983: Козак Д. Н. Памятники рубежа и первых веков нашей эры в Поднестровье и Западном Побужье // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983.

Козак, 1993: Козак Д. Н. Пшеворская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. М., 1993.

Кононов, 1949: Кононов А. Н. Опыт анализа термина *түрк* // СЭ. 1949. № 1.

Королев, 1984: Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984.

Кочергина, 1996: Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М., 1996.

Крис, 1989: Крис Х. И. Культура тавров // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М., 1989.

Крукоўскі, 1928: Крукоўскі А. Старадаўні Тураў і яго ваколіцы // Наш край. 1928. № 8–9 (11–12).

Крывальцэвіч, 1995: Крывальцэвіч М. М. Помнікі тшчцінецкага часу на поўдні Беларусі // ГАЗ. Т. 6. Мн., 1995.

Крывальцэвіч, 1997: Крывальцэвіч М. М. Тшчцінецкая культура // Археалогія Беларусі. Т. 1. Каменны і бронзавыя вякі. Мн., 1997.

Крывіцкі, Саскевіч, 1994: Крывіцкі А. А., Саскевіч М. А. Тураў – князь ці рэчка Тур?.. // Памяць. Жыткавіцкі раён. Мн., 1994.

Кузьмина, 1977: Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977.

Кузьмина, 1981: Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М., 1981.

Кузьмина, 1986: Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.

Кузьмина, 1994: Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.

Кулаков, 1997: Кулаков В. И. Варникам. Древности прусских вождей // ГАЗ. Т. 12. Мн., 1997.

Кулаков, Скворцов, 2000: Кулаков В. И., Скворцов К. Н. Боевые клинки из Клейнхайде // ГАЗ. Т. 15. Мн., 2000.

Кухаренко, 1959: Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. 1959. № 1.

Кюмон, 2000: Кюмон Ф. Мистерии Митры. СПб., 2000.

Ларин, 1963: Ларин Б. А. Об архаике в семантической структуре слова (яр – юр – буй) // Из истории слов и словарей. Л., 1963.

Лашанкоў, 1999: Лашанкоў М. І. Матэрыяльная культура і заняткі насельніцтва. Мілаградская і паморская культуры // Археалогія Беларусі. Т. 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мн., 1999.

Легенды і паданні, 1983: Легенды і паданні / Пад рэд. А. С. Фядосіка. Склад. М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. Мн., 1983.

Липец, 1972: Липец Р. С. Образ древнего тура и отголоски его культа в былинах // Славянский фольклор. М., 1972.

Литвинский, 1968: Литвинский Б. А. Кангюско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.

Лихачев, 1999: Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк). Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 1999.

Лошенко, Барцева, 1995: Лошенко М. И., Барцева Т. Б. К вопросу о бронзолитейном ремесле населения милоградской культуры // ГАЗ. Т. 6. Мн., 1995.

Логашова, 1978: Логашова Дж. Из топонимики Каспийского моря (О названии реки Атрек) // Ономастика Средней Азии. М., 1978.

Лысенко, 1974: Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Мн., 1974.

Лысенка, 1994: Лысенка П. Ф. Вялікае і магутнае Тураўскае княства // Памяць. Жыткавіцкі раён. Мн., 1994.

Лысенко, 2001: Лысенко П. Ф. Туровская земля IX–XIII вв. Мн., 2001.

Лысенка, 2001а: Лысенка П. Ф. Тураўскае княства // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6, кн. 1. Мн., 2001.

Лысенка, 2003: Лысенка П. Ф. Гарадзішча старажытнага Турава і праблемы захавання і музеіфікацыі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. 2003. № 7.

Любжин, 1992: Любжин А. И. Комментарии // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. И. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура. М., 1992.

Мавродин, 1945: Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945.

Мади, 1967: Мади З. Припонтийские кельты // Античное общество. М., 1967.

Максимов, 1969: Максимов Е. В. Хронология древностей зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. МИА. 1969. № 160.

Максимов, 1986: Максимов Е. В. Зарубинецкая культура // Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1986.

Максимов, Русанова, 1993: Максимов Е. В., Русанова И. П. Зарубинецкая культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. М., 1993.

Мартынов, 1982: Мартынов В. В. Становление праславянского языка по данным славяно-иноязычных контактов. Мн., 1982.

Мартынаў, 1993: Мартынаў В. Этнагенез славян. Мова і міф. Мн., 1993.

Мартынаў, 1998: Мартынаў В. В. Прападзіма славян. Лінгвістычная верыфікацыя. Мн., 1998.

Массон, 1983: Массон В. М. Иерихон и Чатал-Гююк // История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги цивилизации. Ч. 1. М., 1983.

Мачинский, 1973: Мачинский Д. А. Кельты на землях к востоку от Карпат // АСГЭ. Вып. 15. 1973.

Мачинский, 1974: Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. – I в. н. э. // АСГЭ. Вып. 16. 1974.

Мачинский, 1976: Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I–VI вв. // АСГЭ. Вып. 17. 1976.

Мейе, 2000: Мейе А. Общеславянский язык. М., 2000.

Мелларт, 1968: Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1968.

Мельниковская, 1967: Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

Мелюкова, 1989: Мелюкова А. И. Краткие сведения об истории скифов // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М., 1989.

Мелюкова, 1989а: Мелюкова А. И. Скифские памятники степи Северного Причерноморья // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М., 1989.

Мелюкова, 1989б: Мелюкова А. И. География и этногеография Скифии в трудах советских ученых // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.

Мелюкова, 1989в: Мелюкова А. И. Скифская материальная культура. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М., 1989.

Минская старина, 1911: Минская старина. Вып. 2. Мн., 1911.

Мишулин, 1939: Мишулин А. В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // ВДИ. 1939. № 1.

- Моммзен, 1997: Моммзен Т. История Рима. Т. 1–4. М., 1997.
- Мошкова, 1989: Мошкова М. Г. Краткий очерк истории савромато-сарматских племен // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.
- Мыльников, 1999: Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII вв. СПб., 1999.
- Мядзведзеў, 1996: Мядзведзеў А. Культурныя сувязі насельніцтва Беларусі ў жалезным веку // Беларусь у сістэме трансэўрапейскіх сувязяў у I тыс. н. э. Мн., 1996.
- Мядзведзеў, 1997: Мядзведзеў А. М. Культурныя сувязі насельніцтва Беларусі ў жалезным веку // ГАЗ, т. 11. Мн., 1997.
- Назаренко, 2000: Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000.
- Нерознак, 1983: Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983.
- Нидерле, 2000: Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000.
- Никонов, 1966: Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Описание церквей, 1879: Описание церквей и приходов Минской епархии. V. Мозырский уезд. Мн., 1879.
- Оранский, 1979: Оранский И. М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
- Очерк истории, 1880: [Епископ Минский и Туровский Евгений (Шарашилов)] Очерк истории Турова // Творения Святаго отца нашего Кирилла епископа Туровскаго. Киев, 1880.
- Паавер, 1965: Паавер К. Л. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Таллин, 1965.
- Памяць, 1994: Памяць. Жыткавіцкі раён. Мн., 1994.
- Пачкова, Романовская, 1983: Пачкова С. П., Романовская М. А. Памятники Карпато-Днестровского региона конца I тыс. до н. э. // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983.
- Пенник, Джонс, 2000: Пенник Н., Джонс П. История языческой Европы. СПб., 2000.
- Петрова, 1999: Петрова М. С. Комментарии // Историки эпохи Каролингов. М., 1999.
- Петрухин, Раевский, 1988: Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1988.
- Пічэта, 1924: Пічэта У. Гісторыя Беларусі. Ч. 1. М.; Л., 1924.
- Поболь, 1969: Поболь Л. Д. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья // Древности Белоруссии. Мн., 1969.
- Поболь, 1971: Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Ранний этап зарубинецкой культуры. Мн., 1971.
- Поболь, 1983: Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Мн., 1983.

Поболь, 1987: Поболь Л. Д. Деревянное рало из торфяника у дер. Кап-лановичи // ABS. Т. V. 1987.

Побаль, 1994: Побаль Л. Д. На старажытнай Тураўскай зямлі // Памяць. Жыткавіцкі раён. Мн., 1994.

Погодин, 1846: Погодин М. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 3. М., 1846.

Подосинов, 1994: Подосинов А. В. Комментарии к Певтингеровой карте // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.) / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994.

Поездка, 1911: Поездка в Пинск и Туров // Минская старина. Вып. 2. Мн., 1911.

Пятышева, 1947: Пятышева Н. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // ВДИ. 1947. № 3.

Пятышева, 1948: Пятышева Н. В. О культе Геракла в Херсонесе // ВДИ. 1948. № 2.

Пятышева, 1967: Пятышева И. В. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I–VI вв. н. э. // Античное общество. М., 1967.

Рак, 1998: Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб., 1998.

Рассадин, 1991: Рассадин С. Е. О находках из Белоруссии – свидетельствах контактов ее жителей с лесостепью скифской эпохи // Гомельщина: археология, история, памятники. Гомель, 1991.

Рассадзін, 1992: Рассадзін С. Я. Да пытання аб сувязях старажытнага насельніцтва Беларусі са скіфскімі землямі ў VIII–III ст. да н. э. // Весці АН Беларусі. Сер. грамадскіх навук. 1992. № 2.

Рассадзін, 1996: Рассадзін С. Я. Землі амаль невядомыя. Мн., 1996.

Рассадин, 1997: Рассадин С. Е. Племена и народы «заскифского» Северо-Востока. Мн., 1997.

Рассадзін, 1999: Рассадзін С. Я. Храналогія і этнічная прыналежнасць. Мілаградская і паморская культуры // Археалогія Беларусі. Т. 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мн., 1999.

Рикман, 1975: Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.

Робинсон, 1980: Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. М., 1980.

Рогалеў, 1992: Рогалеў А. Ф. Сцежкі ў даўніну. Геаграфічныя назвы Беларускага Палесся. Мн., 1992.

Роспонд, 1963: Роспонд С. Значение древнерусской ономастики для истории. (К этимологии топонима Киев) // ВЯ. 1963. № 1.

Роспонд, 1979: Роспонд С. Miscellanea onomastica Rossica // Восточно-славянская ономастика. М., 1979.

Россия, 1905: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / Под ред. В. П. Семенова. Т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб., 1905.

- Русанова*, 1993: Русанова И. П. Введение // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. М., 1993.
- Рыбаков*, 1949: Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. 1949. № 11.
- Рыбаков*, 1963: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- Рыбаков*, 1981: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.
- Рыбаков*, 1988: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988.
- Рыдзевская*, 1934: Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу // ИАН. 1934. № 7–8.
- Сагановіч*, 2001: Сагановіч Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. Мн., 2001.
- Санчук*, 1962: Санчук Г. Э. Вступительная статья. Комментарии // Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962.
- Сафронов*, 1983: Сафронов В. А. Проблемы индоевропейской прародины. Орджоникидзе, 1983.
- Седов*, 1970: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. 1970. № 163.
- Седов*, 1994: Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994.
- Седов*, 2002: Седов В. В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Сергисанин*, 1961: Сергисанин И. П. Млекопитающие Белоруссии. Мн., 1961.
- Симоненко*, *Лобай*, 1991: Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы северо-западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991.
- Славяне*, 1990: Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.
- Случевский*, 1897: Случевский К. К. По Северо-Западу России. Т. 1–2. СПб., 1897.
- Соколова*, 1972: Соколова В. К. Типы восточнославянских топонимических преданий // Славянский фольклор. М., 1972.
- Соловьев*, 1993: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1993.
- Соломонік*, 1976: Соломонік Е. І. Таври і Тавріка // Археологія. 1976. Вып. 20.
- Стрижак*, 1988: Стрижак О. С. Етнімія Геродотової Скіфії. Київ, 1988.
- Сумцов*, 1887: Сумцов Н. Ф. Тур в народной словесности // Киевская старина. 1887. Т. XVII, янв.
- Супераньска*, 1971: Супераньска О. В. Імовірнісна ономастика // Мовознавство. 1971. № 4.
- Тарасаў*, 1996: Тарасаў С. В. Першыя княствы-дзяржавы на беларускіх землях // Гісторыя Беларусі. Мн., 1996.
- Татищев*, 1994: Татищев В. Н. История Российская. Ч. 1 // Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1994.

Татищев, 1995: Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2 // Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 2–3. М., 1995.

Творогов, 1995: Творогов О. В. Тур // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995.

Тимченко, 1972: Тимченко Н. Г. История охоты и животноводства в Киевской Руси (Среднее Поднепровье). Киев, 1972.

Тиханова, 1974: Тиханова М. А. Кельтская проблема в современной археологии // Кельты и кельтские языки. М., 1974.

Тихомиров, 1946: Тихомиров М. Н. Древнерусские города // Ученые записки МГУ. Вып. 99. М., 1946.

Ткачоў, 1991: Ткачоў М. А. Замкі і людзі. Мн., 1991.

Толочко, 1975: Толочко П. П. Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

Толстой, 1966: Толстой И. И. Обряд и легенда афинских буфоний // Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966.

Томсен, 1890: Томсен В. Начало Русского государства. М., 1890.

Топоров, 1974: Топоров В. Н. К вопросу о древнебалканских связях в области языка и мифологии. М., 1974.

Топоров, 1980: Топоров В. Н. Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.

Топоров, 1984: Топоров В. Н. Oium Иордана (Getica, 27–28) и готско-славянские связи в Северо-Западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.

Топоров, 1987: Топоров В. Н. Заметки по реконструкции текстов // Исследования по структуре текста. М., 1987.

Топоров, 1989: Топоров В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989.

Топоров, Трубацев, 1962: Топоров В. Н., Трубацев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

Третьяков, 1982: Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982.

Трубацев, 1968: Трубацев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968.

Трубацев, 1974: Трубацев О. Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6.

Трубацев, 1999: Трубацев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999.

Трубацев, 1999а: Трубацев О. Н. Таврские и синдоеотские этимологии // Трубацев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка: Этимологический словарь. М., 1999. (Впервые: Этимология. 1977. М., 1979.)

Трубачев, 1999б: Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Трубачев О. Н. *Indoarica* в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999.

Трубачев, 1999в: Трубачев О. Н. *Germanica* и *Pseudogermanica* в древней ономастике Северного Причерноморья. Этимологические комментарии // Трубачев О. Н. *Indoarica* в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка: Этимологический словарь. М., 1999.

Трубачев, 1999г: Трубачев О. Н. О синдах и их языке // Трубачев О. Н. *Indoarica* в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999. (впервые: ВЯ. 1976. № 4.)

Трубачев, 1999д: Трубачев О. Н. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // Трубачев О. Н. *Indoarica* в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка: Этимологический словарь. М., 1999. (впервые: ВДИ. 1978. № 4.)

Трубачев, 1999е: Трубачев О. Н. *Indoarica* в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция // Трубачев О. Н. *Indoarica* в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка: Этимологический словарь. М., 1999.

Трубачев, 2003: Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 2003.

Тураўскі слоўнік, 1982: Тураўскі слоўнік. Т. 1. Мн., 1982.

Тюменев, 1949: Тюменев А. И. Херсонесские этюды. III. Херсонес и местное население: тавры // ВДИ. 1949. № 4. С. 81.

Удальцов, 1946: Удальцов А. Д. Племена Европейской Сарматии II в. до н. э. // СЭ. 1946. № 2.

Фасмер, 1986: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986.

Фрай, 2002: Фрай Р. Наследие Ирана. М., 2002.

Фролов, 1993: Фролов Б. А. Происхождение календаря // Календарь в культуре народов мира. М., 1993.

Хабургаев, 1979: Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет»: в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.

Цалкин, 1956: Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // МИА. 1956. № 51.

Цалкин, 1962: Цалкин В. И. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке // Цалкин В. И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА. 1962. № 107.

Цалкин, 1966: Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. 1966. № 135.

Циркин, 1974: Циркин Ю. Б. Испанские кельты и их романизация // Кельты и кельтские языки. М., 1974.

Чекалова, 1998: Чекалова А. А. Комментарии // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб., 1998.

- Чмыхов*, 1990: Чмыхов Н. А. Истоки язычества Руси. Киев, 1990.
- Шарлемань*, 1948: Шарлемань Н. В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. Вып. 6. М.; Л., 1948.
- Шафарик*, 1837: Шафарик П. И. Славянские древности. Т. 1, кн. 1. М., 1837.
- Шахматов*, 2001: Шахматов А. Разыскания о древних русских летописных сводах // Шахматов А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.
- Шелов-Коведяев*, 1994: Шелов-Коведяев Ф. В. Комментарии // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.) / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994.
- Шинаков, Гурьянов, Миненко*, 1998: Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н., Миненко В. В. Вятичи и радимичи на Десне // ГАЗ. Т. 13. Мн., 1998.
- Широкова*, 2000: Широкова Н. С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб., 2000.
- Шкунаев*, 1991: Шкунаев С. В. Комментарии // Предания и мифы средневековой Ирландии / Сост., пер., вступ. ст. и ком. С. В. Шкунаева. М., 1991.
- Шлёцер*, 1819: Шлёцер А. Л. Нестор. Русские летописи на древне-Славянском языке. Т. 3. СПб., 1819.
- Шмидт*, 1992: Шмидт Е. А. Племена северной части Верхнего Поднепровья и зарубинецкая культура // Поведамленні 2-й абласной краязнаўчай канферэнцыі (29 кастр. 1991 г.). Магілёў, 1992.
- Шпилевский*, 1859: Шпилевский П. Мозырщина // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1859, кн. 3.
- Шушарин*, 1991: Шушарин В. П. Комментарии // Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
- Щеглов, Беляев, Маслеников*, 1984: Щеглов А. Н., Беляев С. А., Маслеников А. А. Херсонесское государство и Харакс // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- Щеглова*, 1993: Щеглова В. В. Роль охоты в снабжении мясом населения на территории Беларуси в X–XIV вв. // Сярэднявекавыя старажытнасці Беларусі. Мн., 1993.
- Щепинский*, 1977: Щепинский А. О. Населення південного берега Криму в епоху раннього заліза // Археологія. 1977. Вып. 21.
- Щукин*, 1976: Щукин М. Б. Археологические данные о славянах II–IV веков. // АСГЭ. 1976. Вып. 17.
- Щукин*, 1994: Щукин М. Б. На рубеже Эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.

Balázs, Szelényi, 1989: Balázs G., Szelényi K. The Magyars. The Birth of a European Nation. Budapest, 1989.

Buck, 1949: Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago; Illinois, 1949.

- Bukowski, 1979: Bukowski Z. Charakterystyka znalezisk tzw. scytyjskich // Prahistoria ziem polskich. T. 4. Od środkowej epoki brązu do środkowego okresu lateńskiego / Pod red. J. Dąbrowskiego i Z. Rajewskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków ; Gdańsk, 1979.*
- Burkert, 1979: Burkert W. Structure and History in Greek Mythology and Ritual. Berkeley; Los-Angeles; London, 1979.*
- Cetwiński, Derwich, 1987: Cetwiński M., Derwich M. Herby, legendy i dawne mity. Wrocław, 1987.*
- Cherpilloud, 1986: Cherpilloud A. Dictionnaire Etymologique des Noms Géographiques. Paris; New-York, 1986.*
- Dąbrowska, 1981: Dąbrowska T. Kultura czarniachowska // Prahistoria ziem polskich. T. 5 Późny okres lateński i okres rzymski / Pod red. J. Wielowieckiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981.*
- Dzięczkowski, 1977: Dzięczkowski A. Tur // SSS. T. 6, cz. 1. 1977.*
- Gardawski, Woźniak, 1979: Gardawski A., Woźniak Z. Charakterystyka tła kulturowego // Prahistoria ziem polskich. T. 4. Od środkowej epoki brązu do środkowego okresu lateńskiego / Pod red. J. Dąbrowskiego i Z. Rajewskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979.*
- Gediga, 1979: Gediga B. Zagadnienia religii // Prahistoria ziem polskich. T. 4. Od środkowej epoki brązu do środkowego okresu lateńskiego / Pod red. J. Dąbrowskiego i Z. Rajewskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979.*
- Gedl, 1980: Gedl M. Ogólna sytuacja kulturowa we wczesnym i starszym okresie epoki brązu w Europie // Pradzieje ziem polskich / Pod red. Kmiecińskiego. T. 1, cz. 2. Epoka brązu i początki epoki żelaza. Warszawa; Łódź, 1980.*
- Gimbutas, 1973: Gimbutas M. The Beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans: 3500–2500 BC // JIES. V. 1. № 2. 1973.*
- Głosik, 1979: Głosik J. W. W kręgu Światowita. Warszawa, 1979.*
- Gołąb, 1975: Gołąb Z. Veneti / Venedi – The Oldest Name of the Slavs // JIES. V. 3. № 4. 1975.*
- Greek-English Lexicon, 1996: A Greek-English Lexicon. Compiled by H. D. Liddell and R. Scott. Oxford, 1996.*
- Jaskanis, Okulicz, 1981: Jaskanis J., Okulicz J. Kultura zachodniobałtyjska // Prahistoria ziem polskich. T. 5 Późny okres lateński i okres rzymski / Pod red. J. Wielowieckiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981.*
- Jovanovic, 1976: Jovanovic B. The Scordisci and the Dacians During the I century B.C. // JIES. V. 4. № 2. 1976.*
- Lowmiański, 1957: Lowmiański H. Zagadnienie roli Normanów w genezie państw Słowiańskich. Warszawa, 1957.*
- Lowmiański, 1961: Lowmiański H. Dynastia panująca na Rusi // SSS. T. 1, cz. 2. 1961.*
- Lowmiański, 1964: Lowmiański H. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tys. n. e. Warszawa, 1964. T. 1–2.*

- Lowmiański*, 1964a: Lowmiański H. Zagadnienie słowiańskich i bałtyjskich nazw plemiennych w Sarmacji europejskiej Ptolemeusza // *ABS*. T. 1. 1964.
- Macdonell*, 1893: Macdonell A.A. *A Sanskrit-English Dictionary*. London, 1893.
- Mallory*, 1973: Mallory J.P. *A History of the Indo-European Problem* // *JIES*. V. 1. № 1. 1973.
- Moreau*, 1972: Moreau J. *Dictionnaire de Géographie Historique de la Gaule et de la France*. Paris, 1972.
- Moszyński*, 1968: Moszyński K. *Kultura ludowa Słowian*. T. 2, cz. 2. Warszawa, 1968.
- Nowakowski*, 1996: Nowakowski W. Między Wschodem a Zachodem Europy – Wenedowie Tacyty i ich archeologiczne ślady // *Беларусь у сістэме транс’еўрапейскіх сувязяў у I тыс. н. э. Мн.*, 1996.
- Pokorny*, 1959: Pokorny J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1–2. Bern; München, 1959.
- Reczek*, 1991: Reczek J. Najstarsze słowiańsko-irańskie stosunki językowe // *Reczek J. Polszczyzna i inne języki w perspektywie porównawczej*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1991.
- Rospond*, 1984: Rospond S. *Słownik etymologiczny miast i gmin PRL*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1984.
- Rosen-Przeworska*, 1976: Rosen-Przeworska J. *Iconografia wschodnioceltycka*. Warszawa, 1976.
- Rosen-Przeworska*, 1979: Rosen-Przeworska J. *Spadek po Celtach*. Warszawa, 1979.
- Rožniecky*, 1901: Rožniecky St. von. Perun und Thor // *Archiv für Slavische Philologie*. Bd. 23. Berlin, 1901.
- Sihler*, 1977: Sihler A. L. The Etymology of PIE *rēǵ- ‘KING’ etc. // *JIES*. V. 5, N 3. 1977.
- Skulina*, 1973: Skulina T. *Staroruskie imennictwo osobowe*. Cz. 1–2. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973.
- Ślawnski*, 1977: Ślawnski F. *Wenedowie* // *SSS*. T. 6, cz. 2. 1977.
- Słownik geograficzny*, 1892: *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów Słowiańskich*. Pod red. Ā. Chlebowskiego. T. 12. Warszawa, 1892.
- Szabó*, 1971: Szabó M. *The Celtic Heritage in Hungary*. Budapest, 1971.
- Třeštík*, 1997: Třeštík D. *Počátky Přemyslovců. Vstup Čechů do dějin (530–935)*. Praha, 1997.
- Zawadzki*, 1961: Zawadzki T. *Bastarnowie* // *SSS*. T. 1, cz. 1. 1961.
- Zirra*, 1976: Zirra V. The Eastern Celts of Romania // *JIES*. V. 4, N 1. 1976.
- Wielowiecki*, 1981: Wielowiecki J. *Od redakcji* // *Prahistoria ziem polskich*. T. 5. Późny okres lateński i okres rzymski / Pod red. J. Wielowieckiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981.
- Woźniak*, 1970: Woźniak Z. *Osadnictwo celtyckie w Polsce*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970.
- Woźniak*, 1974: Woźniak Z. *Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974.

Список сокращений

- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
Ленинград.
- ВДИ – Вестник древней истории. Москва.
- ВСЯ – Вопросы славянского языкознания. Москва.
- ВЯ – Вопросы языкознания. Москва.
- ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
- ИАН – Известия Академии Наук СССР, серия VII, отделение
общественных наук.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- СА – Советская археология. Москва.
- СЭ – Советская этнография. Москва.
- ABS – Acta Baltico-Slavica. Białystok.
- IIES – Journal of Indo-European Studies. New-York.
- SSS – Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław; Warszawa; Kraków;
Gdańsk.

<i>Введение. Древний славянский город</i>	3
<i>Глава 1. Князь Тур. История проблемы</i>	11
<i>Глава 2. Животное: символ мощи и воинственности</i>	21
<i>Глава 3. Имя князя – Тур</i>	40
<i>Глава 4. Причерноморье: степной иранский мир и милоградцы ...</i>	56
<i>Глава 5. Причерноморье: греки и тавры</i>	75
<i>Глава 6. Ближний Восток: колыбель доместикации и культа?</i>	100
<i>Глава 7. Неукротимые противники Рима</i>	113
<i>Глава 8. Кельты и зарубинцы</i>	124
<i>Глава 9. Грозное некогда имя бастарнов</i>	140
<i>Глава 10. К вопросу о племенных союзах</i>	156
<i>Глава 11. «Латенский закат» на Востоке</i>	182
<i>Глава 12. Кельтские мифологемы</i>	199
<i>Глава 13. «Буествующие» князья</i>	211
<i>Глава 14. Туровские предания</i>	216
<i>Заключение</i>	228
<i>Библиография</i>	231
<i>Список сокращений</i>	251

Научное издание

Прохоров Андрей Аркадьевич

**КНЯЗЬ ТУР:
ИСТОРИЯ ЛЕГЕНДЫ**

**Сакрализация
княжеской власти у славян**

В авторской редакции

Художник обложки *Е. П. Протасена*

Технический редактор

Т. К. Раманович

Корректор *О. Е. Ямная*

Компьютерная верстка *А. Н. Киселева*

Ответственный за выпуск

Г. В. Лозовская

Подписано в печать 05.08.2005.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,65. Уч.-изд. л. 14,84.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100 экз.).

Зак. 856

Белорусский государственный
университет.

Лицензия на осуществление издательской
деятельности

№ 02330/0056804 от 02.03.2004.

220050, Минск, проспект Независимости, 4.

Отпечатано

с оригинала-макета заказчика.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского
государственного университета».

Лицензия на осуществление
полиграфической деятельности

№ 02330/0056850 от 30.04.2004.

220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.

ПРОХОРОВ
Андрей Аркадьевич

Доцент кафедры истории древнего мира
и средних веков Белорусского
государственного университета.

Автор более 20 научных, научно-методических
и учебных работ по истории религии
и истории древнего мира и средних веков.

ISBN 985-485-437-X

9 789854 854373